

**Е. ВОЙСКУНСКИЙ,
И. ЛУКОДЬЯНОВ**

УР, СЫН ШАМА

Научно-фантастический роман

Глава первая

ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ

Чертово городище — небольшая банка в Каспийском море с давних пор пользовалась у моряков неважной репутацией. Несколько раз за последнее столетие она вылезала на поверхность и вновь скрывалась под водой. Где-то в глубине Чертова городища клокотал грязевой вулкан. Обычно он лениво изливался через отдушины грифоны густой теплой грязью, но иногда, словно решив разматься после долгой спячки, с ревом выбрасывал наружу мощный газовый факел. Тогда море у Чертова городища вскипало, будто гигантская кастрюля на адском костре. Пласти донного грунта перемещались, и Чертово городище из островка превращалось в подводную отмель, пока очередное извержение, выбросив поглощенный грунт, не создавало новенький островок...

Вот почему банку прозвали Чертовой. Что до второй половины названия — городище, то она приклеилась к первой после промеров глубин. Промеры показывали здесь правильно чередующиеся впадины и выступы морского дна, и казалось, что впадины и выступы — это улицы и крыши домов затонувшего города. Однако аквалангисты, обследовавшие Чертово городище, обнаружили, что банка представляет собой просто ряд параллельных увалов.

Капризный характер Чертова городища не нравился каспийским морякам, и они предпочитали держаться от него подальше — разве только рыбачья шхуна, ведя лов сельди, зайдет иной раз в эти пустынные воды.

Собственно, с рыбачьей шхуны все и началось...

Ранним утром девятого сентября «Алигейдар» ставил сети в одной миле к северо-западу от банки Чертова городища. Слабый ветерок тянул с севера, шхуна с застопоренным мотором слегка покачивалась на зыби, и сеть медленно уходила в воду.

Журнальный вариант.

Вдруг «Алигейдар» затрясся всем корпусом, как больной в малярийном приступе.

— Эй, что случилось? — крикнул шкипер в люк моторного отсека. При этом его зубы сами собой выбили барабанную дробь и сильно прикусили кончик языка.

Испуганный молодой моторист выглянулся из люка. Он тоже не понимал, что случилось. Тряска усилилась. «Алигейдар» с прытью, неожиданной для такой старой посудины, отбивал залихватскую чечетку — казалось, вот-вот он развалится.

Надо было убираться отсюда как можно скорее.

Застучал мотор, и «Алигейдар» побежал прочь от неприятного места. Странная вибрация не прекращалась. Штурвал так и прыгал в руках шкипера. Не успела шхуна пройти полкабельтова, как двигатель взвыл на бешеных оборотах и пошел «вразнос». Моторист еле успел его выключить. Было ясно, что шхуна потеряла винт. Вибрация как ножом срезала его шейку. Рыбаки перепугались не на шутку.

— Па-па-па-паруса! — заорал шкипер и снова прикусил язык.

Паруса валялись «на всякий случай» в грязном носовом отсеке. Теперь этот случай настал. Медленными зигзагами, галс за галсом «Алигейдар» поплелся от Чертова городища, и тряска понемногу ослабевала.

Ровно в час, после перерыва, в Институте физики моря возобновились занятия. У младшего научного сотрудника Валерия Горбачевского настроение было скверное. И вот почему. Сегодня он твердо решил во время перерыва потребовать от лаборантки Ани Беликовой кое-каких объяснений. Как только прозвенел звонок, Валерий выскочил в примыкающий к институту сад и огляделся ястребиным взглядом. Тут к нему и подошел Грушин. Он сиял приветливой улыбкой, как будто Валерий приходился ему любимым племянником. Взяв Валерия под руку, Грушин повел его по дорожке и, слегка брызгая слюной, стал доказывать, что уважаемая Вера Федоровна в своей статье об аналогии каспийских прибрежных течений с океанскими кольцевыми изложила чересчур поспешные выводы.

Валерий беспокойно оглядывался и проклинал себя за то, что не успел вовремя смыться от Грушина. Теперь же сделать это было неудобно, да и физически затруднительно: Грушин обычно разговаривал мягко, но при этом цепко держал собеседника за руку или за пуговицу. К тому же он был начальником отдела.

— ...Измерения магнитных параметров каспийских течений пока не позволяют сделать выводы, что... — быстро текла грушинская речь.

У Валерия заныло под ложечкой: навстречу шла Аня. Она чинно шла под руку с Нонной, этой ходячей статуей, и что-то ей говорила, а Валерия будто и не существовало в природе. Поравнявшись, она взмахнула ресницами в сторону Валерия, будто дротик метнула, и преспокойно прошла мимо.

Весь перерыв, до последней секунды Грушин водил Валерия по саду. Когда же наконец прозвенел спасительный звонок, было уже поздно: Анина белая кофточка и цветастая юбка мелькнули в дверях института и скрылись.

Валерий поднялся к себе и, насупясь, принял за обработку записей подводного магнитографа. Только он взялся за счетную линейку, как его вызвала к себе Вера Федоровна, директриса. Она, прищурясь, посмотрела на вошедшего Валерия и сказала густым контральто:

— Банку Чертова городища знаете?

— Чертово городище? Конечно, знаю.

— Так вот: возьмете «Севрюгу» и сегодня же отправитесь туда. — Вера Федоровна коротко рассказала о странном исшествии с рыбачьей шхуной «Алигейдар». — Черт их там знает, чего они испугались и как ухитрились потерять винт.

Вера Федоровна сунула в крупно очерченный помадой рот длинную сигарету. Валерий щелкнул зажигалкой.

— Срок даю пять дней. Проверьте, что там происходит. Что за вибрация. Может быть, это связано с вулканизмом, активизацией грифонов — ну, в общем, выясните причину явления. Если рыбаки не сорвали, то не разрешайте запускать двигатель в опасной зоне. Пользуйтесь парусами. Вы как будто яхтсмен, старый моряк...

Валерий хотел с достоинством ответить, что он не «как будто» яхтсмен, а командир-рулевой второго класса для судов с парусностью до тридцати квадратных метров, но Вера Федоровна успела закончить:

— ...и, следовательно, у вас вся корма в ракушках.

Как и большинство океанологов, она не затрудняла себя в выборе выражений.

«Севрюга», маленькое суденышко, переделанное из военного катера — морского охотника времен Отечественной войны, плавно покачивалась у причала Института физики моря.

Валерий Горбачевский с рюкзаком на плече сбежал по сходне на палубу и был встречен оглушительным «смирно». Костя Федотов, старшина «Севрюги», облаченный в тельняшку без рукавов и синие сатиновые трусы, стоял возле надстройки, прикрыв белобрысую голову левой рукой, а правой отдавая честь. Из радиорубки выкатился парень в плавках, заросший дремучим черным волосом, и застыл, выпятив живот. Третий член экипажа высунулся по пояс из моторного отсека, сонно помигал на Валерия, сдернул с головы берет, подбросил его, поймал и скрылся.

— Товарищ адмирал! — гаркнул Федотов. — Разрешите доложить: линейный корабль первого класса «Вобла», прошу прощения, «Севрюга»...

— Довольно хохмить, — прервал его Валерий и шлепнул Федотова по руке, отдающей честь. Затем он ткнул радиста пальцем в живот, отчего тот крякнул и согнулся. Валерий часто выходил в море на «Севрюге» и был на дружеской ноге с ее экипажем, однако справедливость требует сказать, что в роли начальника экспедиции он появился впервые, чем и объяснялась почетная встреча.

«Севрюга» на малых оборотах отошла от причала и, выйдя из бухты, взяла курс на Чертово городище.

Примерно в одной миле от банки Валерий распорядился за-

стопорить моторы и лечь в дрейф. Теперь оставалось только ждать. Радист Арташес притащил удочки, и все четверо приступили к лучшему в мире препровождению времени. Вполголоса рассказывали анекдоты из жизни рыболовов. Несколько раз Валерий перевешивал датчики, опущенные на кабеле в воду, взглядывал на приборы — они пока не обнаруживали никаких колебаний.

Вибрация началась в полдень. Корпус «Севрюги» вдруг затрясся мелкой дрожью. Тонко зазвенела забытая в кружке чайная ложечка. Штаги и ванты заныли так надсадно, что у Валерия заболели зубы. Арташес зажмурился и заткнул уши пальцами. Моторист Ткачев безостановочно ругался, пока не прикусил язык.

Каждая деталь катера, казалось, издавала свой звук, и эти звуки сливались в дикую и весьма неприятную какофонию.

Валерий кинулся к приборам. Рычажок самописца чертил на медленно ползущей графленой ленте узкие зигзаги.

— Валера! — позвал Федотов, показывая на воду. — Глянь, что делается!

Вода вокруг катера была в серебряных пятнах: рыба, оглушенная или убитая, всплывала на поверхность брюхом вверху. Оглушенная или убитая? Это было очень важно.

— Чертак! — крикнул Валерий.

Федотову удалось начерпать десятка два рыб и вывалить их в бачок с морской водой. Через несколько минут крупные рыбы очнулись и начали плавать по кругу, тыча мордами в стенки бачка. А мелочь, оглушенная насмерть, так и не проявила признаков жизни.

— Похоже на ультразвук, — сказал Валерий и снова подошел к самописцу, посмотрел на масштаб.

Да, колебания были явно ультразвуковые. Невидимые и неслышимые, доступные только чуткому слуху приборов, они заставляли «Севрюгу» трястись мелкой дрожью, которую колебания всех частей катера превращали в слышимые звуки.

Больше двух с половиной часов продолжалась вибрация. За это время Валерий установил, что повторялось несколько музыкальных фраз, если такое выражение можно применить к ультразвуку. А может, это не музыка, а какие-то сигналы? Телеграфные? Нет, морянка исключалась: паузы чередовались слишком неравномерно. Пожалуй, чередование колебаний напоминало человеческую речь, переведенную с нормальной частоты в ультразвуковые колебания морской воды, а потом на приборах превращенную в фиолетовые зигзаги на ленте.

Вибрация прекратилась так же внезапно, как и началась.

Валерий коротко рассказал команде о своих предположениях.

— Человеческая речь? — Федотов недоверчиво отглядел пустынное море. — Кто же это балует? Человек-амфибия?

— Если записать эти подводные сигналы в виде цифр, выражающих частоту и продолжительность звучания, — сказал Валерий, — то наша институтская ЭВМ сможет быстренько пересчитать ультразвуковую запись в звуковую, а потом по звуковым частотам найти все буквы. Конечно, только гласные. Ну, дальше уже легче. Сама машина сможет подобрать под-

ходящие согласные и дополнить текст. Я уверен, что это человеческая речь.

Двое суток дрейфовала «Севрюга» над Чертовым городищем, записывая неизменно повторяющиеся колебания. К счастью, погода была тихой и не мешала наблюдениям. Ставя буйки на якорях, экипаж «Севрюги» окольцевал зону наибольшей интенсивности; наконец был поставлен буек с флагом, отметивший центр зоны.

Первичные наблюдения можно было считать законченными. Теперь следовало доложить по радио начальству и запросить инструкций. Но Валерий на свой риск решил обследовать зону поглубже. Часы вибрации были точно известны. И по окончании очередного «вибросеанса», как они называли это, Валерий вытащил на палубу чемодан с аквалангом.

Он прикинул: в баллонах две тысячи литров воздуха, глубина здесь шесть-семь метров, значит, воздуха хватит на целый час. До следующего вибросеанса — не менее двух часов. Впрочем, вибрация опасна только для мелкой рыбешки, а в нем, Валерии, как-никак шестьдесят девять кило. Но кто знает, какие номера может выкинуть Чертово городище, и Валерий решил принять некоторые меры предосторожности.

— Значит, так, Костя, — сказал он, закидывая за плечи баллоны и застегивая ремни. — Если через час... нет, через сорок пять минут я не вернусь, бери второй акваланг и ныряй. Захвати веревку и фонарик. Ладно?

— Добро, — сказал Федотов.

Вода была просто наслаждение после раскаленной стальной палубы «Севрюги». По чистому песчаному дну скользили веселые солнечные зайчики. Дно понижалось, и Валерий, плывя над его уклоном, забирался все ниже. Яма, в которую он спустился, упиралась в крутой подводный холм — очевидно, это начиналась сама банка. Из песка причудливо торчали плиты ноздреватого песчаника. Валерий медленно плыл вдоль подводного увала, посвечивая фонариком в темные дыры, зиявшие в его склоне, — старые кратеры грязевого вулкана.

Вот оно, значит, Чертово городище. Да, не очень-то приятное местечко, подумал Валерий и вдруг остановился.

Из наклонной стены увала торчало длинное сигарообразное металлическое тело, наполовину скрытое в дыре кратера. Оно имело метра три в диаметре и сильно суживалось в концу.

«Привет! — подумал Валерий. — Подводная лодка... Откуда она здесь взялась? И как ухитрилась залезть в эту мышеловку? Тоже мне подводнички... Что-то ни руля, ни винтов не видать в корме, если это корма. Странная подлодка...»

Пошевеливая ластами, Валерий висел над лодкой, вглядываясь в черную щель между ее корпусом и стенками кратера. Посмотрел на манометр. Воздуха еще много, минут на сорок. А, была не была! И, включив ручной фонарик, он решительно полез в щель.

Обдало глубинным застоявшимся холодом. Валерий потрогал корпус лодки, ладонь скользнула по гладкому полированному металлу. Странно: ни одного сварного шва, не говоря уж о заклепках.

Щель кончилась, и Валерий оказался в подводной пещере.

В свете фонарика он видел веретенообразное тело лодки. Должно быть, это «малютка», не больше пятнадцати метров в длину. Стоп! Дверца! Валерий тщательно осмотрел тонкий стык хорошо пригнанной овальной дверцы. Опять-таки странно: насколько ему известно, у подводных лодок боковых дверей не бывает, люк находится наверху, в рубке. Но тут никакого намека на рубку.

Валерий пробрался к «носу» лодки и убедился, что и там нет ни рулей, ни винтов. Гладкое веретено без единого выступа, с одной только овальной щелью дверцы на боку.

Вдруг Валерий вспомнил, что под водой время идет незаметно. Он взглянул на манометр и ощутил мгновенный холодок страха: воздуха оставалось только на обратный путь.

Скорее назад!.. Только вот фонарик прицепить к поясу, чтобы не мешал. Но когда он снимал с левой руки петлю фонарика, она выскоцила, и фонарик ушел вниз. Валерий понялся было за светлячком, погружающимся в бездонный колодец, почувствовал, что заложило уши, и ему по-настоящему стало страшно.

Он рванулся вверх, сильно загребая руками и отталкиваясь ластами. Ударился головой о потолок пещеры. Кромешная тьма обступила его. Где-то там, наверху, сияние дня, «Севрюга», тварищи, а здесь тьма и гибель...

Воздух кончился. Нечего было крутить вентиль. Легкие судорожно старались втянуть воздух, но вдох не получался. Черная тьма — и нет воздуха...

Он ощущил грудью гладкий металл. Лодка! Там люди, они дышат, у них воздух!

Из последних сил удерживая опустошенные, запертые легкие, он вырвал из ножен нож и отчаянно застучал рукояткой по металлу.

Металл вдруг подался, в нем образовалась пустота, и тут же Валерия с силой втянуло внутрь лодки, и сзади со стуком захлопнулась дверь.

Глава вторая

УР, СЫН ШАМА И ҚАА

Он вырвал изо рта загубник и сделал судорожный вдох. Со стоном выдохнул, снова глотнул воздух. Воздух был свеж и прохладен. Прислонясь баллонами к стене, Валерий часто и жадно дышал, приходя в себя и освобождаясь от удушья. Когда дыхание успокоилось, он снянул маску, и ноздри его ощутили незнакомый, но приятный аромат.

Видимо, он находился в шлюзовом отсеке. Вода, доходившая почти до пояса, бесшумно убывала, и, когда обнажился пол, что-то сдвинулось в стене, и Валерий увидел овальный проем, мягко освещенный розоватым светом.

Дверь пошла вбок, как в вагоне, только беззвучно, и Валерий, шлепая мокрыми ластами, вошел в небольшое помещение, залитое тем же розовым бестеневым светом. Прямо перед ним стоял человек необычной внешности.

Это был рослый парень примерно одних с Валерием лет. На нем были не то трусы, не то плавки. Крепкий торс перекрещивали две широкие синие ленты, расходившиеся к плечам на манер латинского V. Поперек груди шла третья лента. Вся эта сбруя, как мысленно определил Валерий, была снабжена множеством карманчиков с хитрыми застежками. Темные волнистые волосы, скваченные белым обручем, падали почти до плеч. Смуглое лицо с толстыми губами и носом с горбинкой окаймляла короткая кудрявая бородка. Его карие глаза в ободке черных ресниц скользнули по Валерию и изумленно уставились на ласты. С выражением какого-то детского любопытства подводник указал пальцем на ласты и произнес фразу на непонятном языке, со множеством гласных и звонких звуков.

— Чего? — обалдело переспросил Валерий.

Незнакомец открыл в улыбке плотные белые зубы, шагнул вперед и погладил Валерия по плечу. Тот невольно отшатнулся. Черт его знает, что за птица. Вырядился не по-человеческому, бороду отрастил, а стыд еле прикрыт. В лице определенно что-то восточное. Неужели иранец?

Незнакомец ткнул себя длинным пальцем в грудь и сказал:

— Ур.

«Ну и имя!» — подумал Валерий. Он повторил жест незнакомца и сказал:

— Валерий.

— Ба-ре-ли, — отчетливо произнес Ур.

— Да нет. Ва-ле-рий.

— Данет Валерии...

— Да нет — не надо, просто Валерий.

Ур пытливо посмотрел на собеседника и решительно подытожил затянувшееся объяснение:

— Данет.

Он что-то говорил на непонятном языке, а Валерий тем временем лихорадочно соображал, как же быть дальше. Прежде всего, разумеется, надо вытащить подводную лодку из каверны — Ур в этом, должно быть, и сам заинтересован.

Только сначала напиться бы...

Сложив руку горстью, он поднес ее ко рту и сделал несколько движений губами.

Ур закивал головой, отодвинул стенную панель и достал нечто вроде велосипедного насоса. Поднеся его ко рту, он нажал ручку. Из насоса выдавилась толстая колбаска зеленоватой пасты, которую Ур подхватил губами и с видимым удовольствием съел. Затем он протянул насос Валерию.

— Концентрат, — сказал Валерий. — Пища космонавтов. Да мне не есть, а пить хочется.

Он не взял насос и опять поднес горсть ко рту.

На лице Ура отразилось недоумение. Он снова протянул насос, проговорив нечто, судя по интонациям, весьма убедительное. Валерий нерешительно поднес насос ко рту. Зеленоватая паста была прохладна и очень вкусна, но вкус был совершенно незнакомым. Оказалось, что паста хорошо утоляет и голод и жажду.

Вытянув руку ладонью вверх, он стал рисовать на ней указательным пальцем другой руки.

Ур оказался сообразительным. Он живо схватил Валерия за локоть и подвел к наклонной доске с рукоятками и приборами — странными приборами без цифровых шкал и стрелок.

«Пульт управления», — подумал Валерий.

Ур что-то тронул, в левой части доски отскочила крышка. В углублении пульта Валерий увидел два ролика, между которыми тянулась широкая нежно-голубая лента. Рядом в продолговатом гнезде лежало несколько тонких цветных стержней. Валерий взял один из них, попробовал на голубой полосе — пишет.

Тогда он быстро нарисовал в разрезе море, подводную банку, пещеру и застрявшую в ней лодку Ура. Ур жарко дышал ему в плечо и кивал: понял, значит. На поверхности моря Валерий нарисовал «Севрюгу». Ур вопросительно посмотрел на него.

— Катер, — объяснил Валерий. — Мотобот. Неужели не понимаешь?

Нет, Ур явно не понимал. Он взял другой стержень и, продвинув ленту на роликах, нарисовал свою лодку, разворачивающуюся в подводной пещере носом к отверстию, а затем развел руками с беспомощным видом. Еще несколько эскизов и жестов — и Валерий понял, что развернуться в тесной пещере лодка не может, а заднего хода почему-то нет.

Серией эскизов Валерий с максимальной наглядностью изобразил, как с катера на шлюпке подают трос, ныряют, зацепляют за корму лодки и вытаскивают ее из щели. Ур оживленно закивал головой и, нарисовав торчащую из отверстия коромовую часть, показал, что трос можно зацепить за выступ под кормой, не замеченный Валерием.

Так, обмениваясь рисунками, они обошлились без языка и, похоже, сумели договориться. Но как связаться с экипажем «Севрюги»? Там, должно быть, уже началась тревога, ведь по времени ребята знают, что запас воздуха у Валерия кончился...

Ур сел в кресло перед пультом. Тронул что-то — один из приборов осветился. Он выдвинул из ручки кресла длинный стержень с шариком на конце, поднес ко рту и заговорил. И сейчас же лодку затрясло мелкой дрожью. Стоило Уру сделать паузу — дрожь прекращалась.

«Вот где источник ультразвука», — подумал Валерий.

Ур встал с кресла и жестом пригласил Валерия. Тот сел, перешептываясь взял стержень с шариком и громко сказал: «Al» Лодку тряхнуло.

— Пусть трясет, — сказал Валерий вслух. — На «Севрюге» почувствуют. — И, приблизив рот к шарику, однотонно завыл, делая сигнал общего вызова, повторяя знак «A» по азбуке Морзе. Он знал, что там, на «Севрюге», на ленте самописца теперь зубцы пойдут таким образом, что Арташес поймет чередование точек и тире.

Ур с недоумением смотрел на Валерия. Кажется, он не понимал, почему воет человек, только что издававший членораздельные звуки.

— Чего смотришь? — в свою очередь, удивился Валерий. — Азбуки Морзе не знаешь? Хорош подводничек!

Дважды он повторил морянкой обращение к Косте Федотову, объясняя, как найти корму лодки и как завести трос. От непрерывного вытая у Валерия пересохло во рту, пришлось освежиться зеленою пастой. Теперь оставалось ждать. Валерий встал с кресла — он только теперь догадался снять с себя акваланг и ласты. Любознательный Ур тотчас подхватил их и начал рассматривать.

Внутренняя дверь тихо отворилась, из глубины лодки появился пожилой длиннобородый человек. Голова его была повязана белой косынкой, длинные концы ее свисали над левым плечом. На нем была белая накидка, доходившая до пола. Выпростав смуглую мускулистую руку с медным кольцом на предплечье, он протянул ее к Валерию и заговорил.

— Шам, — указал Ур на длиннобородого и погладил его по плечу.

«Странные имена», — подумал Валерий.

Величественный Шам вышел. Вскоре он вернулся, ведя за руку немолодую, но статную женщину в длинной белой одежде. Женщина на подводной лодке!

— Каа, — сказал Ур, взял ее руку и приложил к своей щеке. Потом Ур нарисовал на ленте мужчину и женщину в длинных одеждах, держащих за руки ребенка. Показав на ребенка, он ткнул себя в грудь.

— Значит, это твои папа и мама? — сказал Валерий. — А дядей-теть здесь нету? Интересно, семейная подводная лодка!

Он поочередно поклонился родителям Ура. Те важно покивали головами, Каа сказала что-то приветливое и вышла. Шам последовал за ней.

Снаружи заскребло по корпусу лодки. Потом раздался стук. Азбука Морзе! Костя Федотов вызывал начальника экспедиции.

Ур отодвинул в одном месте стенную панель — здесь под панелью была голая стенка. Подав Валерию инструмент, напоминающий разводной ключ, показал, что можно этим стучать.

Двусторонняя звуковая, а вернее стуковая, связь была установлена. Шорохи, скрежет за бортом, двадцатиминутная тишина — и наконец долгожданный рывок. Валерий и Ур еле устояли на ногах. Вытянутая из тесного отверстия лодка вскрыла на поверхность и закачалась на воде.

Ур вышел в шлюзовой отсек, распахнул дверь и высунулся наружу. Валерий последовал за ним. Он видел, как раздуваются ноздри Ура, вдыхая морской воздух, как блестят его глаза, перебегая с «Севрюги», покачивающейся в полукабелетове, на шлюпку у кормы подводной лодки. В шлюпке Костя Федотов с помощью Володи Ткачева освобождал трос, тянувшийся от лодки к «Севрюге».

Ур захлопнул дверцу и жестом пригласил Валерия в отсек управления. Сев в кресло, он повернул ручку — и переборка перед пультом превратилась в экран, на котором Валерий увидел море, «Севрюгу» и шлюпку. Затем Ур легко провел пальцами по клавиатуре пульта. «Севрюга» вдруг начала уменьшаться и вместе с морем уходить вниз. Лодка взлетела!

Рис. Ю. МАКАРОВА

Глава третья

«ВЫ УЧЕНЫЕ, ВЫ И РАЗБИРАЙТЕСЬ»

Лодка летела с небольшой скоростью над морем. Ни компаса, ни других знакомых Валерию навигационных приборов на пульте управления не было. Только по экрану внешнего обзора медленно скользила полоска света — должно быть, указатель курса.

Тревога жгла Валерия. Мелькнула мысль: а не наброситься ли на этого пилота-подводника, появившегося будто из смутных сновидений, — да, не наброситься ли на него сзади, сорвать эти дурацкие подтяжки и прикрутить его подтяжками к креслу? А что потом? Он, Валерий, не имеет ни малейшего представления о том, как следует управлять этим диковинным кораблем, все здесь ново, непривычно, непонятно... Да и удастся ли скрутить?.. Уж скорее он, Валерий, окажется скрученным, а потом выйдет прямо из стены иностранный майор — выйдет с наглой улыбкой, попыхивая сигарой, развалится в кресле и начнет допрос. «Ну, не на такого напал! Во всяком случае, я вам не дамся», — с вызовом подумал Валерий, и от этой мысли ему стало легче.

По положению солнца, клонившегося к закату, он определил, что лодка летит на северо-запад. Определил ли это и Костя Федотов, сообщил ли курс пограничникам? Конечно, сообщил по радио. На Костю можно положиться. Наверно, уже взлетели или готовятся взлететь перехватчики. Весело будет!

Из соседнего помещения вышел длиннобородый Шам. Величественно кивнул Валерию и тоже встал за спиной Ура, глядя на море, колыхавшееся на экране. Валерий неприязненно смотрел на резкий горбоносый профиль Шама, на грубый браслет, охвативший его предплечье. Сколько ему — пятьдесят с лишним? «Папочка под стать сыночку, — подумал он, — тоже ненормальный. — И тут вдруг вспомнил об Ане. «Ненормальный» — это было ее любимое слово. — Посмотрела бы ты, Аня, сейчас на меня, как я лечу черт знает в чем и черт знает с кем, а главное — черт знает куда. А если мне не суждено тебя больше увидеть, Аня, то... ну что ж, не поминай лихом... и очень жаль, что у нас не сладились отношения, а все потому, что тебе нравится, чтобы возле тебя крутилось не меньше десятка научных сотрудников, предпочтительно старших, а мне это не нравится, да к тому же я пока младший, незащищенный эм-эн-эс. Ну что ж, Аня, прощай...»

Занятый наблюдением за отцом и сыном, Валерий не сразу заметил, что на экране теперь плавает земля. То был низкий песчаный берег, тут и там в пятнах бурых кустиков верблюжьей колючки. Потом слева потянулась грязь пологих холмов.

Лодка теперь летела очень медленно, едва ли не со скоростью пешехода. Шам кликнул жену, та поспешно вошла, обмотанная белым покрывалом, и оба они уставились на экран, то и дело обмениваясь какими-то замечаниями.

«Что же это за места? — лихорадочно соображал Валерий. — Похоже, выскочили к побережью чуть южнее Приморска... Э, да он изменяет курс! На посадку, что ли, заходит?»

Лодка зависла в воздухе и по вертикали пошла вниз. Легкий толчок. «Хоть это хорошо, — промелькнуло у Валерия в голове, — на своей территории сели, не за границей».

Шам, а за ним Каа вышли из отсека в тамбур, а оттуда спустились по трапу на землю. За ними спустился Валерий, последним выпрыгнул Ур. Осмотрелись. Ландшафт был полу-пустынnyй. Скучные редкие кустики эфемеров покрывали сухую растрескавшуюся землю. Неподалеку белела каменная осыпь, и оттуда вытекал, слабо журча, родник. Вода заполняла стариинную водопойную колоду, выдолбленную в огромном камне, и, переливаясь через край, уходила в заросли камыша.

Шам, а за ним и все остальные двинулись к роднику. Валерию в босые пятки впивались колючки. Он, в одних плавках, с непокрытой головой, изнывал от жары.

Шам, подойдя к колоде, с величественным видом погрузил в прозрачную воду руки, а потом и лицо. Он напился, умылся и вытер лицо и бороду полой своего длинного одеяния. Каа тоже напилась, потом оба скинули грубые сандалии, вымыли ноги и сели рядышком на камень. Ур нерешительно подступил к колоде и некоторое время всматривался в свое отражение, потом осторожно потрогал воду пальцем.

«Боится, что отравленная? — подумал Валерий, наблюдая за ним. — А может, он не шпион, а пришелец? Гм, пришелец... Лодка у него чудная, но все же не космический корабль. Да и родители его совершенно земные, похожие на кого угодно, на бедуинов, туарегов или на кого там еще, но только не на пришельцев из неведомых миров...»

Валерий напился, плеснул водой себе в лицо. Взглянув на Уру, увидел, что тот смотрит на него с неистовым любопытством. Шам сказал что-то, а Каа засмеялась, и тогда Ур решился наконец. Вытянув губы трубочкой, он сделал первый глоток. Потом стал пить с возрастающей жадностью. Он звучно глотал, чмокал. И только после окрика своего строгого родителя оторвался от воды.

— О-о, — выдохнул он, изумленно-счастливыми глазами поглядев на Валерия. — О-о-o!

Тут послышались лай и блеяние. Из-за нагромождения скал выбежали две большие широколобые собаки, каких в этих местах называют «алабаш». Увидев незнакомых людей, псы остановились, свирепо рыча. Ур смотрел на них с опаской. А Шам вдруг встал и медленно пошел к собакам, улыбаясь и негромко говоря что-то на странном своем языке. Псы залились яростным лаем, один из них припал на задние лапы, готовясь к прыжку, но Шам продолжал медленно приближаться и бормотать. И — странное дело! — грозные «алабаши» притихли, их рычание перешло на низкие ноты и прекратилось вовсе. Шам без страха потрапал по загривку одного, другого...

Из-за скалы высипала отара овец — плотно сбитая масса пыльной шерсти, гнутых рожек и тонких ножек. За отарой, помахивая длинным посохом, шел пожилой пастух.

— Салам алэйкум, — степенно сказал он, обращаясь к старшему — Шаму и подавая ему руку. Потом посмотрел на блестевшую под солнцем лодку и спросил: — Самолет, ракет? Вынуждены посадка?

— Да, вынужденная посадка, — сказал Валерий. — Отсюда далеко до райцентра?

— Зачем далеко? Там, — пастух махнул рукой в сторону гор. — Еще близко наше село.

— А телефон у вас в селе есть?

— Правлени колхоза есть.

Увидев, что пастух удивленно смотрит на что-то за его спиной, Валерий обернулся. Шам и Каа, войдя в гущу столпившихся у водопоя овец, стояли на коленях, обнимали и целовали глупые овечьи морды. Валерия поразило выражение лиц Шама и его жены — умиленное, разнеженное, счастливое. Слезы радости катились по их щекам.

— С ума посходили, — проворчал Валерий.

Быстро нарастающий гул заставил его вскинуть голову. Со стороны моря шли два самолета. Прошив голубизну неба длинным белым стежком инверсионного следа, они промчались и скрылись из виду. «Наверное, перехватчики», — подумал Валерий и совсем приуныл, не зная, как теперь быть.

Но все решилось неожиданно просто. Шам не пожелал расстаться с овцами. Сказав что-то Уру, он поспешил за уходящей отарой. Каа послушно засеменила следом. Ур, напившись еще раз воды, двинулся за ними. На лодку он даже не взглянул, будто ее и не было здесь, — новая странность...

Валерий зашагал рядом с Уром.

Звонить пришлось сложным путем: райцентр, коммутатор нефтеразведки, какая-то «восьмая» и наконец погранохрана. Слыshно было плохо, Валерий орал во весь голос, пот лил с него горячими ручьями. Докричался наконец. Далекий голос подтвердил, что все понял, и велел Валерию быть неотлучно при иностранцах, пока не приедут за ними.

«Иностранцы» ни о чем, как видно, не подозревали. Они вели себя странно, и, если бы не Ур с его летающей лодкой, Валерий подумал бы, что вот пришли гости из соседнего колхоза обменяться опытом летнего содержания овечьего стада.

Во дворе правления под развесистым тутовым деревом вокруг Шама и Каа собралась группа колхозников. В центре группы мекал черный упитанный баран. Шам осматривал его, щупал, что-то говорил, жестикулируя. Колхозники отвечали ему на своем языке и тоже жестикулировали, и было видно, что здесь уже установилось взаимопонимание.

— Этот человек очень хорошо баражку знает, — сказал Валерию председатель колхоза, дородный мужчина с седыми усами и печальными глазами. И добавил: — Исключительно умный человек.

— Точно, — подтвердил Валерий, неловко чувствуя себя в одних плавках и понимая, что мало похож на гида, сопровождающего иностранных туристов. — Знаете что? — сказал он неожиданно для самого себя. — Мы там купались и... понимаете, вся одежда в машине осталась... Может, найдется у вас что-нибудь — рубашка, брюки, что ли...

— Почему не найдется? — Председатель неторопливо закурил болгарскую сигарету.

— Понимаете, за нами должны приехать, и нужно, чтобы эти люди... в общем, задержать их нужно.

— Это я и без тебя понял. — Председатель кликнул шустрого паренъка и велел принести что-нибудь из одежды для Валерия. — Ты не беспокойся, — сказал он, поглаживая усы. — Пока плов сделаем, пока кушать будем, эти люди никуда не уйдут. Этот человек очень барашку любит.

После ужина подали крепко заваренный чай в маленьких пузатых стаканчиках. Но Шам и его жена посмотрели на чай с недоумением и не стали пить. Знаками они попросили воды, им принесли кувшин с водой и чашки. Ур тоже, конечно, налился на воду, вливал в себя чашку за чашкой, и тут во двор правления въехали черная «Волга» и «газик».

Валерий вскочил и, путаясь в слишком широких штанах — старых штанах председателя, — поспешил к выпрыгнувшим из «Волги» людям.

— Исходя из всего этого, — сказал Андрей Иванович, хлопнув ладонью по папке, набитой бумагами, — делаем вывод, что они не входят в сферу нашей компетенции. Не наше, в общем, дело. — Он вытер платком лысую голову, блестевшую от пота. — Вы ученые, вы и разбирайтесь.

В кабинете председателя колхоза было жарко. Вентилятор деловито гудел на столе, слегка подпрыгивая и как бы намереваясь взлететь, но прохлады от него не было никакой.

«Ну вот, — думал Валерий, — почти две недели разбирались, экспертов понавезли целый взвод, а теперь — «не наша компетенция». Пусть наука разбирается. А что наука? Ну, произвели антропометрическое обследование Ура (насколько он разрешил), уточнили, что никаких отличий от homo sapiens у него не имеется. Расовые признаки выражены неясно, языки непохож ни на один из ныне существующих, поведение — странная смесь дикарского любопытства, непрятворного незнания многих обиходных предметов и понятий и умения управлять техникой небывалого вида и качества.

Правда, запись насчет небывалой техники была сделана только со слов Валерия, потому что летающую лодку обследовать не удалось. Лодка исчезла в тот самый вечер, когда в колхоз по вызову Валерия приехал Андрей Иванович со своими людьми. У родника, там, где приземлилась лодка, ее не оказалось. Поиски продолжались несколько дней, пограничники прочесали всю прилегающую местность. Исчезновение лодки было тем более удивительно, что Ур безотлучно находился в селении и, следовательно, никак не мог поднять ее в воздух.

Потом взял слово один из экспертов, Пиреев, представитель высоких научных сфер.

— Очень приятно, Андрей Иванович, что вы доверяете нам, ученым, столь деликатное дело, — говорил он, чуть шепелявая. — Должен, однако, признаться, что космическая версия, предложенная нашим юным другом Горбачевским, повергает меня в сильнейшее смущение. Прошу понять правильно — я допускаю возможность инопланетного разума, поскольку на этот счет имеются положительные высказывания компетентных товарищей. Но эти трое, согласитесь, Андрей Иванович, никак не укладываются в наше представление о так называемых

пришельцах. Когда я смотрю на этого... гм... Шама, я просто не могу поверить, что он имеет какое-либо отношение к космическому перелету, к иной цивилизации. Передо мной типичный землянин. Я бы сказал, прирожденный скотовод.

— Максим Исидорович, — перебил его Андрей Иванович, — Горбачевский, насколько я понял, и не говорит о Шаме ничего подобного. Верно, Горбачевский?

— Да. — Валерий прокашлялся. — Не говорю. Ур, по-моему, инопланетник, он высадился на своей лодке с космического корабля, который остался на орбите или, может, улетел дальше. А пожилых он прихватил где-то на Земле. Где-нибудь в Азии, скажем. Мало ли на планете плохо изученных племен.

— К сожалению, лодки нет, и где она — неизвестно, — сказал Пиреев. — Кстати, чудеса в управлении этим аппаратом, о которых вы нам рассказывали, не столь уж сильно поражают воображение. На нынешнем уровне науки и техники такой аппарат может быть создан уже сейчас. Несомненно, он управляет дистанционно... Короче говоря, Андрей Иванович, не торопились ли вы вывести дело за сферу своей компетенции?

Один из участников совещания, сухопарый седоватый человек с удивленно вздернутой правой бровью, сказал:

— Я думаю, было бы правильнее не относить наших пришельцев непременно к какой-нибудь сфере, а понаблюдать за ними некоторое время. Хорошо бы в естественных условиях.

— Что значит — в естественных условиях? — спросил Пиреев.

— Пусть живут, где им нравится... Ну вот, скажем, Шаму, как мы видим, нравится здесь, в колхозе, он хорошо разбирается в животноводстве. Почему бы ему с женой не пожить здесь некоторое время? Его поведение было бы у всех на виду.

— Допустим. А как быть с этим... гм... Уром?

Лев Семенович пожал плечами и выразительно посмотрел на часы.

— Ну так, — сказал Андрей Иванович после долгого раздумья. — Вы тут, Максим Исидорович, серьезные доводы привели. Все же повторю: нет у нас оснований задерживать этих людей. А вы, пожалуйста, ими займитесь. Я с профессором Рыбаковым согласен, — кивнул он Льву Семеновичу, — понаблюдать надо. Шам, как я понимаю, никуда от овец не захочет уйти, вот и пусть поживет здесь. Пусть нормально работает, как обычный колхозник. Об этом можно будет договориться. Что касается Ура... — Он посмотрел на Валерия. — Вы как будто нашли с ним общий язык, Валерий Сергеевич. Вчера, я смотрел, вы шли с ним на пруд купаться как два зайдычных друга, любо-дорого.

Валерий выжидательно смотрел на Андрея Ивановича, вытянув шею и часто моргая белесыми ресницами.

— Так вот. Было бы неплохо, если бы над ним еще масть пошевеливали. — У Андрея Ивановича возникло на лице добродушное выражение. — Может, он пожил бы у вас дома, а? В естественных условиях, как тут говорили.

— Да что вы, Андрей Иванович, это никак невозможно, — вскинулся Валерий. — Я у тетки живу, как она на это посмотрит...

— Ты его нашел, ты и шефствуй, — усмехнулся Андрей Ива-

нович, перейдя вдруг на «ты». — Сам же утверждаешь, что он прилетел с Марса или откуда там еще? Вот и подтверди. Скажешь тетке, что к тебе иностранный специалист прикреплен на некоторое время. Сколько у вас комнат? Две? Ну, разместись. Или категорически возражаешь?

— Ладно, — не сразу ответил Валерий. — Попробовать можно... Только вот как практически...

— Максим Исидорович, нельзя ли дать указание в их институт, чтобы Горбачевского командировали, скажем, для выполнения спецзадания?

— Отчего ж нельзя? Пришлите мне бумагу, и я дам указания.

— Вот и ладно. Пока на месяц, а там видно будет. Зарплату пусть переводят Горбачевскому на домашний адрес. Так? Теперь возьми-ка ручку, Валерий Сергеевич, и пиши. — Он протянул Валерию свой служебный блокнот, раскрытый на чистой странице. — Пиши: я, такой-то, должность, место работы...

Пока Валерий писал, Андрей Иванович достал из портфеля пачку денег.

— Посчитай, — сказал он. — Пиши дальше: получил столько-то, сумму прописью, на специальные расходы. Подпиши. Значит, так: приодень их по-человечески, остальное — на содержание Ура. Документального отчета у тебя не потребую, но прошу зря не швыряться. Договорились? Вообще-то надо бы это по науке провести, да слишком у вас сложно с деньгами. Контакт, Валерий, будешь держать с профессором Рыбаковым, так? Спасибо, товарищи, за проделанную работу. Само собой, прошу эту историю не разглашать. Ни к чему нам сенсации...

Глава четвертая

УР НАЧИНАЕТ РАБОТАТЬ

Родителей Валерий потерял рано и жил у тетки, родной сестры матери. Тетя Соня работала зубным врачом в поликлинике. Много лет назад она осталась одна после неудачного брака и всю силу привязанности, нерастраченной нежности обратила на племянника. Валерий рос непутевым парнем, недоучился, бросил школу, пропадал по вечерам на бесконечных танцульках. От него частенько пахло вином, и он дерзил тетке, когда та принималась его упрекать, и она приходила в отчаяние, горько плакала. Просто счастье, что в институте НИИТранснефть, куда Валерий устроился на работу лаборантом, попались толковые молодые инженеры, которые взялись за парня, приютили его к морскому спорту и вообще, как рассказывала тетя Соня сослуживцам, «повлияли на мальчика благотворно». С той поры его будто подменили: пошел учиться, окончил вечернюю школу, окончил вечернее отделение института и вот стал младшим научным сотрудником в Институте физики моря, все пошло хорошо, настали для тети Сони спокойные дни. Впрочем, не такой у нее был характер, чтобы жить спокойно.

Теперь волновало ее, что «мальчик никак не женится», а ведь уже ему двадцать семь...

Теперь вот иностранца привел в дом, тоже и от этого было у тети Сони неспокойно на сердце.

Ура Валерий представил ей как иностранного специалиста-практиканта, чудака и оригинала, не пожелавшего жить в гостинице. И верно, чудаковатый он был, дома ходил в плавках и босиком, воды пил безобразно много, да и имя его как-то не внушило тете Соне доверия.

— По-моему, у Барсуковых была собака по имени Ур, — громким шепотом сказала она Валерию в день, когда тот привел гостя.

— Урс у них был, а не Ур.

— Это все равно, — убежденно заявила она. — А какую еду ест твой оригинал?

— Шут его знает. Да ты не выкладывайся, теть Сонь, — сказал Валерий. — Что ему дашь, то и сожрет.

— Ну и выражения у тебя, Валечка. Ведь все-таки он иностранец.

Никто не знал, каким тяжким грузом легла на плечи Валерия тайна странного гостя. Обучение языку шло хорошо, Ур схватывал все на лету. С детским любопытством Ур изучал географическую карту, перелистывал книги в книжном шкафу, разглядывал иллюстрации в журналах. Терзал Валерия беспрерывными вопросами. Необычайно быстро освоился с математическими терминами и небрежно листал толстые учебники высшей математики и физики. Валерий с удивлением обнаружил, что в этих областях знания Ур осведомлен несравненно более, чем он.

Хуже было на улице. Тут с Ура ни на секунду нельзя было спускать глаз. Он подолгу разглядывал встречных женщин и улыбался им во весь рот. Он брал с прилавка уличных киосков понравившиеся предметы — яблоки, конфеты, пестрые пачки сигарет, тюбики с зубной пастой. Смысл денежного обращения был ему явно недоступен. Быстрее всего Ур научился выбирать из медных монет нужные для автоматов с газированной водой. Ни одного автомата он не пропускал.

В кино Ур сидел и хлопал глазами, и было видно, что смысл происходящего на экране до него не доходит. Зато цирк вызвал у него бурный восторг, и он приставал к Валерию, требуя снова и снова повести его на цирковое представление.

Много было в этом человеке непонятного. Как-то вечером Валерий отправился в продмаг за покупками. А когда вернулся домой и вошел в прихожую, тетя Соня высунулась из кухни, поманила его пальцем, громко зашептала:

— Ой, что это с ним делается, Валечка? Я зашла сейчас в вашу комнату, а он стоит у окна, бормочет, на вопрос не ответил, боюсь, вылезет сейчас из окна, вскарабкается на крышу, они ведь знаешь какие, лунатики...

Валерий распахнул дверь.

Напряженно выпрямившись и запрокинув голову, Ур стоял у окна, спиной к двери. Лица его Валерий не видел, но почему-то и не хотелось ему сейчас увидеть лицо Ура. Вот Ур забормотал, быстро, захлебываясь, и слышалось в этом бормотании

что-то нечеловеческое, дикарское. Валерию стало жутковато.

Ур внезапно отвернулся от окна. Как-то он весь обмяк, тяжело дышал, в полуоткрытых глазах было странное выражение оцепенелости, опустошенности. Сделав два-три неверных шага, Ур нашупал край дивана и сел, обхватив голову руками.

— Тебе что, плохо? — подскочил к нему Валерий. — Ур, ты слышишь?

Но Ур не ответил, как обычно: «Данет, я слышу». Он корчился от боли. Сполз с дивана на коврик, мял пальцами лоб и виски. Растирая Валерия метнулся на кухню и принес воды.

Ур долго пил, стакан за стаканом, пока не опорожнил весь сифон с газированкой. Дыхание его стало свободным, глаза прояснились. Отставив последний стакан, он погладил Валерия по плечу и слабо улыбнулся. Так улыбаются провинившийся малыш старшему брату, желая избежать наказания.

Валерий, следуя современной моде, не любил выражать свои эмоции. Он подавил внезапное желание погладить Ура по плечу. Он только сказал:

— Ничего, ничего, брат. Все будет в порядке...

Шел декабрь. Однажды, уже улегшись спать, Ур сказал:

— Данет, все люди работают, я тоже хочу работать.

— Что? — повернулся Валерий на своей тахте. — Где ты хочешь работать?

— Хочу работать там, где ты.

— А ты представляешь себе, чем занимается Институт физики моря?

— Этот институт занимается физикой моря.

— Верно, верно, нетрудно догадаться. А конкретно? Какие вопросы физики моря тебя интересуют?

— Возникновение в море электричества, — ответил Ур.

— А раньше... До того, как ты сюда прилетел, ты занимался этой проблемой?

— Нет.

— Послушай, Ур, — сказал Валерий, помолчав, — почему ты не хочешь рассказать, где ты родился и вырос? Откуда ты прилетел?

— Я родился на корабле, — не сразу ответил Ур.

— Ну, ну, дальше? На каком корабле?

— На большом корабле. Я вырос в таких местах, где нет свободной воды. Я прилетел оттуда.

Ответив таким образом на все вопросы, он умолк, предоставив Валерию ломать голову над новой загадкой. Что еще за большой корабль? И что за места, где «нет свободной воды»? Уж не происходит ли он из какого-нибудь племени, кочующего по пустыне Сахара или Атакама? Может, он из аргентинской пампы? Этакий реликтовый полудикий патагонец или араука-нец, которого для чего-то обучили высшей математике...

Тут он вспомнил, как нерешительно подступил Ур к роднику и потрогал льющуюся воду пальцем — ни дать ни взять как человек, никогда не видевший прежде обыкновенной воды... И с какой жадностью он пил тогда... Да и теперь с не меньшей...

- Данет, — сказал Ур, — завтра пойдем на твою работу.
- Как бы не так! Тебя могли бы, пожалуй, принять лаборантом, если бы ты представил хоть какие-нибудь документы. Но у тебя нет паспорта.
- Но ведь я человек. А все люди работают.
- Ты человек без паспорта.
- Тогда дай мне паспорт. Я хочу работать.
- Я не выдаю паспортов. И вообще поступить на работу не так просто, как ты думаешь. Надо написать заявление на вакантную должность, представить документы в отдел кадров... ну и так далее... Поздно уже, — добавил Валерий сонным голосом.
- Давай, — охотно согласился Ур. — А завтра пойдем на работу.

В кабинет Веры Федоровны вошли начальник отдела Грушин и Нонна Селезнева, недавно назначенная руководителем группы. Вера Федоровна подняла глаза от бумаг. Закурила длинную тонкую сигарету, близоруко прищурясь, окинула быстрым взглядом Нонну, как всегда, тщательно одетую и гладко, без затей причесанную. Матово-бледное красивое лицо Нонны хранило обычное замкнутое выражение. «И верно говорят про нее: ходячая статуя», — вскользь подумала директриса.

— Вот, Вера Федоровна, — сказал Грушин, садясь на стул и сразу схватив с директорского стола пластмассовую подставочку для авторучки. — Привел к вам эту строптивую особу. Вы распорядились заняться пиреевской диссертацией. Я почти все подготовил, справочного материала дал группе горы, горы, но я не могу сладить с ее диким упрямством. Она отказывается выполнять работу.

— Да, отказываюсь, — бесстрастно подтвердила Нонна, глядя директрисе прямо в глаза. — Тема диссертации имеет к нашей тематике лишь косвенное отношение. Это раз. У нас своя тематика идет напряженно. Людей не хватает, вот Горбачевского в какую-то спецкомандировку отправили без моего ведома. Это два. И наконец третье, самое главное: просто не хочу делать для кого бы то ни было диссертацию. Пиреев хочет стать доктором наук — прекрасно, пусть трудится над диссертацией сам.

— В общем-то, Нонна, я с вами совершенно согласна, — сказала директриса. — Нехорошо писать диссертацию за дядю. Но прошу вас учесть сложные отношения, в которых наш институт с этим дядей пребывает. Утверждение тематики, финансирование — ну вы сами знаете, в какой степени все это зависит от Пиреева. Кстати, и тема о течениях прошла с трудом, ее бы зарубили, если б не доброе отношение Пиреева. И учите: мы не пишем диссертацию за Пиреева, мы оказываем ему помощь в оформлении графического и текстового материала. Ясно?

— Прекрасная формулировка, — сказала Нонна. — Что ж, пусть диссертант представит материалы, я согласна отредактировать текст, и дам ребятам вычеркнуть графики.

Грушин решительно не узнавал сегодня грозную директрису.

Любого сотрудника, который бы осмелился перечить ей так, как это делала Нонна, Вера Федоровна просто вышвырнула бы из кабинета.

— Слушайте, Нонна, — тихо сказала директриса. — Вот у меня лежит ваша докладная. Я намерена дать ей ход: понимаю, что для завершения темы нужна экспедиция в Атлантику. Это трудно, но, может, я добьюсь. Но если вы не окажете помощь, — она подчеркнула интонацией последние слова, — не окажете помошь Пирееву, то тут я гарантирую: экспедиции не будет. Он ее зарубит на корню.

Нонна молчала.

— Тема у Пиреева, насколько я знаю, раскидистая — вопросы формы Земли, кривизна морской поверхности, словом, высшая геодезия. Тут действительно горы материала. Все это у нас есть.

— Хорошо, — сухо сказала Нонна. — Исполню вашу просьбу. Но дайте мне толкового расчетчика. Придется много считать.

Она уже шла к двери, когда Вера Федоровна окликнула ее:

— Постойте! Чуть не забыла: с завтрашнего дня выйдет на работу Горбачевский. И прибудет какой-то практикант-иностраниц. Из какой он страны, я так и не поняла, ну да ладно, все равно. Русским он как будто владеет, так что суньте ему последние отчеты по Каспию, пусть тихонько сидит в уголке и считает. И скажите своим, чтоб было поменьше трёпа. Ясно?

Несколько дней назад, когда Ур потребовал, чтобы его взяли на работу, Валерий решил посоветоваться с профессором Рыбаковым. Состоялся долгий и обстоятельный разговор. Льва Семеновича интересовали мельчайшие детали поведения Ура. Он заставил Валерия повторить рассказ о странном приступе головной боли у Ура и все записал. О том, как Ур вел себя в цирке, и об его интересе к географии, и о математических способностях Ура тоже сделал подробную запись. «Что вы думаете обо всем этом, Лев Семенович? — спросил Валерий. — Пришел он, по-вашему?» Рыбаков посмотрел на него, вздернув бровь. «Перенесем ответ на ваш вопрос на энное количество времени, — сказал он. — Что касается желания Ура работать в вашем институте, то не вижу в этом ничего дурного. Напротив, полезно будет увидеть его при деле. Вы как будто колеблетесь?» — «Да видите ли, — нерешительно сказал Валерий. — Конечно, у нас в институте не ведутся секретные работы, но все-таки...» — «Пусть это вас не смущает, Горбачевский. Компетентные лица проверили все, что их интересует. Мы имеем дело не с разведчиком». — «Да это я и сам вижу...» — «Ну и прекрасно. Я помогу с оформлением Ура на работу в ваш институт. Надеюсь, Пиреев возражать не станет».

И вот Валерий привел Ура к себе в отдел.

— Здравствуйте, — сказала Нонна Уру. — Меня зовут Нонна Павловна, но можно называть просто Нонна, это у нас принято.

— Просто Нонна, — произнес Ур и широко улыбнулся.

— Разрешите узнать, какие вопросы вас интересуют, какова программа вашей практики? — продолжала Нонна.

Ур подумал немного, а потом сказал:

— Я хочу работать.

Синецкий Рустам, сидевший за своим столом, ухмыльнулся и подмигнул Валерию. У Нонны ответ Ура не вызвал улыбки.

— Вполне естественно, что вы хотите работать, — ровным голосом сказала она. — Иначе вас не послали бы на практику. Полагаю, что вас интересует Каспийское море. — Нонна плавно поднялась из-за стола и подошла к большой карте Каспия. — Следовало бы прежде всего объяснить вам, почему наш головной московский институт, занимающийся Мировым океаном, имеет свой филиал в лице нашего института здесь, на Каспии. Как вы знаете, Каспийское море изолировано от океана, это, в сущности, озеро...

— Нонна, я знаю, — сказал Ур гулким голосом. — Каспийское море отличается от океана. Здесь нет больших масс свободной воды, которые врачаются вокруг земной оси.

— Вы говорите об океанских течениях? — спросила Нонна, несколько удивленная формулировкой Ура. Обращение на «ты» она пропустила мимо ушей: ей уже была ясна невоспитанность практиканта.

— Сначала — огромное количество свободной воды, — проговорил Ур, — потом обнаруживается, что она движется. Постоянное движение.

— Не совсем понимаю, к чему вы это говорите. Но приступим к делу. — Нонна открыла шкаф и указала на полку, заставленную толстыми папками. — Здесь отчеты о работе отдела за последние полгода. Познакомьтесь с материалами, они введут вас в курс наших работ. Потом обговорим вопросы вашей дальнейшей практики. Согласны?

— Нонна, я согласен.

И Ур, подступив к шкафу, выгреб сразу все папки с полки. Держа их перед собой, как растянутую гармонь, он огляделся в поисках свободного места.

— Садитесь за мой стол, — сказал Рустам. — Я сейчас в архив уйду.

Ур сел за стол Рустама, раскрыл первую папку и пошел перелистывать страницы. Валерий тоже принялся за работу. Разложил перед собой ленты с записями подводного магнитографа — те самые, обработку которых прервала неожиданная командировка к Чертову городищу. Но только он взялся за счетную линейку, как Нонна позвала его:

— Валерий, подсядь, пожалуйста, ко мне.

Она коротко ввела Валерия в курс дела: надо проделать некоторые расчеты для докторской диссертации одного видного товарища. Вот тема, вот справочный материал (она кивнула на стопку книг и гору папок, из которых торчали обтрепанные края пожелтевших листов бумаги и синек), все это надо систематизировать, потом, когда понадобится, отдать на обработку в вычислительный центр, она, Нонна, оформит заявку. Все ясно?

— Я не закончил еще обработку кривых, — уныло сказал Валерий.

— Придется отложить кривые. Это срочное задание.

Некоторое время в комнате было тихо. Только от стола, за которым сидел Ур, доносился частый шорох переворачиваемых страниц.

«Мне бы такую скорость развить, — подумал Валерий, — листая бумаги и синьки, отбирая нужные материалы по методике определения кривизны морской поверхности». Нужные! Ему-то, Валерию, положим, вовсе ненужные. Смехотища: свою, кандидатскую еще не сделал, а уже ворочает докторскую для «дяди».

Незадолго до перерыва Ур поставил папки — все разом — на полку и сказал:

— Нонна, я прочитал.

— Вы, конечно, шутите, — холодно произнесла Нонна.

— Он действительно прочел, — вставил Валерий, — можешь проверить, с любой страницы.

— Мне проверять незачем. Товарищ приехал на практику, и его отношение к делу — вопрос только его совести.

— Совесть, — сказал Ур. — Мне встречалось это слово в книгах. Что оно означает?

— Погоди, Ур. — Валерий вышел из-за стола. — Мне знаешь что в голову пришло, Нонна? Ур превосходный физматик, я имел случай убедиться. Так вот, не засадить ли его за расчеты для диссертации? Слушай, не смотри ты на меня как тюлень на морковку, — добавил он сердито. — Я серьезно говорю.

— Ну, если Ур не возражает, — сказала Нонна, — то пусть поможет тебе.

В перерыв Валерий выскочил в садик, примыкавший к институту, и огляделся в поисках лаборантки Ани Беликовой. Давно уже он хотел выяснить свои отношения с ней. И тут его окликнул Грушин, сидевший в пальто и высокой шапке на скамейке под голыми акациями. Валерий сделал вид, что не услышал, и хотел проскочить на большой скорости мимо, но Грушин был не из тех, от которых можно улизнуть. В следующий миг Валерий уже сидел на скамейке рядом с Грушинным и, томясь и озираясь, выслушивал его похвалу транзистору «Соня».

— Удивительную вещь сейчас передали в последних известиях, — сказал Грушин. — Вы ведь знаете о вчерашнем запуске американских космических кораблей? Ну вот. Сейчас сообщили любопытные подробности. Какой-то неопознанный летающий объект крутится по орбите, и американцы...

У Валерия заныло под ложечкой: от павильона «Воды» чинно шли под ручку Аня и Нонна, а сбоку к ним пристроился Петя Ломейко — конечно, с того боку, где Аня. Все трое ели какую-то мерзость, песочные пирожные, что ли. Петя что-то такое заливал и сам похояхтывал, Аня хихикала, а Нонна, как всегда, невозмутимо смотрела прямо перед собой.

— ...Захватить магнитной сетью, — бубнил Грушин, — но ничего из этого не вышло...

Зло разбрало Валерия. Сколько можно терпеть ее выход-

ки? И он решил подойти к ним, оттереть Петечку и спокойно так, без эмоций сказать: «Аня, мне нужно с тобой поговорить...»

Тут же, однако, он насторожился и вскинул на Грушина вопрошающий взгляд

— Простите, Леонид Петрович, что вы сейчас сказали?

— Вы что, голубчик, туговаты на ухо? Я сказал, что им не удалось захватить магнитной сетью это «летающее блюдо», или, как говорится в американском сообщении, «веретено». Оно каким-то непонятным образом ускользнуло. Теперь рассылали?

— Да, спасибо...

— Я всегда относился скептически к рассказам о «блюдцах» и прочих «тарелках», все это, по-моему, шарлатанство, и поэтому сегодняшнее сообщение... Эй, вы куда?

Грушин сделал быстрое движение рукой, чтобы поймать Валерия, но на этот раз Валерий оказался проворнее. Не прошло и минуты, как он взлетел по лестнице на третий этаж и ступил в холл.

Ур стоял с ракеткой в руке за теннисным столом, и Рустам учил его играть — накидывал шарик, Ур лупил по нему, шарик улетал бог знает куда, ребята, стоявшие вокруг, кидались ловить шарик, и Ур, довольный, сияющий широкой улыбкой, снова лупил. Так у них и шло.

«Играет, видите ли, в пинг-понг, — смятенно подумал Валерий, — ему дела никакого нет до того, что в околоземном пространстве охотятся на его лодочку, на «веретено» это самое... Ах, будь ты неладен с твоим пинг-понгом, пришелец окаянный...»

Вечером, пообедав, молодые люди удалились в свою комнату. Ур немедленно устроился на диване с газетой.

— Ур, нам нужно поговорить, — сказал Валерий, закурив.

— Давай говорить, Данет.

— Я уже доложил тебе, что американские космонавты пытались захватить на орбите неопознанный летающий объект. Они хотели зацепить твою лодку магнитной сетью, но лодка смачеврировала и ушла.

Ур промолчал.

— Признайся, это ты управлял ее маневром?

— Я не управлял, — медленно сказал Ур. — Зачем же так примитивно? Слышишь, как на кухне щелкает в холодильнике автомат? Ты ведь не смотришь, какая там температура, когда включать, когда выключать. Холодильник сам это делает.

— Автоматика, понятно... А какие двигатели стоят на твоей лодке? На каком горючем они работают?

— Данет, я боюсь, что ты не поймешь.

— А ты объясни... — Валерий встал перед Уром, в упор глядя на него. — Мы с тобой друзья, Ур, не так ли? Ты видишь, как мы все хорошо к тебе относимся, верно? Значит, и ты должен отнестись ко мне... к нам с доверием. Прошу, Ур.

— Трудно это объяснить, — сказал Ур после паузы. — Не знаю таких слов, а математику ты не поймешь... Ближе всего к тому, чему ты требуешь объяснения, смысл, который

вкладывается в слово «информация». Информация везде, где мозг, способный мыслить. Поток информации беспрерывен, но... как бы сказать... он везде...

— Рассеян, — подсказал Валерий.

— Рассеян, да. — Ур задумался. — Мозг беспрерывно получает информацию, но... случайность. Да, случайность приема и случайность передачи... — Опять он задумался, а потом проговорил извиняющимся тоном: — Не могу объяснить, Данет. Не хватает слов.

— Ну хорошо, — Валерий прошелся по комнате. — Могу предположить, что ты и твои... сограждане... что вы научились управлять потоком информации, хотя не представляю, какое это имеет отношение к управлению летающей лодкой. Это недоступно моему пониманию, а объяснить ты не можешь. Верю тебе. Но скажи, по крайней мере, откуда ты прилетел? Я запомнил, как ты сегодня сказал Нонне: сперва видишь огромное количество свободной воды, потом замечаешь, что она — в движении. Так можно увидеть, только подлетая к Земле из космоса.

— Данет, — сказал Ур тихо. — У тебя много книг, которые называются научной фантастикой. Я их читаю. Некоторые книги меня очень удивляют, другие — интересно читать. Я знаю, ты думаешь, что я пришелец с другой планеты...

— Ну, ну, дальше? Прав я или нет, считая тебя пришельцем?

— Данет, не могу я тебе ответить. — В темных глазах Ура появилось выражение мольбы, и голос звучал умоляющее. — Одно могу сказать: я человек. Такой же человек, как все люди.

Глава пятая

«Я — ЗЕМЛЯНИН»

В кабинете у Веры Федоровны сидели Грушин, Нонна Селезнева и практиканты-иностранные.

— Собственно, у меня все. — Нонна аккуратно уложила в папку кипу листков. — Если мы сохраним взятый темп, диссертация будет готова через месяц.

— Ну что ж, рада слышать. Так и надо поступать с неприятными работами — быстрее их кончать к чертовой бабушке.

Прищурясь, Вера Федоровна наблюдала за тем, как Ур наливал себе в стакан газированную воду из сифона.

Практиканта она уже видела несколько раз, но на совещание вызвала впервые. Любопытно было посмотреть вблизи на этого сотрудника, о математических подвигах которого директриса была наслышана.

Пока Нонна докладывала о состоянии работы по оказанию помощи знатному докторанту, Ур громко зевал и возил под столом ногами. Без разрешения взяв с директорского стола сифон, беспрерывно пил газировку.

Вере Федоровне захотелось услышать его голос, и она спросила:

— Где вы обучались физике и математике? Я к вам обращаюсь, товарищ... э... товарищ Ур. Вы слышите?

— Я слышу.

— Если слышите, то ответьте.

— Я учился далеко отсюда. — Ур снова подставил стакан и нажал на рычажок, но сифон только издал жалкое шипение.

— Понимаю, — сказала Вера Федоровна несколько раздраженно. — Чтобы начать разговаривать, вам нужно выпить не два литра газировки, а четыре.

— Вера Федоровна, он что-то не в духе сегодня, — быстро сказала Нонна. — Мне с трудом удалось привести его сюда, он терпеть не может совещаний.

— А я их очень люблю, — повысила голос директриса. — Просто обожаю. Хлебом меня не корми, а дай посовещаться. К вашему сведению, товарищ Ур, я бы хоть сегодня бросила этот кабинет и ушла в плавание. Я больше половины жизни провела в море, и только мои учёные заслуги усадили меня в это кресло. Впрочем, что ж вам объяснять... — оборвала она саму себя. И официальным тоном: — Совещание закончено. В ваших же интересах, Нонна, быстрее закрыть работу по оказанию помощи диссертанту. Чем скорее кончите, тем больше вероятности, что вы уйдете в океан.

— В океан? — Нонна просияла. — Вера Федоровна, разрешена экспедиция?

— В принципе, да. В декабре отправится в плавание исследовательское судно. Пиреев обещал выхлопотать несколько мест для нашей тематической группы. Только не кидайтесь меня целовать, Нонна, не люблю я это. Давайте бегите доделывать диссертацию.

— Вера Федоровна, еще один вопрос. Ур предложил оригинальный метод измерения электрических токов в слабых течениях, и нам бы хотелось проверить...

— Существует, к вашему сведению, ЭМИТ¹!

— Да, конечно. Но он годится только для мощных течений, а тут, судя по его схеме, можно измерить самые слабые. Прибор уже почти готов. Так вот, разрешите нам на несколько дней уехать...

— Не разрешаю. У нас в этом месяце плохо с командировочными деньгами.

— Нам не нужны командировочные, — сказала Нонна. — Мы поедем на автобусе. Тут недалеко есть речка со слабым течением, Джанавар-чай...

— Не морочьте мне голову, Нонна. Эта речка воробью по пузо.

— Всего на два дня, Вера Федоровна. Мы прихватим еще субботу и воскресенье.

Ответа Нонна не получила. Директриса, сильно прищурясь, смотрела вбок, и Нонна невольно обернулась в направлении ее пристального взгляда.

— Что с ним такое? — тихо спросила Вера Федоровна.

Ур стоял, напряженно выпрямившись и запрокинув голову. Смуглое лицо его, обращенное к окну, побледнело и как-то из-

¹ ЭМИТ — электромагнитный метод измерения течений.

менилось, будто резче обозначились под кожей кости и хрящи, будто отвердело оно вдруг, застыло, «схватилось», как «схватывается» цемент. Глаза были широко раскрыты и неподвижны.

— Ур, тебе нехорошо? — Нонна быстро подошла к нему и потеребила за плечо. — Ур!

Она ощутила в его напряженной мышце каменную нечеловеческую силу и невольно отдернула руку. Подоспел Грушин, они вдвоем попытались усадить Ура на диван, но ничего не вышло. Он стоял статуей и не замечал, не видел их. Вот разжались его губы, и он забормотал, и слышалось в этом невнятном бормотании нечто дикарское. Потом Ур вдруг обмяк, веки его опустились, на лице появилось выражение опустошенности, сменившееся гримасой боли. Он принял судорожно тереть лоб и виски.

— Что с вами было? — спросила директриса. — Что это, Нонна? Такое бывает с ним?

— Первый раз вижу, — растерянно ответила та.

Тетя Соня поставила перед Валерием тарелку с холодной окрошкой и села у окна, обмахиваясь старинным сандаловым веером.

— Валечка, — сказала она, добрыми глазами глядя на племянника. — Не сердись на меня, я очень к Уру привязалась, но все-таки хочу спросить: долго он еще будет жить у нас?

— А что такое? — нехотя ответил Валерий. — Он почти всю полочку тебе отдает на хозяйство...

— Я не об этом! — вскинулась тетя Соня. — Я сама могу прокормить не одного, а, если хочешь, трех иностранцев.

— Хватит и одного, — усмехнулся Валерий, отодвигая тарелку.

Тетя Соня положила ему жаркого.

— Не сердись, Валечка, но мне странно. Вчера... нет, завчера... да, вчера звонит Аня, я ее, конечно, спрашиваю: вам Валечку позвать? А она говорит: нет, Ура позовите...

— Ну и что? — угрюмо спросил Валерий. — Что тут такого?

— Такого, конечно, нет ничего...

— Ур захотел в цирк, мне идти было неохота, Аня вызывалась сопровождать его. Вот и все.

— Да, я слышала, он говорил о цирке. Почему он без конца туда бегает?

— Ну, нравится ему цирк. Подружился там с лилипутом. Ты имеешь что-нибудь против?

— Конечно, нет. Я не об этом. Видишь ли, Валечка... ты ухаживаешь за Аней, а теперь могут пойти разговоры всякие...

Валерий бросил нож и вилку и поднялся из-за стола.

— Валя, подожди, почему ты не доел? Господи, ничего не скушал!..

Было поздно, когда Ур возвратился домой. Валерий уже лежал на тахте и читал при свете торшера.

— Где ты был? — спросил он.

— На пляже. А потом провожал Аню.

Ур лег и некоторое время ворочался на диване. Вечно он путался в простынях. Потом снова раздался его голос:

— Валерий, пока ты не заснул, я хочу тебе кое-что сказать.

Впервые он назвал Валерия по имени.

— Может, завтра поговорим? — Валерий выключил свет.

— Нет. Сейчас. Завтра я уйду.

— Как это — уйдешь? Куда?

— Если ты не будешь перебивать, я расскажу, почему я так решил.

— Давай. — Валерий умолк, охваченный смутным предчувствием необычайного.

— Валерий, ты считаешь меня пришельцем вроде тех, о которых я прочитал в твоих книжках. Я не могу тебе сказать, откуда я приехал, но я землянин. Такой же, как мои родители. Как ты, как тетя Соня. Как Аня и Рустам...

— Не надо перечислять. Ты — землянин. Дальше?

— Я землянин, — повторил Ур. — Но условия, в которых я вырос, были немножко необычные. Долгое время мне пришлось жить уединенно, вдали от других людей. У меня не было даже книг, из которых я мог бы узнать, как живут теперь люди. Поэтому я не знал многоного. Когда я сюда приехал, все мне очень нравилось, я радовался тому, что снова живу среди людей, и мне казалось, что я быстро... как это говорится... быстро адаптируюсь. Мне хотелось, как все люди, ходить на работу. Ездить в троллейбусе. Играть в настольный теннис. Посещать цирк. В цирке очень интересно, это замечательное зрелище...

— Ну что ж, — сказал Валерий, опасаясь, как бы Ур не отвлекся в сторону. — Ты все это делаешь неплохо. Могу добавить, что в институте тебя ценят как хорошего математика.

— Математику я немножко знаю, — согласился Ур. — Но все оказалось гораздо сложнее. Сам того не желая, я причиняю людям неприятности и даже страдания.

— Что ты имеешь в виду?

— Я плохо воспитан. Пью слишком много воды, слишком громко разговариваю, часто говорю не то, что нужно... Многим это неприятно. Нонне, например. Ей вообще не нравятся мои манеры...

— Ну, это не так страшно, — усмехнулся Валерий, — нравится Нонне или не нравится.

— Ты думаешь? — Ур вздохнул. — А сегодня на пляже был Рустам. Он хотел меня побить за то, что я был там с Аней. Аня учила меня плавать. Я спросил Анию, за что он вдруг меня возненавидел. И Аня сказала, что это из-за тебя. Рустам твой друг, а у тебя — ревность, — тщательно выговарил Ур.

— Хватит об этом, — отрывисто бросил Валерий.

— Я ничего об этом не знал. Я читал в книгах про любовь, но мне казалось, что любовь была только в прошлые времена, а теперь такого не бывает. Когда я сказал это Ане, она только засмеялась. Скажи мне ты: теперь тоже есть любовь?

Валерий молчал.

— Никто не хочет мне объяснить, — снова вздохнул Ур.

— Это объяснить нельзя. Вот влюбишься — сам поймешь.

— Да, — неуверенно сказал Ур. — Мне нравятся девушки, меня к ним тянет, но я вижу, что все это очень сложно. Я причинил тебе страдания — прости. Я решил уехать, чтобы не мешать вам. Вот все, что я хотел сказать.

Валерий, глядя в раскрытое окно на осиянную лунным светом верхушку айланта, раздумывал над словами Ура. «Вот и прекрасно, уезжай. Гора с плеч... Снова все будет, как было раньше, — легко и свободно, без тяжкой ответственности за этого пришельца. Снова выходы в море на «Севрюге», и приятная возня с магнитографом, и неспешное вызревание собственной диссертации, и, может, океанская экспедиция... И снова вдвоем с Аней по вечерам...

А вдруг там, куда уедет Ур, с ним дурно обойдется? Он ведь наивен и доверчив, как ребенок...»

— Теперь послушай, что я скажу, — заговорил после долгой паузы Валерий. — Ты прав, что жизнь непроста. Но никаких особых неприятностей от тебя нет. Если ты не нарушаешь порядка, то имей манеры какие хочешь — это не возбраняется. А насчет моих страданий... Любовь это или не любовь — не знаю, не в словах дело. Но Аня мне нравится, и мне, конечно, неприятно, когда она гуляет с другим... Ты этого не знал, и я тебя не виню. И на Рустама не обижайся, он ведь тоже не знает, что ты такой... ну... не совсем обычный... Скажу честно: Аня легкомысленная малость, ей все ха-ха, хи-хи... и будет лучше, если ты... — Валерий замялся, не находя нужного слова.

— Если я не буду ходить с ней в цирк и ездить на пляж, — сказал Ур.

— Не в этом дело, можешь ходить и ездить. Только чтобы дальше не заходило, понимаешь? Это полностью от того зависит, как ты себя с ней поведешь. Ну вот... А уезжать не надо, Ур. Правда. Ребята огорчатся, если уедешь.

— Хорошо, — сказал Ур. — Я останусь.

— Вот и молодец. А теперь давай спать.

— Вечно отрываете меня от дел, — проворчала Вера Федоровна, выслушав Нонну, и подошла к стене, сплошь увешанной картами. — Ну-ка давайте посмотрим на карте эту чертову речку.

Джанавар-чай — Волчья река — протекала километрах в семидесяти от города. За тысячи лет существования она проела в суглинках довольно глубокий каньон. Летом речка пересыхала, обнажая усеянное камнями ложе. Осеню воды прибавлялось, и Джанавар-чай лениво текла к морю, нисколько не подозревая, что ей предстоит послужить науке. Высокая честь была ей оказана за то, что в нижнем своем течении она текла строго с запада на восток, пересекая под прямым углом магнитный меридиан.

— Ладно, — сказала Вера Федоровна, посмотрев. — Заранее знаю: ни черта у вас не выйдет, на таком течении вы не сможете выделить ток из фона. Но ваше счастье, что я, как все женщины, любопытна. Что вы там разглядываете? — оглянулась она на Ура, стоявшего у глобуса.

В свое время Вера Федоровна Андреева прославилась оригинальным исследованием влияния океанов на магнитное склонение. Ей принадлежала идея тереллы — глобуса с медными океанами. Когда по катушке-соленоиду, помещенной внутри глобуса, пропускали ток, терелла превращалась в геомагнитную модель земного шара. Магнитные полюсы оказывались точно на месте, из них расходились силовые линии. Подвешивая магнитные стрелки вокруг глобуса, можно было получить верную картину аномалий вертикальной составляющей магнитных склонений. Таким образом Вера Федоровна обосновывала гипотезу о том, что аномалии — искажения магнитных склонений — вызваны не чем иным, как своеобразием очертаний океанов.

Услышав вопрос директрисы, Ур постучал пальцем по тусклой меди в южной части Индийского океана.

— Вот здесь, — сказал он. — Здесь, вокруг Антарктиды, единственное место на планете, где сливаются воедино все океаны. Здесь проходит единственное на планете замкнутое кольцевое течение, опоясывающее земной шар.

— Течение Западных Ветров, — сказала директриса, придвигая к себе бумаги. — У меня мало времени, Ур, чтобы выслушивать такие потрясающие откровения.

— Его не хватает на вашей модели, Вера Федоровна. Сделайте в этом месте кольцо, и пусть оно вращается вокруг глобуса. Модель земного магнетизма заиграет по-новому.

Вера Федоровна прищурилась на тереллу.

— Почему же это она заиграет по-новому? — сказала она, помолчав. — Допустим, в кольце будет наводиться электродвижущая сила, моделирующая электрический ток в течении, — ну и что?

— Ток можно увеличивать и смотреть, что произойдет при этом.

— Можно. — Вера Федоровна грустно покивала головой. — Можно увеличивать ток и смотреть. Все можно. А вы займетесь вместо меня вот этим, — она накрыла ладонью кипу бумаг. — Вы через пятнадцать минут отправитесь вместо меня на заседание месткома и будете разбирать заявления на получение квартир и приобретение автомобилей. А? Ну что уставились на меня? Идите. Берите четверг и пятницу и проваляйтесь на свою речку. Если надо, прихватите субботу и воскресенье — меня это не касается.

Из института Ур и Нонна вышли вместе.

— Хочу спросить тебя, Нонна, — сказал он, — что означает выражение «работать на дядю»?

— Ну, так говорят, когда делают работу за того, кто сам обязан ее сделать.

— Значит, Пиреев должен был сам написать диссертацию, но не захотел, и поэтому мы делаем это за него. Так?

— Да, — неохотно ответила Нонна, щурясь от яркого солнца. — Только с одной поправкой: хотеть-то он хочет, но не может.

— Выходит, за работу, которую он сам выполнить не мо-

жет, Пиреев получит степень доктора наук и соответственно больше денег?

— Ты удивительно догадлив.

До Ура ее ирония, однако, не дошла.

— Ты преувеличиваешь, — сказал он. — Не думаю, чтобы моя догадливость могла кого-нибудь удивить. Теперь скажи мне: будет ли вред оттого, что Пиреев защитит диссертацию и станет доктором наук?

«Вот навязался на мою голову!» — подумала Нонна.

— Для нашего отдела скорее будет не вред, а польза, — сухо сказала она.

— Ты имеешь в виду океанскую экспедицию?

— Да. И вообще тему электрических токов в океанских течениях. Она не совсем в профиле нашего института, это личная тема Веры Федоровны. Грушин против нее возражал. А Пиреев утвердил.

— Значит, вреда не будет, — удовлетворенно сказал Ур.

Нонна любила логику и всегда старалась следовать ее правилам. Но приверженность Ура к строгим логическим выводам вызывала у нее раздражение. И ее вдруг охватило желание смутить безмятежность этого новоявленного моралиста.

— Тебе не доводилось читать евангелие? — спросила она. — А я читала. Моя бабушка верила в бога, и после нее осталось евангелие. Так вот, там есть довольно любопытные афоризмы. Например: «Не приносите в храм цены песьей».

— Цена песья, — вдумчиво повторил Ур. — Это значит стоимость собаки?

— Это значит, что нельзя жертвовать храму средства, добытые недостойным путем.

— Нонна, я не понял, — сказал Ур, помолчав.

— Ох! — Невозмутимость Нонны подвергалась тяжкому испытанию. — В переносном смысле я имею в виду храм науки, — начала она объяснять докторальным тоном. — Нельзя вводить в этот храм недостойного, которому там не место. Если и это тебе непонятно, то поясню: корыстные цели несовместимы с занятием наукой. Теперь понятно?

— Не совсем. Мы ведь не преследуем корыстной цели, делая за Пиреева диссертацию.

— Преследуем, — сказала Нонна сквозь зубы, чувствуя, что еще немного, и она сорвется, завизжит на всю улицу. — Пиреев администратор, а не ученый. Мы не должны способствовать тому, чтобы он получил докторскую степень, которой не заслуживает. Но мы способствуем, чтобы заручиться его поддержкой в наших делах. Это и есть корыстная цель. То, что мы при этом не ищем личной выгоды, дела особенно не меняет. И давай на этом закончим. Не очень-то приятная тема.

Ур молчал размышляя. Впереди тротуар был разрыт. Нонна сошла на мостовую, а Ур остановился, глядя на женщин в апельсиновых курточках, копавших траншею.

— Ур, я пойду, — сказала Нонна.

— Подожди минутку, я сейчас.

Он шагнул на тротуар. Тут, у двери маленького, как шкаф, магазина, как обычно, стоял толстощекий продавец в кепке

метрового диаметра, стоял, выставив полусогнутое толстенькое колено и с чувством превосходства поглядывая на прохожих.

— Что надо? — процедил он, взглянув на вставшего перед ним Ура.

— Надо, чтобы ты работал, — сказал Ур. — Женщины копают землю, им тяжело с лопатой. А ты целыми днями стоишь тут и ничего не делаешь.

— Ты что привязался? — сузил глаза магазинщик. — По роже хочешь?

— Не хочу, — добросовестно ответил Ур. — Ты отдохни, — обратился он к ближайшей из работавших женщин и вытянул у нее из рук большую совковую лопату. — А ты работай. — Он протянул лопату магазинщику. — Бери, бери. Надо работать.

Женщина, у которой он отобрал лопату, разинула от изумления рот. Ее подруги перестали копать, смотрели с интересом. Начали останавливаться прохожие. Остановился и проходивший мимо лилипут — тщательно одетый, с напомаженным аккуратным пробором, с маленьkim лицом в сетке мелких морщин. Должно быть, он направлялся в цирк, находившийся неподалеку отсюда. Увидев Ура, лилипут улыбнулся ему и кивнул, но Ур его не заметил. Он все протягивал продавцу лопату.

— Издеваться? — прошипел тот сквозь зубы.

По-боксерски сбывчившись, он шагнул к Уру и с силой толкнул его в грудь. Ур удержался на ногах, только отступил шага на два.

Из расположенного напротив ателье по ремонту телевизоров выскочили двое парней и наперегонки, петляя между автомобилями, пересекли улицу.

— Эй, в чем дело? — крикнул один, побегая.

Ур не обратил никакого внимания на прибывшее подкрепление. Он стоял, напряженно выпрямившись, лицо его словно окаменело, и он скрестил жесткий, тяжелый взгляд с ненавидящим взглядом продавца.

Тут-то и произошло нечто поразительное. Работницы в апельсиновых курточках, и несколько случайных прохожих, и дружки продавца, и лилипут-циркач, и, разумеется, Нонна видели своими глазами, как продавец вдруг оторвался от земли и повис в воздухе. Распластавшись, как гигантская лягушка, он беспомощно и судорожно махал руками, пытаясь дотянуться до балконной решетки второго этажа. Кепка свалилась с его головы, обнажив раннюю лысину.

Это продолжалось недолго — не более пяти секунд. Потом продавец рухнул ничком на кучу песка. Дружки подскочили к нему, поставили на ноги. Глаза у продавца были безумно выкачены, и он бормотал нечто нечленораздельное.

— Ай-яй-яй-яй! — заголосила одна из работниц. — Что это было?!

Ур повернулся и пошел прочь. Нонна пустилась его догонять. Ур шел, глядя прямо перед собой. Заглянув ему в лицо, Нонна как бы не сразу узнала странного своего сотрудника: исчезло обычное добродушно-благожелательное выражение, губы плотно сжаты, между бровей образовалась суровая

складочка. «Он будто маску сбросил», — подумала Нонна с неожиданным и неприятным чувством робости. Она замедлила шаг, приотстала. Еще некоторое время она видела черную шапку волос удаляющегося Ура. Потом он скрылся из виду.

С первого момента появления Ура в институте Нонна испытывала к нему неприязнь. Ей казалось неправильной, иррациональной, если угодно, та легкость и быстрота, с которой этот дурно воспитанный, неинтеллигентный практиканта решал сложнейшие физико-математические задачи. Тут был какой-то подвох, и это тревожило Нонну, любившую во всем ясность и определенность. Еще более злило ее то, что, против собственной воли, она много думала об Уре. Да, она оценила его как способного работника, и этого было бы вполне достаточно для характера их отношений. Так нет же — Ур все более занимал ее мысли...

«Что же это было? — растерянно думала она. — Магазинщик полез на Ура с кулаками и... и взлетел, будто подкинутый волной... или воздушной подушкой... Что это было? Не может же человек поднять другого человека, не прикасаясь к нему...» Нонна слышала немало про телекинез, о какой-то женщине, будто бы передвигавшей усилием мысли спичечный коробок на столе. Не верила она этим рассказам. Все это было для нее спиритизмом, столоверчением, оккультным вздором, не достойным серьезного внимания.

Что же это было?..

Глава шестая

ДЖАНАВАР-ЧАЙ

Ур, Нонна, Аня и Валерий вышли из автобуса на перекрестке дорог и, взвалив на спину рюкзаки, двинулись по пыльному проселку между необозримыми виноградниками. Впереди на возвышенности белели строения главной усадьбы колхоза имени Калинина — того самого, где жили теперь и работали родители Ура. Навестить их по просьбе Ура и собирался маленький отряд по дороге к цели экспедиции — речке Джанавар-чай.

Не по душе был Валерию этот визит, но Ур твердо настоял на своем желании навестить родителей. Пришлось Валерию перед отъездом кое-что объяснить Нонне и Ане. Дескать, Ур откуда-то с Ближнего Востока. Приехал он с семьей — может быть, потому, что бежали они от каких-то преследований, это знают только те, кому надлежит знать, а он, Валерий, точно не знает. Поскольку родители были у себя на родине крестьянами, им и здесь разрешили заниматься привычным трудом. И будет лучше всего, если Нонна и Аня не дадут волю языкам и не станут задавать лишних вопросов. Когда он им выложил все это, Нонна сухо заметила, что не нуждается в советах и сама знает, как себя вести. Аня же ограничилась восклицанием: «Ой, как интересно!»

В единственной комнате беленого домика на краю села, где жили родители Ура, не было мебели — ни стола, ни стульев,

ни кровати. Пол был застелен безворсовым ковром-паласом, в глубокой нише лежали свернутые тюфяки и одеяла, что-то из одежды, стояла посуда. Но в углу на самодельной подставке красовался новенький телевизор марки «Электрон».

Каа, мать Ура, в длинном, до пят платье из набивного ситца — яркие бутоны роз по всему платью — и в алом платке на голове, захлопотала по хозяйству.

Рассевшись на ковре в прохладной комнате, пили чай с лепешками и белым острым сыром. Каа подливала чаю из пузатого фарфорового чайника. Ее черные глаза перебегали с Ани на Нонну, и она говорила по-азербайджански, что очень рада гостям и особенно тому, что у ее мальчика такие хорошие и красивые друзья. И еще рассказывала, как она первое время никак не могла привыкнуть к тому, что из ящика вдруг раздаются голоса и музыка и на стекле появляются люди, которых на самом деле в комнате нет. Но теперь ничего, привыкла, и ей особенно нравится смотреть, как дерутся мужчины в толстых перчатках, только жаль, что это редко показывают. А Шам — тут Каа засмеялась и понизила голос, — Шам никак не привыкнет и боится говорящего ящика.

Шам услышал ее слова и прикрикнул на жену — довольно, мол, размахивать языком, надо дать и гостям поговорить. Каа замолчала, поджав губы. Но вскоре опять оживилась, повела с Аней разговор о товарах, которые есть в городе, и Аня обещала в следующий раз непременно привезти в подарок красивые чулки.

А Нонна наблюдала. Все это казалось ей странным, непонятно для чего устроенным маскарадом. Родители Ура, впрочем, не вызывали у Нонны сомнений. Откуда бы они ни приехали — с Ближнего ли Востока, из Южной ли Азии, — они были крестьянами.

Но как соотнести с ними Ура? И что это за язык, на котором Ур говорит с отцом, — язык, изобилующий гласными звуками?

После чаепития начались приготовления к обеду. Мужчины затеяли шашлык. Валерий трудолюбиво помогал Шаму резать бааранину и нанизывать куски мяса на шампуры, а Ур разжег костер. Нонну удивило выражение детского любопытства, с которым Ур смотрел на ленивые языки огня.

— Ур, уже половина четвертого, — сказала Нонна. — Еще часа полтора уйдет на обед. Столько же — на дорогу. Когда же мы придем на речку?

— А мы сегодня не пойдем. — Ур подбросил в костер сухих веток. — Здесь заночуем.

— У нас и так мало времени, нельзя терять целый день.

— Тебе здесь не нравится? — Ур посмотрел на нее. — Мои родители не нравятся?

— У тебя очень милые родители, но повторяю...

— Не надо повторять, Нонна. Сегодня мы останемся здесь. — Он добавил: — Моя мама говорит, что ты очень красивая.

Нонна собралась уже напомнить, кто, собственно, начальник экспедиции, но, услышав последнее замечание Ура, вдруг вспыхнула и ощутила, как заколотилось сердце. Что еще за новости? Негодяя на себя, она отвернулась.

К концу обеда пришел пожилой дядька с мохнатыми седыми бровями. Сел, скрестив ноги и не снимая папахи, от еды отказался, но чай пил стакан за стаканом. Потом Ур ушел с отцом и гостем в комнату — какой-то шел у них нескончаемый скучный разговор. Потом из комнаты донесся смех. Кто-то из мужчин даже захлопал в ладоши. Чего они там развеселились?

Спать женщины легли в комнате, а мужчинам постелили на веранде. Шам вскоре захрапел. А Валерию не спалось. Непривычная стояла тишина, только изредка взлаивали в деревне собаки.

Блаженно растянувшись на тюфяке рядом с Уром, Валерий с удовольствием вспоминал прожитый день, прогулку с Аней. Она была нежна с ним. Без обычных своих «колючек». Она любила его! Нечто новое вошло в их отношения после его признания...

— Ты не спишь? — спросил Ур.

Валерий притих, притворился спящим, неохота было ему сейчас разговаривать. Но такими уловками Ура не провести.

— Я знаю, что ты не спишь, — сказал он. — У моего отца неприятности.

— А что случилось? — насторожился Валерий.

— Заведующий животноводческой фермой, — тщательно выговорил Ур, — нехороший человек. Он продает баранов, которые ему не принадлежат. Когда отец в первый раз увидел, как Даи-заде угнал из отары двух овец, он подумал, что это дозволяется. Он еще не знал порядков. И вечером, пригнав отару с пастбища, спокойно повел к себе домой одну овцу. Это вызвало неприятности.

— Еще бы! — сказал Валерий.

— Даи-заде хотел отдать отца под суд. Но председатель колхоза заступился. Ограничились предупреждением и перевели отца с фермы на виноградники. Отец очень недоволен. Он любит овец.

— А чем тут можно помочь?

— Надо доказать, что Даи-заде — вор. Но он очень ловок и хитер. Курбанали говорит, что он окружил себя такими же дружками.

— Какой Курбанали?

— Который приходил сегодня в гости.

— Ты что же, решил вывести этого Даи-заде на чистую воду?

— Вывести на чистую воду, — повторил Ур. — Да, понимаю. Может быть, я что-нибудь придумаю.

На завтрак Каа подала горячие пирожки с мясом в форме полумесяца, кислое молоко, зеленый лук, масло и белый сыр пендир. Напились крепко заваренного чаю и стали собираться в поход.

Ур, присев на каменную ступеньку, что-то писал в своем блокноте. Валерий давно уже заметил, что с этим странным роликовым блокнотом Ур никогда не расстается и никому не дает его в руки, хотя многие просили посмотреть, удивляясь

необычности его формы и тонкости непрозрачной пленки. Пленка и верно была до того тонка, что казалось, будто ее намотано на ролики нескончаемо много.

И стержни, которыми писал Ур, были необычные, они словно выжигали на пленке текст. Теперь Ур старательно писал таким стержнем по краю пленки, и она сама перематывалась по мере записи. Кончив писать, Ур тронул что-то в блокноте, и от пленки начала отделяться узенькая исписанная полоска — в механизме было, должно быть, что-то вроде ножа. Намотав срезанную полоску на палец, Ур сунул блокнот в карман и пошел в комнату к отцу. Было слышно, как он разговаривал с Шамом на непонятном языке.

Потом маленький отряд вышел из колхозного поселка и шагал по проселочной дороге. Около двух часов шли по жаркой степи, и вот впереди возникла полоска зелени. Кусты дикого орешника обозначали русло Джанавар-чая.

Подошли к обрыву. Речка, будто ножом, прорезала в степи узкую и глубокую щель, на дне которой желтела вода, казавшаяся неподвижной.

— Могучая река, — сказал Валерий, разворачивая карту. — Пойдем вверх по течению, там плотина должна быть.

И верно, вскоре они вышли к небольшой плотине, перегородившей русло Джанавар-чая. За плотиной поблескивал на солнце пруд, выполнявший обязанности водохранилища для овощного хозяйства того же колхоза имени Калинина. От пруда шли к бахчам канавы-арыки.

Поставили палатку в негустой полуденной тени карагача. Потом Ур и Валерий спустились к речке — воды им оказалось по пояс — и перебросили на тот берег трос. С троса опустили в желтоватую воду Джанавар-чая гидрографическую вертушку и трубку-насадку — тонкие кабели потянулись от них к самописцам, установленным в палатке. Теперь оставалось погрузить в воду прибор, сделанный по схеме Ура, — довольно увесистый датчик, снабженный спиралью из трехгранной ниобиевой проволоки. Перед тем как опустить датчик в воду, Ур открыл его герметичную крышку.

— Мы же все проверили, — сказал Валерий, недовольный затянувшейся возней на солнцепеке. — Чего ты еще затянул?

Ур, не ответив, достал свой блокнот. Пощелкал рычажками, и от пленки отделились несколько квадратных кусков. Ур повертел их, сложил в плотную пачку и сунул под крышку датчика.

— Зачем это? — спросил Валерий. — У тебя в схеме ничего такого не было.

— В схеме не было, в голове было. Эта пленка сработает как экран, поглощающий фон, и чувствительность повысится.

От датчика тоже протянулся кабель в палатку. Аня и Ноин занялись самописцами.

— На таком течении и вертушка плохо покажет, — сказала Аня, привычно и быстро налаживая лентопротяжный механизм. — А уж магнитный датчик — тем более.

Умаявшись, пошли на пруд купаться. Одно тут и было спасение при такой жаре — пруд. Вода в нем была тепловатая и

не больно чистая, но все же вода. И отряд плескался в пруду несколько часов кряду. Потом Аня сняла запись с приборов. Нонна и Валерий принялись анализировать дрожащие линии, нанесенные перьями самописцев на графленые ленты. Показания вертушки и трубы-насадки дали скорость течения речки, пересекавшей меридиан. Теперь, зная магнитные характеристики местности, можно было теоретически определить величину электродвижущей силы, наведенной в водном потоке, но для получения конечного результата пришлось ввести множество поправок. Аккуратная Нонна не упустила ни одной.

— Великая река, — сказал Валерий, подчеркнув в блокноте полученную ничтожную величину. — Эй, Ур! — заорал он. — Вылезай, ты уже весь посинел!

Ур вышел из воды, озабоченно осмотрел свою мокрую грудь с островком черной растительности, оглядел руки и ноги.

— Посмотрим теперь, что дала ниобиевая проволочка. — Валерий развернул ленту с записью показаний нового прибора, чтобы сравнить ее с вычисленной величиной электродвижущей силы. — Чепуха какая-то, — поднял он взгляд на подошедшего Ура. — Твой приборчик показывает э.д.с. больше теоретической, а должно быть меньше — за счет потерь в приборах.

— Прибор показывает правильно, — сказал Ур, сравнив вычисленную величину с несколько более высокой, зарегистрированной прибором.

— Ну как же правильно? — возразил Валерий. — Не может же неведомо откуда взяться дополнительная энергия, это противоречило бы основному закону.

— Вот ты сказал, что я посинел, а я этого не замечаю. Точно так же не замечаешь и ты «дополнительной» энергии.

— Да откуда ей взяться? Из воздуха, что ли?

— Немного подальше, — сказал Ур. — Из центра Галактики.

— Что? — вскричал Валерий. — Космическое излучение в форме простой электроэнергии? Иди, иди, Ур, поплавай еще в пруду. А то, как видно, перегрелся малость на солнце.

— Я перегрелся не больше, чем ты, поскольку солнце над нами одно. Излучение из центра Галактики доходит до Земли настолько ослабленным, что никакие приборы и ни в какой форме его не улавливают.

— Ты хочешь сказать — никакие приборы, кроме твоего?

— Да. Этот прибор высокочувствительный.

— Значит, трехгранная проволока из ниobia...

— Ниобий — хороший материал, но и он недостаточно чист для регистрации галактических частиц. Сам по себе он не смог бы выделить их из морских или речных токов. Но в сочетании с пачкой пленки...

— А, твой таинственный блокнот! Я видел, ты засадил пленку из блокнота в прибор, но подумал, что это для пущей изоляции...

— И ты знал заранее, что мы получим здесь такой эффект? — спросила Нонна после паузы.

— Я не был уверен. Все-таки здесь очень слабое течение. Хорошо бы испытать прибор в океанском течении.

Костер догорал.

— О чём ты думаешь, когда вот так смотришь на огонь? — спросила Нонна.

— Думаю о том, как красив огонь, — сказал Ур. И, помолчав, добавил: — Во мне что-то происходит. Я сам не могу понять, потому что раньше никогда такого не испытывал.

— Могу тебе объяснить. Просто ты приревновал Аню к Валерию.

— Не знаю... Меня что-то томит. Вот там, — он указал в сторону, куда ушли Валерий с Аней, — как будто кто-то притаился и подстерегает в засаде...

— Чепуха, — сказала Нонна. — Я все думаю о том, что произошло сегодня. Ты сказал, что речные токи ничего не дадут, другое дело — океанские. Что ты имел в виду?

— Да ничего особенного... Ревновать Аню — это значит жаль сейчас быть на месте Валерия? Обнять ее и целовать, да?

— Ох... Отвяжись, Ур...

— Никто не хочет мне толком объяснить, — сказал он с печалью. — В отношениях мужчин и женщин я наблюдаю какие-то странные сложности. Меня привлекает Аня, но общаться с ней — значит... как это говорится... испортить отношения с Валерием. Меня привлекаешь ты, но я уже опасаюсь, не вызовет ли мое общение с тобой неведомых осложнений...

Нонна искоса посмотрела на него. Для чего ему понадобилось разыгрывать ее? «Сложности в отношениях мужчин и женщин...» Не полагает ли Ур, что она, Нонна, поверит в его неопытность? Как бы не так!

Но что-то в грустном выражении лица Ура, в его поникших плечах невольно вызывало в ней щемящее чувство сострадания. Что-то было в нем от обиженного, от не понятого товарищами мальчишки...

— Могу тебя успокоить, — сказала она. — Общение со мной не грозит тебе осложнениями. Все-таки я хотела бы получить ответ на свой вопрос... Ты слышишь?

— Слышу. — Ур отмахнулся от роя искр, выстреленных костром. — Я говорил об электрических токах в океанских течениях. Космическая составляющая этих токов, будучи преобразована, может дать полезный выход электроэнергии.

— Каким образом ее брать? Уж не из воздуха ли?

— Из окружающей среды, — кивнул Ур. — Но это, конечно, не так просто. Придется упорядочить магнитное поле Земли, чтобы планета превратилась в стабильный, надежный генератор.

— Упорядочить магнитное поле? Что это значит?

— Это значит — совместить магнитную ось Земли с осью вращения.

Нонна ошеломленно взорвалась на Ура.

— Ты собираешься изменить наклон земной оси? — Она хмыкнула. — Лучше не утруждай себя. Этим уже безуспешно занимались герои Жюля Верна.

— Земная ось пусть останется на месте, зачем нам смещать климатические пояса? Я говорю о смещении магнитной оси. Чтобы магнитные полюсы совпали с географическими.

— Легко сказать, Ур... Мы даже не знаем точно, почему они не совпадают, — как же ты совместишь их?

— Почему полюсы не совпадают — вопрос особый. Повернуть же магнитную ось, насколько я понимаю, задача выполняемая. Сам Мировой океан предлагает для этого свои услуги. Есть уникальное кольцевое течение, опоясывающее планету...

— Течение Западных Ветров?

— Да. Нужно использовать этот поразительный феномен природы.

Под утро Ур проснулся от духоты. Сбросил с себя одеяло и некоторое время лежал, прислушиваясь к журчанию воды в речке. Потом поднялся с матраца и пошел к берегу. Днем речка текла по дну каньона тоненьким ручейком среди белых камней. А теперь, похоже, заполнила всю ширину щели между глинистыми обрывами. Ур направился вверх по течению, к пруду. Шум воды нарастал, и он увидел в слабом предутреннем свете, что вода переливалась во всю ширину гребня плотины белопенным клокочущим потоком, ее уровень быстро повышался.

«Надо поднять повыше датчики», — подумал Ур и пошел обратно.

У входа в палатку стояла Нонна в своем бело-синем купальнике — должно быть, и ее разбудила духота. Она, причесывалась, и при каждом взмахе гребешка из ее темных волос с треском сыпались стайки голубых искр.

— Что ты уставился? — сказала Нонна. — Не видел никогда статического электричества?

— Вода в реке прибывает. Надо поднять датчики.

— В горах, наверно, прошли дожди. — Нонна кинула гребешок в глубь палатки и пошла к берегу. — Скоро и здесь разразится гроза. Ох и парит.

Пользуясь блочными подвесками, они принялись поднимать датчики, свисающие с перекинутого через каньон троса, чтобы они оказались в верхнем слое прибывающей воды.

Откуда ни возьмись сорвался с затянутого тучами неба порыв ветра. Дохнуло прохладой, упали первые капли дождя.

— Сейчас припустит, — сказала Нонна. — Пойдем в палатку.

Но Ур не откликнулся на благоразумный призыв. Он стоял, раскинув руки, под дождем, набиравшим силу. Жадно впитывал ноздрями разливающуюся по степи свежесть, с наслаждением принимал учащающиеся удары капель по разгоряченному телу.

И уже лило как из ведра. По небу будто прокатили железные громыхающие бочки. Вспыхнуло слепящим белым светом — длинная разветвленная молния вонзилась в противоположный берег. Грянул пушечный удар грома.

— У-ур! — испуганно завопила Аня.

Ур, весь в струящихся потоках воды, стоял, запрокинув голову и выбросив руки кверху, и лицо его выражало такую первобытную радость, что Нонна подумала: варвар, наивный дикарь, одушевляющий силы природы...

Молния сверкнула совсем близко, громыхнуло жутко, оглушительно. Не умолк еще Аний испуганный визг, как донесся голос Ура:

— Трос! Датчики уносит!

Валерий выскочил из палатки, Нонна устремилась за ним. Ноги скользили в размокшей глине, ливень хлестал по голым спинам. Ур, стоя на самом берегу каньона, пытался вытянуть стальной трос: молния ударила в него у противоположного берега, и перебитый трос с подвешенными датчиками мотало теперь в ревущем потоке. Как бы датчики не сорвало...

Валерий и Нонна тоже ухватились за трос, втроем они вытянули его, за троем потянулись кабели, путаница блочных подвесок.

— Отнеси!

Ур, прижимая к груди скользкий сигарообразный корпус прибора, понес его к палатке, где Валерий с помощью Ани уже укладывал другие спасенные датчики. Нонна осталась на берегу, сматывая кабель.

И вдруг огромный водяной вал взметнулся над расселиной Джанавар-чая. Это, не выдержав напора, рухнул гребень плотины. Поток, доверху заполнив каньон, понесся вниз, к морю. Край глинистого обрыва, на котором стояла Нонна, отделился от берега. Взметнулся и оборвался ее крик...

Ур, резко обернувшись, увидел, как девушка вместе с пластом глины исчезла в клокочущей воде. В два-три гигантских прыжка он достиг берега и с ходу прыгнул в ревущий поток.

Глава седьмая

ГНЕВ ПИРЕЕВА

В элегантном костюме благородного темно-оливкового цвета, с неторопливым и спокойным достоинством приблизился Максим Исидорович к трибуне. Откашлявшись, начал негромко:

— Товарищи члены ученого совета, представленная мною к защите диссертация охватывает ряд сложных вопросов высшей геодезии...

Плавно текла речь Пиреева. Время от времени он перебрасывал страницы текста, лежащего перед ним, но ни разу не заглянул в них — память у него была превосходная, а текст надежно заучен.

В зале среди публики сидели Вера Федоровна и Грушин. Ну, им-то по должности следовало присутствовать при защите. А Нонне Селезневой было вовсе не обязательно сидеть тут. Но Ур настоял, чтобы они пошли на защиту. Ох уж этот странный непоследовательный Ур! Всегда его тяготили совещания, и минуты он не мог на них высидеть, — и вдруг на тебе, идем на пиреевскую защиту! Любопытно ему, видите ли, посмотреть, как проходит эта процедура...

Сидя рядом с Уром, Нонна сонно клевала носом. Что-то она стала плохо спать по ночам. Впервые в жизни познала вкус снотворного... Вдруг она спохватилась, усилием воли стряхнула сонное оцепенение. Куда как красиво было бы все-народно заснуть тут.

А Пиреев, смотри-ка, дошел уже до гиперболоидов вращения, тычет указкой в схемы. Ловко это у него получается —

непосвященному и в голову не придет, что не сам Пиреев рас-считал эти гиперболоиды. Какой он кругленький, довольный собой...

Тут Нонна заметила, что происходит нечто неладное. Пиреев вдруг запнулся на полуслове. Неуверенным движением он поднял руку и потер висок. Возникла томительная пауза.

Нонна повернулась к Уру, шепнула:

— Первый раз вижу, чтобы он...

И осеклась, увидев каменно-неподвижное, как бы затвердевшее лицо своего соседа, напряженный взгляд, направленный в одну точку. Однажды Нонна уже видела Ура таким. Почему-то ей стало страшно, она отодвинулась, насколько позволяли подлокотники кресла.

Максим Исидорович медленно подошел к столу, налил в стакан минеральной воды, медленно выпил в полной тишине. Затем склонился над текстом доклада. Чертова формулы, в глазах рябит... На чем он остановился?.. Кажется, вот на этой формуле.

Так, еще раз прочесть... Ведь он ее прекрасно помнил, затверживал вчера, а тут почему-то она ускользает, не дается... «Подставляя, имеем...» «Отсюда видно, что...» Взять листки с собой к доске и переписать уравнения? Нет, несолидно это... Вроде бы по шпаргалке...

Ну, нельзя больше тянуть. В зале покашливают, шепчутся — разве это дело? Еще раз вчитавшись в формулу и следующий за ней текст, Пиреев пошел к доске и взял мел.

Проклятье! Все выскочило из головы — и буквы и цифры. Стучал мелом, Пиреев расписался на доске. Раз вывел свою подпись, другой, третий... десятый...

По конференц-залу шел, нарастаая, ропот удивления. Председатель ученого совета громко кашлянул.

— Максим Исидорович, — сказал он с печалью в голосе, — по-видимому, нам придется остановить защиту. Вы переутомились, вам надо отдохнуть...

Пиреев посмотрел на взволнованное лицо председателя, своего давнишнего друга, посмотрел на членов совета, повсюду скавших с мест, потом встретился взглядом с отчаянным, близким к истерике взглядом жены и тут только понял, что свершилось нечто ужасное.

Он схватил свой доклад и, теряя на ходу листки, понуро пошел к выходу.

Сразу после неудачной защиты он приехал домой и заперся у себя в кабинете. Некоторое время он лежал, закрыв глаза, на диване и пытался понять, что же, собственно, произошло с его памятью, никогда прежде его не подводившей. Однако ни-чем, кроме переутомления, он не сумел объяснить себе причины странного помрачения.

Да, первое переутомление. Завтра же надо назначить медицинскую комиссию и зафиксировать этот факт. Потом подготовить объяснительную записку...

Он придинул к себе телефон. Спокойно, деловито распоря-

дился отменить банкет, к которому все уже было готово в ресторане «Дружба».

Кроме банкета, Максим Исидорович намеревался пригласить в субботу к себе на дачу, на шашлык, десяток избранных лиц. Хорошо, что он не успел сообщить им о своем намерении. Жаль только, что баран уже закуплен. Ну да ничего, не пропадет баран.

Он позвонил в медицинское ведомство и договорился о созыве комиссии.

Так, и это сделано. Теперь оставалось главное — найти виновников его поражения.

Максим Исидорович, укрепив себя стаканом чая, раскрыл папку с опозоренным докладом. Чем больше он листал его, тем более убеждался, что эта хитрая змея, директриса Физики моря, нарочно подсунула ему такой сложный материал. Разве нельзя было сделать так, чтобы и диссертабельно получилось, и в то же время доходчиво? Кому нужно столько математики? В приличной диссертации все должно быть в меру...

Нарочно, нарочно она решила запутать его в бесчисленных уравнениях! И этого подозрительного молодчика специально привлекла... Где, позвольте вас спросить, обучали математике этого юного нахала? Не пора ли разобраться, кто он, собственно, такой и с какой целью приехал сюда?

Максим Исидорович вдруг вспомнил странную байку о каком-то продавце из промтоварного магазинчика, который будто бы взлетел на воздух, побарабтался немного и плюхнулся на землю. Молва связывала подвешенного в воздухе продавца с Уром. Тогда он, Пиреев, не поверил вздорному слуху, но теперь...

Всей печенькой он чувствовал, что ухватил важное звено. Все более отчетливо вспомнил неприятное ощущение чьего-то неподвижного, тяжелого взгляда на себе во время защиты и теперь уверился в том, что взгляд этот принадлежал Уру. Он сидел рядом с Селезневой, с этой ходячей статуей, и не сводил своих гляделок с него, Пиреева. А что, если он и впрямь гипнотизер?..

А эта змея, директорша, сидела и насмешливо щурилась...

Испытав горячий прилив гнева, Максим Исидорович положил перед собой лист бумаги, схватил ручку — и побежали по белому листу быстрые тесные строчки.

Позднее, приехав к себе на дачу, он распорядился зарезать барана. Жаль, не соберутся гости по вечерней прохладе, зазря такой богатый баран пропадет! Впрочем, пропадать ему нет резона. И Пиреев велел заднюю ляжку и немного ребрышек оставить на шашлык. Остальное мясо садовник Эльхан вынес за ворота и распродал в розницу на соседних дачах.

И вот он, шашлык. Максим Исидорович сам помог Эльхану нанизывать куски мяса на шампуры, сам ворочал их на мангале, нагуляя себе аппетиту. С соседних дач тоже тянуло шашлычным духом.

Не следовало, ах, не следовало Максиму Исидоровичу есть злополучного этого барана! Не рассышал он подвоя в жалобном бараньем меканье...

— Прочтите. — Вера Федоровна протянула Грушину бумагу с цветным штампом в углу, с номером и датой.

Бумага была убийственная. Нет, нет, она не содержала угроз и проклятий. Напротив, она была исполнена благожелательности и имела целью «достижение экономии фондов исследовательских работ». Именно поэтому исследование электромагнитных явлений в океанских течениях исключалось из тематики института как неподготовленное.

— Поразительно! — воскликнул Грушин, прочитав бумагу и передавая ее Нонне.

— Вас это поражает, Леопид Петрович? — Вера Федоровна включила настольный вентилятор и подставила воздушной струе разгоряченное лицо. — А ведь в прошлом году вы примерно в таких же выражениях возражали против океанской темы.

Грушин беспокойно заерзal на стule:

— Я действительно возражал, потому что... потому что у нас на Каспии дел полно... Помилуйте, Вера Федоровна, вы ведь не думаете, надеюсь, что я...

— Не думаю, конечно. Это было бы просто непорядочно. По-видимому, Пиреев вспомнил вашу прошлогоднюю аргументацию. Он что же — вздумал мстить нам за провал своей, защиты? Ничего себе! Мы делаем для него диссертацию, он вдруг заваливает защиту и после этого на нас же хочет отыграться... А вы, Нонна, что скажете?

— Надо звонить в Москву. Надо отстоять тему.

— Это я и без вас знаю. — Вера Федоровна устало закрыла глаза ладонью. — Думала, вы мне что-нибудь путное посоветуете... Ладно, — выпрямилась она и потянулась за сигаретами. — Не задерживаю вас больше. Остановите пока океанскую тему.

Бывший фармацевт, а ныне тишайший пенсионер Фарбер сидел, как всегда, у окна галереи, выходившего на открытую площадку дворовой лестницы. Худой и сутулый, в старой парусиновой блузе, он сидел целыми днями у окна и читал, читал. Время от времени он задремывал, уткнувшись в книгу бледный нос, но ненадолго. Проснувшись, сразу находил нужную строчку и читал дальше. Сын-инженер снабжал его книгами о древних цивилизациях — других жанров Фарбер не признавал.

Валерий, взбежав на площадку второго этажа, кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание соседа, и спросил:

— Ной Соломонович, Ур не приходил?

Фарбер чуть повернулся к нему голову, взглянул косенными глазами, сказал слабым голосом:

— А, это ты? — В горле у него будто клокотало. — Нет, не приходил.

— Где его носит? — пробормотал Валерий. — Дайте ключ, пожалуйста.

С тех пор как тетя Соня уехала к заболевшей сестре в Ленинград, жизнь у них совсем разладилась. Валерий обедал в столовке или наскоро стряпал дома. Потом спешил к Ане — почти все вечера они проводили вместе. А последнее время, когда Аня взяла отпуск для подготовки к экзаменам, она чаще при-

ходила к Валерию — он помогал ей готовиться по математике и химии. В этом году Аня, провалившаяся два года подряд, решила обязательно поступить на биологический факультет.

А Ур после работы исчезал. То уезжал с Рустамом и другими ребятами на пляж, то провожал Нонну, а несколько раз Валерий видел, как он шел прямиком в цирк. Где он обедает? Шут его знает. Иногда Ур забегал после работы домой — для этих-то случаев и стал Валерий оставлять ключ у соседа.

Войдя в пыльную, неприбранную квартиру, Валерий повалился в кресло возле телефона, закурил и набрал Ани номер.

— Привет, — сказал он. — Ты придешь?.. А кто знает? Да-вай, давай бери свою химию и приходи... Новости? Да никаких новостей... Нет, есть одна: бумага пришла, закрыли нам океанские течения... Ну, тему океанских... Да, представь себе. Так ты придешь?.. Известно кто — Пиреев. Я ж тебе говорил, что он провалил защиту. Ну вот. А теперь он чего-то на наш институт остервенелся... Анечка, ну откуда я знаю? Спроси Ура, он был на защите. Так придешь или нет?.. Ничего не грозный тон, просто хочу, чтоб ты пришла. А то на днях уйду — в море меня выталкивают на родной «Севрюге»... Вот другой разговор. Ну, собираясь быстренько. Жду!

Он пообедал — проглотил несколько сосисок и запил консервированным компотом.

Тут раздался телефонный звонок. Валерий схватил трубку.

— Говорит секретарь профессора Рыбакова. Лев Семенович просит вас срочно приехать.

Вот же не ко времени! Валерий стал, запинаясь, ссылаясь на неотложные дела. Вежливо, но настойчиво секретарша повторила вызов.

Пришлось снова оторвать Фарбера от древних цивилизаций и оставить ему ключ для Ани.

Спустя полчаса Валерий вошел в кабинет Рыбакова.

Сухопарый, седоватый профессор поднялся ему навстречу. Галстук у него был на боку, уголки воротничка некрасиво загибались кверху. Усадив Валерия в кресло, Рыбаков сел напротив, вздернул черную бровь, как бы заранее удивляясь тому, что предстоит ему услышать.

— Ну-с, Валерий Сергеевич, как поживает наш пришелец?

— Не знаю даже, что вам сказать, Лев Семеныч... Ходит на работу, как все. Работает, зарплату получает... Я даже, по правде, забыл, что он пришелец.

— Значит, ничем не выделяется? — Рыбаков сделал быструю пометку в блокноте, держа его на колене. — А эти его приступы повторяются? Да? Ничего вам не удалось выяснить нового? Жаль, жаль...

Валерий устыдился своей малой информированности. И, чтобы заполнить пустоту, стал рассказывать об экспедиции на Джанавар-чай. О приборе, придуманном Уром, и о том, какие приготовления шли у них к зимней океанской экспедиции, а теперь вот все приостановлено, потому что...

— Знаю, знаю, — покивал Рыбаков. — А вот скажите, пожалуйста, утвердились ли вы во мнении, что знания Ура в каких-то областях превосходят сегодняшний уровень, достигнутый наукой?

Валерий призадумался. В области физики и математики Ур наверняка подготовлен выше нормы, доступной его, Валерия, пониманию. Конечно, это не доказательство. Удивительная способность к языкам — необычайно быстро выучился русскому, а теперь и английский освоил, и уже за французский взялся — тоже не доказательство... Но вот блокнот Ура. Пленка с загадочными свойствами... Прибор, показавший «излишек» электричества... Идея Ура об использовании течения Западных Ветров...

Выслушав все это, Рыбаков еще выше вздернул бровь.

— Получение электроэнергии непосредственно из окружающего планету пространства — так, кажется, вы сформулировали? Расскажите подробнее, Горбачевский.

— Собственно, я уже все рассказал. Деталей его проекта я не знаю. Знаю только, что он получил часы для работы в вычислительном центре и готовит расчеты для обоснования проекта.

— Еще несколько вопросов, Валерий Сергеевич. Замечали ли вы у него черты, которые... ну, скажем так: можно ли какие-то его действия истолковать негативно, как приносящие или способные принести вред?

— Я такого не замечал.

— Может быть, вред отдельным лицам, которые ему почему-либо неприятны?

— Нет. У нас его все любят, и отношения хорошие.

— А способность к гипнозу — есть у него такая? Как считаете?

— Н-не замечал... — Валерий снова задумался. — Слухи какие-то ходили в институте...

— Какие именно?

— Да вздор все это... — Валерий вдруг как бы услышал со стороны свои вялые, неуверенные ответы и сказал решительно: — Лев Семеныч, прошу меня освободить. Не хочу больше... как это... соглядатаю... Я уж говорил вам: он хороший парень, я не держу его ни за какого пришельца.

— Вы отнюдь не соглядатаи, с чего вы взяли? Личность Ура представляет собою научный интерес...

— Знаю, знаю, Лев Семеныч. Простите, что перебиваю. Но у меня не получается... И вообще... Я женюсь скоро, мне не до Ура сейчас...

— Что ж, очень жаль, очень жаль, Валерий Сергеевич. Но раз вы настаиваете... Я свяжусь с московскими товарищами, мы посоветуемся, как нам быть дальше. И об этом его проекте нужно особо поговорить... Уру, разумеется, о нашей встрече ни слова.

— Конечно, конечно! — Валерий вздохнул освобожденно и стал прощаться.

Дверь квартиры была открыта, когда он добрался наконец до дома. В кухне свистел чайник, сигнализируя о готовности, а в комнате тети Сони сидели Аня и Ур.

Перед Аней на столе была раскрыта органическая химия, но, вместо того чтобы вникать в альдегиды, Аня спорила с Уром.

— Приветик, — взглянула она на вошедшего Валерия. — Зовешь в гости, а сам куда-то исчезаешь, прямо безобразие. Ой, там чай кипит! Ты выключил? Ну ладно, сейчас будем за-

ниматься. — Она снова обратилась к Уру: — Я ему ни капли не симпатизирую, да и видела один только раз. Так что не воображай, что я пристрастна. Просто я понимаю, что человек может быть очень занят, и ничего страшного, если ему кто-то поможет сделать работу.

— Одно дело — помогать, совсем другое — работать за человека, который сам не умеет, — сказал Ур.

— Он очень даже хорошо умеет работать, — возразила Аня.

— Организовывать и координировать! — крикнул Валерий из кухни. Он там заваривал чай, нарезал лимон.

— Вот именно, — сказал Ур. — Пирееву надо было написать статью о своем опыте администратора. Вот это была бы самостоятельная и, может быть, полезная работа.

— Согласна, но ведь за такую работу не дадут докторскую степень.

— Так и не надо! — Валерий принес поднос со стаканами и чайник.

— Как это не надо? Сейчас все защищаются, я уж не знаю — только самые безмозглые не становятся кандидатами. Что, ты знаешь свою специальность хуже, чем Рустам? Не хуже. А Рустам кандидат. Значит, и тебе надо защититься.

— Надо, надо, — вздохнул Валерий, садясь рядом с Аней. — Хлопотно только вот...

— Просто ты лодырь, Валера. Ждешь, наверно, чтобы и тебе помогли написать диссертацию.

— Сам как-нибудь управлюсь. Ур, специального приглашения ждешь? Где ты пропадаешь, собственно?

— В цирке был у Ивана Сергеевича.

— Кто это? Акробат?

— Лилипут.

— Что-то ты, братец, смурной ходишь последнее время, — сказал Валерий. — Головные боли опять у тебя?

— Смурной — это когда головные боли?

— Скорее когда настроение паршивое.

— Тогда я действительно смурной. — Ур, не любитель горячего чая, налил в блюдце и осторожно попробовал, вытянув губы. — Сегодня у меня отняли часы в вычислительном центре, — сказал он. — Тема закрыта, значит, и считать нечего.

Глава восьмая

УРИЭЛЬ

Медленно гас свет, и волны музыки затопили цирк. Потом она смолкла. Громкий магнитофонный голос произнес со сдержанным пафосом:

— Сейчас вы увидите уникальный номер — опыты телекинеза...

И после значительной паузы голос дал краткую справку об этом загадочном явлении — строго нейтральную справку, ничего не признавая, но и не отрицая начисто.

— Итак, перед вами артист Уриэль!

На арену пал узкий конус нежно-фиолетового света, высветив неподвижную фигуру. Золотисто поблескивал обнаженный

торс, посверкивали блестки на черном трико. Ур стоял на островке, омываемом морем рукоплесканий. Блестели его глаза, полные губы приоткрылись в улыбке, и ноздри, раздуваясь, вдыхали волшебный запах манежа. И ему хотелось не обмануть ожидания, которое он читал в устремленных на него взглядах, и было немножко жаль, что вот сейчас кончится прекрасное мгновение и надо будет приниматься за работу...

Вспыхнул полный свет. Тот же голос предложил желающим положить на стол любые предметы для опытов. Ассистент-лилипут Иван Сергеевич, чей строгий черный костюм хорошо контрастировал с костюмом Ура, пошел вдоль барьера. Вот он принял из первого ряда часы и засеменил к столу. С часов обычно и начинались опыты.

Лицо Ура как бы затвердело, сосредоточенно-неподвижный взгляд уставился на ярко освещенную поверхность стола... Вдруг часы скользнули по столу. Еще толчок. Часы медленно, покачиваясь, поднялись над столом. Края коричневого ремешка обвисли. Потом так же медленно часы опустились на стол...

Грянули аплодисменты.

Возвратив часы владельцу, лилипут опять пошел вдоль барьера и увидел, как из задних рядов передавали из рук в руки фотоаппарат.

— Осторожно только, не разбейте! — крикнул сверху обеспокоенный голос.

Артист Уриэль был осторожен. Фотоаппарат, поплавав в воздухе и очертив замысловатую петлю, тихонечко, без стука опустился на стол. Потом взмыла вверх дамская сумочка. Неловким увильнем подпрыгнул и завис над столом пузатый портфель.

Опять умолкла музыка. Нарастала зловещая барабанная дробь — цирковой сигнал, возвещающий, что сейчас будет нечто опасное, необычайное, самое, самое главное...

Отчетливый голос из динамиков объявил:

— Кто желает подвергнуться непосредственному телекинезу, просим на манеж!

Тишина. Тут всегда возникала заминка: уж очень рискованно... Ур терпеливо ждал.

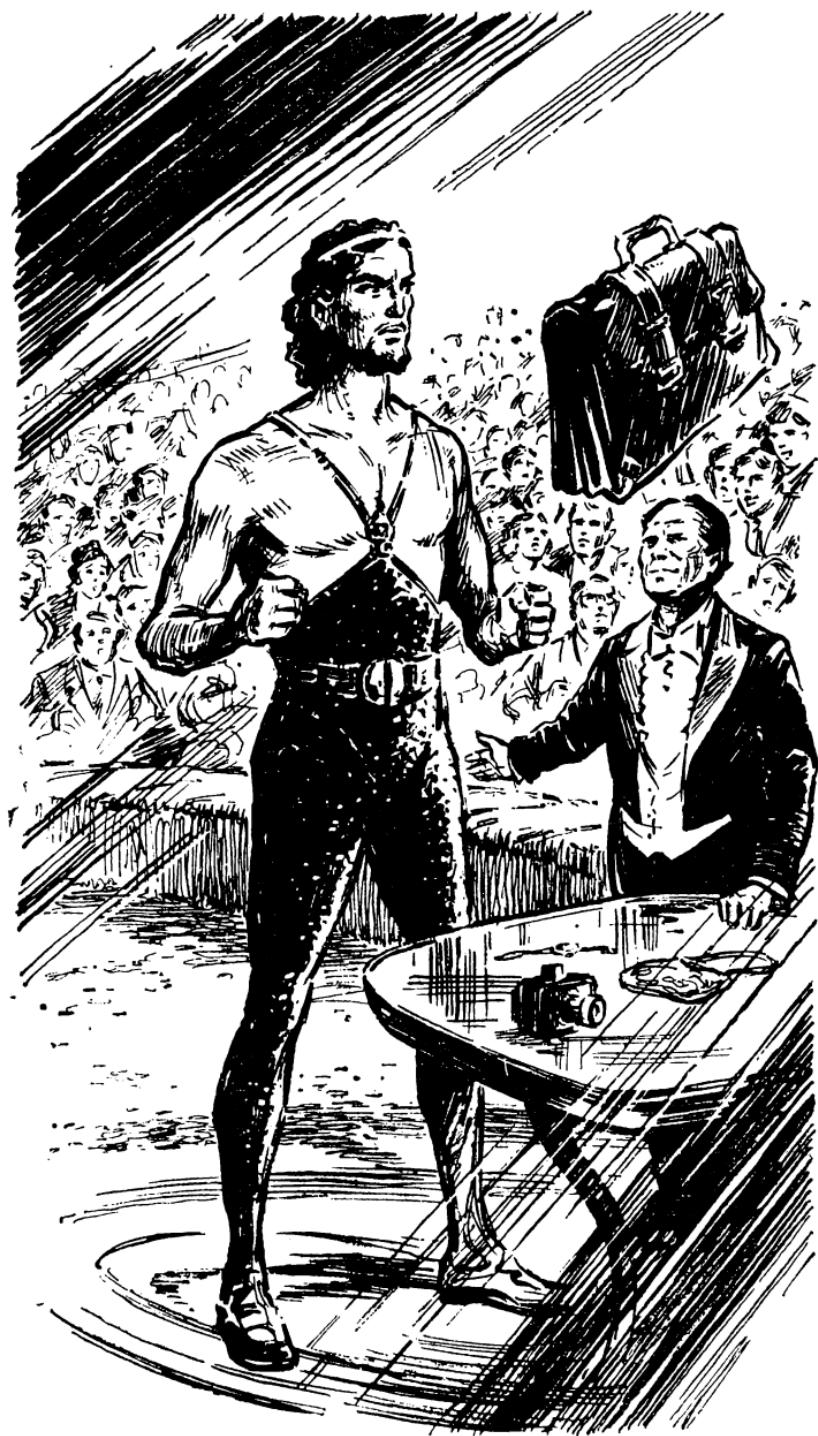
— Просим желающих, — повторил голос. — Опыт совершенно безопасен.

В одном из секторов произошло движение: через барьер перелазала тоненькая девушка в бело-розовом брючном костюме. Лилипут поспешил к ней, подвел к Уру.

Теперь они стояли на расстоянии трех шагов друг против друга. Девушка слабо улыбалась, в ее прозрачных глазах была растерянность. Вдруг она испугалась: уж очень тяжелым, давящим стал взгляд артиста Уриэля, уж очень изменилось его лицо. Неживым, каменным оно стало каким-то...

В следующий миг девушка, тихонько ойкнув, оторвалась от мягкого ковра и медленно-медленно поплыла по воздуху метрах в двух от манежа. Вправо... влево... Все у нее внутри как бы замерло, схваченное тугой пружиной страха.

Сколько продолжался ее полет? Минуту, две? Вдруг она ощущила под ногами ковер. Теперь она стояла, беспомощно улыбаясь, а вокруг бушевал прибой аплодисментов, восторженных

4 «Искатель» № 1

выкриков. К ней подошел лилипут, чтобы отвести на место. У барьера к ней протянулось несколько доброжелательных рук, чтобы помочь перебраться в надежно отгороженный Мир Зрителей.

Рукоплескания не ослабевали. Ур стоял, еле заметно кивая то в одну сторону, то в другую. И он уже повернулся было, чтобы уйти с манежа, как вдруг раздался из рядов громкий, излишне громкий голос с нехорошей хрипотцой:

— Одну минуточку, гражданин артист!

Стихи аплодисменты, все взоры обратились к вставшему в шестом или седьмом ряду дядечке в соломенной шляпе и желто-зеленой рубахе навыпуск.

— Одну минуточку, — провозгласила соломенная шляпа. — Тут ясность внести надо. Она — ихняя знакомая. Она официантка с кафе, где гражданин артист с лилипутом этим обедают.

— Ну и что? — крикнул кто-то.

— Минуточку, я не кончил! — строго сказала шляпа. — Она подговоренная. Заранее у них условлено. Жульничество это!

Цирк загудел.

— Ну, обедает там — что из этого?

— Точно, фокус все это! Зеркала у них спрятаны! А она тоже циркачка!

— Обман, обман!..

Тут произошла неожиданность.

Будто реактивной тягой выбросило гражданина в соломенной шляпе из амфитеатра. Он взвился над головами соседей, закричал дурным голосом, замахал руками и ногами.

Ур резко повернулся и, пошатываясь, пошел к форгангу. В тот же миг скандальный гражданин упал ничком на ковер. Быстро огляделвшись, он под громовые раскаты хохота пополз на четвереньках к упавшей во время полета шляпе и обеими руками натянул ее на голову.

После представления Иван Сергеевич поспешил в гостиницу и, не заходя к себе, постучался в номер Ура. Ответа не последовало. Иван Сергеевич толкнул дверь, она подалась.

В номере было темно. Что-то Иван Сергеевич испугался. Кинулся к тумбочке, нашарил кнопку настольной лампы.

Ур поморщился от вспыхнувшего света. Он лежал навзничь на кровати, одетый, только туфли скинул.

— Живой, — сказал Иван Сергеевич. У него отлегло от сердца, он сел на стул. Коротенькие ножки не доставали до пола. — Эх ты, человек-гора. Чем тебе помочь?

— Ничего не надо, — тихо проговорил Ур. — Свет потушите. Режет...

Лилипут выключил свет. Он знал, что у Ура бывают приступы слабости, острой головной боли.

— Как же это ты — на таком расстоянии, а? Метров двадцать было до того дядечки, не меньше... Ну, лежи, отдыхай.

— Сколько людей на свете... и все разные, — прошептал Ур. — Такая пестрота... Скрещиваются, сталкиваются... расшибаются друг о друга...

— Не пойму, чего ты бормочешь. Кто расшибается?

— Огромный пестрый цирк... и у каждого свой номер...

— Вот это точно, — уловил ниточку мысли Иван Сергеевич. — У каждого человека свой номер, а вернее, утверждает он себя по-своему в жизни. Я-то не показателен, неудачная особа, а и то делаю свой номер.

— Но ведь есть коренная, глубинная связь, — сказал Ур. — Разум — это ведь не просто детерминированный продукт деятельности развитого головного мозга... это ведь и система...

— Больно мудрено для меня, Ур. А вот что тебе скажу, друг сибиряк. Возвращайся-ка в свой институт. Вижу ведь, как ты маешься. Я тебя, Ур, силком не тянул. Я предупреждал, когда ты замыслил к нам проситься. Видел, как ты к цирку душой тянулся, но ведь и предупреждал, перед тем как мы сюда, на Черное море, выехали, чтоб ты взвесил все хорошенко. А?

— Предупреждали, я помню.

— Ну вот, побаловался ты цирком, душу отвел — и будя. Возвращайся в институт.

— Нет, Иван Сергеевич, не вернусь. Цирк мне нравится...

После полудня Ур выпил у автомата три стакана воды с лимонным сиропом и прямиком отправился на пляж.

Он далеко заплыл, и лег на спину, и следил задумчивым взглядом медлительное движение облаков.

Сейчас там перерыв. Ребята в буфете, и Рустам, который всегда впереди в очереди к прилавку, уже набрал для всех кефиру, булочек и пирожных, и вот они рассаживаются, и Нонна, сделав первый глоток, морщит носик и говорит: «Опять кефир несвежий». «Нонна, обернись — я здесь... Что же ты глядишь так сердито? Пойми, нельзя мне было иначе, я влез в ваши дела и только напортил все — ведь только из-за меня, из-за выходки этой на пиреевской защите закрыли океанскую тему... Дело твоей жизни, Нонна... Да и вообще... нельзя, нельзя мне было приkleиваться так прочно, чтобы больно оттирать...

Нонна, пойми, пойми! И не презирай меня за бегство. Я не мог иначе...»

Когда Ур выходил из воды, он увидел Гуго Себастиана. С этим симпатичным иностранцем он познакомился здесь, на пляже, несколько дней назад, заинтересовавшись его снаряжением необычного вида. Иностранец подтвердил, что ласты, трубка и ружье для подводной стрельбы у него действительно первоклассные, их выпускает известная французская фирма. Они разговорились — оба одинаково плохо знали английский. Гуго Себастиан был родом из Швейцарии, в Базеле у него было свое дело — небольшое рекламное издательство. Дохода от издательства хватало главным образом на путешествия, а путешествия и ныряния были страстью Себастиана. Он нырял почти во всех морях земного шара. Здесь он был с группой любителей подводного спорта, для которых «Интурист» организовал поездку на черноморские курорты.

Крепкий, загорелый, в черно-белых плавках, швейцарец с улыбкой поднялся навстречу Уру.

— Я вторично был вчера в цирке, — сказал он, — и снова испытал восхищение вами. Вы были великолепны, господин Уриэль, когда посрамили неверящего. Я увезу незабываемое впечатление о встрече с вами.

Ур растянулся на горячей гальке. Себастиан сел рядом и продолжал:

— Мне понятен теперь, господин Уриэль, ваш интерес к моим морским путешествиям. Я случайно узнал, что вы занимались научной работой в области физики моря.

— Откуда вы узнали?

— Гид нашей группы сказала нам об этом вчера, после представления. А откуда узнала она, право, не знаю. — Себастиан лег на живот, прикрыв голову абхазской войлочной шляпой. — А вы не бывали, господин Уриэль, в Санта-Монике? О, вот где следует побывать человеку, интересующемуся морем. Там работают замечательные океанологи. От причалов Океанариума уходят в кругосветные плавания превосходно оснащенные суда. Уникальная библиотека, музей, международные связи...

— Знаю я о Санта-Монике, — сказал Ур. — И читал труды Русто.

— О да, Русто! Он, можно сказать, создал Океанариум. Превосходный ученый! Мне рассказали не так давно, что Ватикан дал им крупную сумму на исследование — чего бы вы думали? — морского пути пророка Ионы на корабле и далее, во чреве китовом.

— Что за пророк Иона?

— Как, вы не знаете библейского сказания об Ионе?

— Не знаю. Я не читал библию.

— Вы читали труды господина Русто, но не читали библию! С каждым разом вы поражаете меня все больше, господин Уриэль...

— А вы, господин Себастиан, не проповедник ли случайно? Вы говорите с таким пафосом...

— Я не проповедник. Увы, я немало грешил в жизни и не достоин высокой проповеднической миссии. Но я разделяю взгляды и учение неоадвентистов.

— А кто это такие?

— Ну, если вас интересует... Мы, неоадвентисты, верим во второе пришествие Христа. При этом наши взгляды далеки от средневековых. Мы не представляем себе бога в виде бородатого джентльмена, сидящего босиком на облаке. О нет! Высшую силу, управляющую мирозданием, мы видим в различных проявлениях, в свободной воде электрона. Это и есть бог, высшее существо, которое мы почтаем. Но я вижу, что вы улыбаетесь...

— Простите, — сказал Ур. — Я невольно подумал, слушая вас: если бог проявляет себя в свободной волне электрона, то в каком же виде должен явиться божий сын Христос? Уж не в виде ли нейтрино?

Себастиан снял огромные свои очки и пристально посмотрел на Ура. У него были черные треугольники бровей и желтые глаза, исполненные кроткой печали.

— Понимаю, что вы шутите, господин Уриэль, — сказал он. — Высшая сила, управляющая мирозданием, не нуждается в какой-

то постоянной оболочке. Но, разумеется, спаситель явится в образе человека.

— Вы вполне серьезно верите во второе пришествие?

— Почему вас это удивляет?

— Вы человек очень современный, господин Себастиан. Сведущи, по-видимому, в науке, путешествуете по всему миру... И как-то не вяжется это... ну, вот с древними мифами, что ли...

— Именно потому, что я много путешествую, я много вижу и много размышляю. Мир опасно болен, Уриэль. Каждый готов утопить ближнего в столовой ложке, лишь бы сделать еще шажок наверх, лишь бы урвать побольше денег, побольше благ, обильно предлагаемых ныне, побольше удовольствий. Согласитесь, сэр, что долго так продолжаться не может. Мы либо сами истребим себя, род человеческий, в войнах, либо превратимся в бездумных скотов. Такой исход не может не противоречить основной программе мироздания — я имею в виду разум как венец творения. Не логично ли сделать из всего этого вывод о необходимости спасения? Как бы ни выглядел спаситель, он непременно явится.

— В том, что вы говорите, есть резон, — сказал Ур, помолчав. — Разум, несомненно, возник для целей высоких. Но почему надо ждать какого-то спасителя? А если Христос не явится? В мире, по-моему, достаточно людей, понимающих опасность...

— Верно! Но им нужно знамя, Уриэль! И таким знаменем, в силу сложившейся исторической традиции, может стать только Христос. Второе пришествие укладывается в рамки тысячелетних, привычных для миллионов людей представлений.

— Вы не простой человек, Себастиан, — сказал после недолгого молчания Ур.

— Тем более это относится к вам, дорогой господин Уриэль. Я был бы счастлив, если бы мои слова оставили след в вашей душе. — Себастиан поднялся.

— Вы что, уезжаете?

— К сожалению. Сегодня нашу группу увозят в Крым. Я очень рад знакомству с вами, господин Уриэль. Не откажите в автографе на память...

Ур широко расписался на блокнотном листке и сказал:

— Я тоже был рад познакомиться с вами.

Однажды незадолго до представления Ура вызвал директор.

— Садитесь, Уриэль. — Директор повел на него набрякшими веками. — Вот какое дело, голубчик. Указание есть одно. Э-э-э... Если ваш номер имитационный, то есть вы приводите материальные тела в движение не телепатически — так?.. то вы обязываетесь раскрыть секрет своей аппаратуры. Разумеется, цирк гарантирует сохранение вашей тайны, — поспешно добавил он. — Если же нет, то есть если секретной аппаратуры нет и вы работаете... э-э... натурально — так?.. то вам придется предстать перед комиссией специалистов. Я вам все оформлю, голубчик, слетаете на три дня в Москву, покажетесь там в цирковом управлении. Завтра и вылетайте, чтоб не тянуть это дело...

— Нет, Владимир Федорович, — тихо сказал Ур. — Никуда

я не полечу и никакой комиссии ничего показывать не стану. Я показывал номер худсовету, когда вы меня принимали, и считаю это вполне достаточным.

— Да и я так считаю, голубчик! Не думайте, что мне было просто вас оформить — вы же иностранный практикант, к тому же, смешно сказать, без документов. Но нам понравился номер, и я решил расшибиться в лепешку... Номер пользуется успехом, сборы хорошие, чего еще надо директору? А? Ничего не надо, терпи жару и радуйся. Так нет. Какой-то...

Тут директор прикусил язык. Вовсе было необязательно этому Уриэлю знать, что нашелся какой-то мерзавец, написавший в управление анонимное письмо.

— В общем, сейчас позвонили из Москвы, — продолжал он, крутя головой и вытирая полотенцем шею, — и стали снимать с меня стружку. Почему я не согласовываю с ними номера, да что это за телекинез, который... э-э-э... не утвержден, так сказать, наукой... и не массовый ли это гипноз...

— Все ясно, Владимир Федорович, — сказал Ур. — Повторяю: никакой комиссии ничего показывать не буду.

Я тревожу тебя в неурочное время, Учитель. Прости.

Мне очень плохо. С тех пор как я стал полностью причастен, никогда не было мне так трудно, так плохо. Это огромный пестрый цирк, в котором беспрерывно сталкиваются, скрещиваются, расшибаются друг о друга страсти, желания, мысли.

Учитель, я сознаю свой долг. Но мне трудно. Я уже натворил много глупостей.

У меня раскалывается голова...

Меня душат ночи...

Тревожит ощущение какой-то засады...

Меня подстерегают!

Учитель, мне плохо!! Заберите, заберите отсюда...

Он вышел из гостиницы поздно, когда затихли улицы. Горели среди деревьев редкие фонари, освещая неподвижную листву. Белела на толстой тумбе огромная афиша:

Оригинальный номер!

УРИЭЛЬ

Опыты телекинеза

На скамейке, обрамленной темными кустами, застыла парочка. Пустой пляж был печален и неузнаваем. Море с тихим шорохом играло с мелкими камушками.

Как был — в джинсах, белой рубашке и босоножках — Ур вошел в воду. Вода была теплая, но от одежды холодило. Он поплыл спокойным брассом навстречу луне и звездам.

Лунная дорожка серебрилась левее, а дальше виднелась освещенная полоска причала. Потом она осталась позади.

Дальше, дальше, в открытое море.

Черная вода и черное небо. И он один меж ними...

Иногда он оборачивался, чтобы взглянуть на береговые огни. Они удалялись. Вот совсем исчезли — видны только портовые

цветные мигалки да слабое зарево над растаявшим в ночи городом.

Один, совсем один в открытом море, под крупными звездами.

Вдруг звездный рисунок перечеркнула тень. Узкая, веретенообразная, она нависла над Уром, потом медленно стала снижаться. Закачалась на воде.

В тускло отсвечивающем борту возник черный овал — это беззвучно отворилась дверь. Ур взялся за порог, подтянулся на руках и очутился в шлюзовой камере. Разделясь, не торопясь отжал одежду и развесил для просушки. Закрыв внешнюю дверь, Ур включил свет. Потом, мягко шлепая мокрыми босыми ступнями, прошел к пульте и опустился в кресло.

Он долго лежал в кресле, расслабившись и закрыв глаза.

Не приспела пора возвращаться. Надо продолжать. Они воззвали к его терпению и мужеству. Что ж, он наберется и того, и другого. Он будет продолжать. Только ни во что не вмешиваться!..

Ур сверился с картой, задал автопилоту программу. Вертикальный взлет вжал его в амортизатор кресла. Это продолжалось недолго — лодка перешла на горизонтальный полет.

Глава девятая

САНТА-МОНИКА

Главной достопримечательностью средиземноморского курортного городка Санта-Моника был Океанариум, а создателем и бессменным директором этого знаменитого музея — доктор Жюль-Сигисбер Русто. Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что большую часть своей жизни этот пожилой горбоносый француз провел под водой, а не на суше. В водолазных костюмах всех типов, в батисферах, батискафах, «ныряющих блюдцах» Русто погружался в воды всех океанов. Почти все редкостные обитатели подводного мира, собранные в богатейшей коллекции Океанариума, были доставлены сюда неугомонным доктором Русто.

В то августовское утро доктор Русто легко сбежал по каменным ступеням, ведущим от белого двухэтажного здания музея к подножию скалы, к которой были пристроены подводные помещения Океанариума. У причала покачивалась шхуна, несколько загорелых мужчин выгружали из ее трюма ящики с рыбой.

— Мсье Русто! — окликнул директора здоровенный малый в тельняшке и мятых шортах. — Послушайте, что тут рассказывает Доминик.

Доминик Леду, рыбак, заступил дорогу директору и быстро заговорил:

— Вот я и говорю, мсье, куда это годится, если с неба тебе на голову этакая штука сваливается. Еле я успел увернуться. Только мы с Марселеем потащили невод, мсье, как видим, она опускается прямо нам на голову. У меня в животе похолодело, еле мы успели дать ход и положить руль вправо... Глядим, эта штука села на воду, а потом у нее на боку раскрывается дверь...

— Да говори же толком, Доминик, — сказал Русто. — Что опустилось тебе на голову? Гидросамолет?

— Как бы не так! Самолетов, что ли, я не видел? Эта посудина, мсье, смахивала на веретено.

— Веретено упало с неба? — заинтересовался рыжебородый молодой человек с фотоаппаратом, только что вышедший из Океанариума. — Летающее веретено?

— Идите, сударь, своей дорогой, — сухо бросил ему Русто. — Доминик, ты уже много лет возишь мне рыбу, и ни разу я не слыхал от тебя небылиц...

— Клянусь всеми святыми, мсье, что это истинная правда! Своими глазами видел, как в этой штуке раскрылась боковая дверь и в воду плюхнулся человек. Прямо как был — в белой рубашке и штанах. Так и плюхнулся, мсье, ногами вниз. Болтается в воде, а сам смотрит на свою посудину, будто раздумывает, забираться обратно или нет... И тут дверь закрывается, и эта штука снимается с воды, как чибис с болота, и поднимается обратно в небо.

— Летающее веретено, — повторил рыжебородый, часто моргая. — Где-то я читал об этом... или слышал...

— Это все, Доминик? — спросил Русто. — Ты подобрал парня и сдал в полицию?

— Да нет, мсье... Что-то мне не по себе стало. По правде, я малость осталбенел...

— Ну а парень?

— Посмотрел он из воды прямо на меня, а видно было хорошо, луна светила, и поплыл к берегу. Марсель мне говорит, давай, мол, подберем, а я, по правде... Ведь они, я так думаю, вооружены, шпионы...

— А до берега было близко?

— Не сказал бы. Миль пять было до мыса Серра... Я, мсье, подумал: надо сообщить в полицию, но решил вначале вам рассказать...

Доминик напрягся, глядя из-под ладони наверх. Там, на площадке у подъезда, показался черноволосый человек в белой рубашке и джинсах. Он явно направлялся к музею. Вглядевшись Доминик и вдруг заорал:

— Это он! Он самый! Держи шпиона!

И, прыгая через ступени, понесся наверх. Все побежали за ним.

Доминик остановился шагах в трех от черноволосого, продолжая вопить во всю глотку: «Держи! Держи шпиона!» Здоровяк в тельняшке зашел сзади, отрезая «шпиону» путь к бегству.

Но тот и не собирался бежать. Недоумленно он смотрел на окруживших его людей.

— Кто вы такой? Ваше имя? — обратился к нему Русто.

— Не понимаю, — сказал незнакомец по-английски. — Я океанолог, — тихо проговорил он, когда Русто повторил вопрос по-английски. — Меня зовут Ур. Я приехал, чтобы посмотреть здешний Океанариум.

— Ур? — переспросил Русто. — Никогда не слышал о таком океанологе. Откуда вы прилетели, мистер Ур? И на чем?

— Я не обязан отвечать на ваши вопросы, — сказал Ур, сбывшись. — Я приехал осмотреть Океанариум доктора Русто.

— Я доктор Русто.

— О! — Ур заулыбался. — Очень рад видеть вас, доктор. Я читал ваши труды и высоко их ценю.

— Я вспомнил! — завопил вдруг рыжебородый с фотоаппаратом. — Про это веретено зимой все газеты писали! За ним в космосе охотились!

— Арман, попроси этого господина немедля проваливать отсюда к дьяволу, — сказал Русто здоровяку в тельняшке. — А вы, ребята, продолжайте разгрузку, не волнуйтесь, Доминик, государственные секреты все останутся на месте. А я побеседую с этим мистером, и, если понадобится, он не откажет мне в любезности подождать, пока я вызову полицию. Пройдемте, мистер Ур.

Просторная комната, в которую Русто привел Ура, была и музеем и библиотекой одновременно. Ур с любопытством оизрался на карты с маршрутами экспедиций и огромные цветные фотографии, на полки с атласами и разноязычными книгами, на редкостные морские раковины и другие дары Мирового океана.

— Сядьте, — Русто указал на старинное кожаное кресло и сам уселся напротив. — Вы нам не помешаете, Жан-Мари, — кинул он круглолицему седоватому библиотекарю, поднявшемуся из-за своей конторки. Потом он взглянул на Ура зоркими не по возрасту, карими глазами. — Коньяк, виски? Понимаю, по роду своих занятий вы должны быть непьющим. Сигары, сигареты? Тоже нет? Очаровательно. Итак, что вы окончили и где работаете, если вы и впрямь океанолог?

— Доктор Русто, я бы хотел, чтобы вы мне поверили, — сказал Ур медленно, обдумывая каждое слово. — Судьба у меня сложилась необычно, и я надеюсь, что вы не станете настаивать на полной откровенности.

— Вы можете рассказывать ровно столько, сколько захотите. Ну, давайте побыстрее, у меня сегодня много дел.

— Я получил образование в закрытом учебном заведении, о котором вы вряд ли слышали. Некоторое время я занимался практической океанографией.

Ур назвал прикаспийский город и тамошний Институт физики моря.

— Вы работали у Андреевой? — Русто удивленно вскинул мохнатые черные брови. — У Веры Те-одо-ровны? — старательно выговорил он. — Вот женщина, с которой можно говорить по-мужски, но тем не менее остающаяся женщиной. Мы встречались на международных конгрессах. Однако разрешите задать вам несколько вопросов...

Ур отвечал неохотно, но потом увлекся, стал излагать идеи об электрических токах в океане, о течении Западных Ветров...

— Так, так, — сказал Русто, слушавший внимательно. — Вы правы, мистер Ур, токи в океанах изучены плохо. Что-то вы упомянули о космической составляющей — это что же, ваша гипотеза или нечто экспериментально подтвержденное?

— Эксперимент был, но... недостаточный для подтверждения гипотезы... — Увлеченностъ вдруг как бы слетела с Ура, голос

его увял. — Доктор Русто, я приехал, собственно, для того, чтобы осмотреть Океанариум, о котором много слышал...

— Разумеется, мы покажем вам все, что у нас есть. Вы русский?

— Нет...

— Можете не продолжать. Я спросил только потому, что знаю некоторых русских океанологов — Базиля Шулейкина, Андрееву, Мирошникова... Ваша национальность меня не интересует. Да-ле: что за вздор тут плели, будто вы прилетели на веретене? Впрочем, и до этого мне нет дела. Каждый вправе летать на том, на чем хочет, хоть на помеле. Вот что, мистер Ур, если у вас есть время и вы не торопитесь лететь дальше, то было бы мило с вашей стороны остаться тут, скажем, на неделю. Я всегда придерживался мнения, что океанологам нужно больше общаться друг с другом.

— Я бы охотно остался, доктор Русто... — Ур колебался. — Признаться, я не располагаю...

— Деньгами, понятно. Смею вас заверить, что мы тоже не очень располагаем. Океанариум существует главным образом за счет платного осмотра. Ну, еще мы как следует общипываем состоятельных диссертантов, желающих работать с нашими материалами. Вы не собираетесь, кстати, писать диссертацию?

— Нет, — улыбнулся Ур. — Хватит с меня диссертаций...

— Так вот: мы не богаты, но и не настолько нищи, чтобы не прокормить заезжего океанолога. Предлагаю вам стол и кров. Плату потребую лишь одну — ежедневные профессиональные беседы. Ну? Даю вам на раздумье полминуты.

— Вы очень напористы, — сказал Ур. — Я согласен.

— Превосходно. — Русто выскоцил из кресла, будто подброшенный катапультой. — Попрошу вас сюда, к этой карте. Жан-Мари, выложите на стол все, что у нас есть о Западных Ветрах. — Он энергично провел по карте ладонью. — Итак, вот они, Бравые Весты. Меня тоже давно занимает это великое течение. Я собираюсь в скором времени плыть туда...

Разговор, как и предвидела Вера Федоровна, получился не из приятных, хотя начальник, вызвавший ее к себе, был безупречно вежлив.

— Не горячитесь, уважаемая Вера Федоровна, никто вас не обвиняет, — говорил начальник. — Я просто хочу разобраться. Прием этого лица на работу был согласован с нами, вот Максим Исидорович подтверждает, и по этому пункту никаких претензий к вам мы не имеем.

Пиреев, сидевший за дальним концом приставного столика, согласно кивнул.

— И на том спасибо. — Вера Федоровна достала из сумочки веер и принялась обмахиваться. Коренная ленинградка, она плохо переносила южную жару.

— Однако согласитесь, что, приняв сотрудника, вы тем самым как директор института приняли на себя и ответственность за него. Так или не так? Следовательно, уважаемая Вера Федоровна, мы имеем основание спросить вас. Никого не поста-

вив в известность, не оформив надлежавшим образом отпуск или увольнение, это лицо неожиданно исчезает. Я спрашиваю вас как директора института: где ваш сотрудник? Должны вы это знать? Должны.

— Я, как вы верно заметили, директор института, а не нянька. У меня работает несколько сотен сотрудников, и уследить за каждым...

— Знаете вы, где это лицо? — Начальник строго взглянул на Вера Федоровну из-под полуопущенных морщинистых век.

— Где-то на Черном море. Не то в Туапсе, не то в Сочи.

— Запоздалые у вас сведения, уважаемая Вера Федоровна. Есть данные, что это лицо за границей.

— Вот как? — Веер Веры Федоровны приостановил свои размашистые движения. — И что же оно... он там делает?

— В этом-то и суть вопроса.

— Что вы, собственно, хотите сказать, Алекскер Гамидович?

— Ничего, кроме того, что сказано.

— Нет. — Вера Федоровна постучала сложенным веером по столу. — Сказано весьма многозначительно. Суть вопроса, как я погляжу, не в том, что Ур сбежал за границу, а в том, что вы хотите пришить мне нечто. Нет уж, позвольте договорить! Итак: твердо установлено, что иностранец Ур был принят по звонку вашего заместителя Пиреева. Откуда он прибыл, мне не удосужились сообщить. Иностранцы, практиканты бывали в институте и раньше, и никогда директор не нес ответственности за их поведение. У них есть свои консульства, свои посольства. Хочет практиканта работать — пожалуйста. Не хочет — пусть проваливает к чертовой... Извините. Я хотела сказать, что практика иностранных специалистов — их собственное дело, я за это не отвечаю. Если у нашего практиканта не было, насколько я знаю, официального статуса, то ответственность за его поведение несет лицо, распорядившееся об его приеме на работу, то есть товарищ Пиреев.

Раздалось легкое пофыркивание. Максим Исидорович, сидевший в некотором отдалении и как бы подчеркивавший этим свою непричастность к разговору, смеялся почти беззвучно, пофыркивая носом и вздрагивая животом. Вера Федоровна мельком взглянула на него. «Что за синие пятна у него на лбу?» — подумала она и снова устремила напряженный взгляд на строгое и бесстрастное лицо начальника.

— Должна добавить, — сказала она, — что практиканта работал хорошо, мы были им довольны. Он обнаружил серьезные физико-математические знания, о чём, кстати, прекрасно осведомлен Максим Исидорович. В диссертацию, которую для него писали мои сотрудники, практикантом вложен большой труд.

— Уважаемая Вера Федоровна, — сказал Алекскер Гамидович, — мы отвлекаемся в сторону.

— Нисколько. — Вера Федоровна с треском раскрыла и закрыла веер. — Сейчас я сделаю официальное заявление: считаю своей ошибкой согласие на написание докторской диссертации для товарища Пиреева. Несколько месяцев целая группа сотрудников была оторвана от основных занятий...

— Вы пожалеете о своем лживом заявлении! — прервал ее Максим Исидорович.

— Не надо кричать, — поморщился начальник. — Если вы ставите вопрос официально, Вера Федоровна, то прошу в письменном виде. Оставим вопрос о докторской...

— Нет, не оставим! — Вера Федоровна уже закусила удила. — Потому что именно с этой докторской все и началось. Пиреев, как видно, взбеленился и решил за свою неудачу отыграться на мне. Первым актом мести было закрытие темы океанских течений. Он знал, что направляет удар против меня, потому что...

— Вы, товарищ Андреева, не разводите демагогию! — Максим Исидорович с несвойственной ему поспешностью вскочил со стула. — И не думайте, что раз вы московского подчинения, то мы не найдем на вас управу!

— Не надо кричать, — несколько повысил голос Алексей Гамидович. — Что за базар устроили? Что за взаимные угрозы? Поскольку возник конфликт, придется разобраться, но только в спокойной...

Вдруг он осекся. Глаза его, обычно полуприкрытые веками, широко раскрылись, будто им предстало нечто в высшей степени удивительное. Вера Федоровна невольно обернулась, чтобы проследить его взгляд, и увидела, что у Пиреева вроде бы что-то написано на лбу. Она сильно прищурилась и прочла надпись, сделанную четкими синими буквами:

**СЪЕДЕННЫЙ МНОЮ БАРАН
УКРАДЕН В КОЛХОЗЕ
им. КАЛИНИНА**

Что-то как бы лопнуло у Веры Федоровны внутри. И она засмеялась. Она тряслась от смеха, не имея сил взять себя в руки. Вынула из сумочки круглое зеркальце и протянула недоверяющему Пирееву:

— Посмотрите на себя, Максим Исидорович...

Чернее грозовой тучи, надвинув на брови капроновую шляпу, приехал Максим Исидорович к себе на дачу. Сразу же он вызвал садовника Эльхана и, не снимая шляпы, потребовал подробного отчета: где и у кого именно был куплен злополучный баран, долженствовавший в конце своего земного пути украсть пиршественный стол новоиспеченного доктора наук и вместо этого неведомым образом пославший из иного мира отвратительную отметину. Эльхан был очень испуган, потому что и у него на лбу была такая же надпись.

Было похоже, что она несмыываемая. Близкая к обмороку жена Максима Исидоровича, у которой тоже появилась надпись, перепробовала на лбу супруга все моющие средства и растворители, срочно закупленные садовником. Надпись не сходила. Пожалуй, после стирального порошка «Дарья» она стала даже немного ярче.

А наутро началось расследование. Дело в том, что пострадал не один Максим Исидорович. У всех окрестных дачников, коим растворяющий Эльхан сплавил лишние бараньи части, тоже выступила на лбу такая же надпись, сделанная точно таким же

прекрасным чертежным шрифтом, будто писанная одной рукой. Соседи были разные, среди них оказались торопливцы, кинувшиеся к дерматологу в поликлинику, и, естественно, такая опрометчивость не могла не вызвать у общественности интереса к надписям.

Неблагодарные соседи и указали негодующими пальцами на дачу Пиреева.

С повязкой на лбу вышел Максим Исидорович к двум гражданам, прибывшим для расследования. Спокойно, с достоинством указал им на то, что лично он барана не покупал — покупал садовник Эльхан. Срочно вызванный садовник подробно описал расследователям внешность лиц, у которых купил барана, а также место возле базара, на котором состоялась сделка.

Максим Исидорович попросил посетителей поскорее закончить расследование, выявить настоящих виновников и примерно их наказать, так же, как и непотребных шутников, пустивших в ход некие научные средства типа меченых атомов с целью опорочить невинных людей.

После этого Максим Исидорович удалился в свою комнату, лег на тахту и впал в тихое отчаяние.

Поскольку источник неприятностей, постигших многих людей, был налицо (или, вернее, на лице), то на животноводческой ферме колхоза имени Калинина произошли значительные перемены. Было возбуждено уголовное дело против заведующего фермой и двух его сподвижников, которые за короткий срок пустили по внерыночным каналам не менее одиннадцати баранов из колхозного стада. Заведующий Даи-заде на следствии клятвенно ссыпался на волков. Под давлением неоспоримых фактов, однако, он был вынужден признаться в лихомстве.

Что же до надписей, то спустя две недели они начали бледнеть и вскоре совсем исчезли со лбов потерпевших.

Боль нас kvозь просверлила глаз. Должно быть, его, Ура, подстерегли в засаде, влепили камень, выпущенный из пращи...

Постой, как же это было?

Ур чуть приоткрыл левый глаз. Правый не раскрывался, заплыл.

Серая узкая комната с окном, забрынным решеткой, столик и табурет у окна... Где он?..

И вдруг все вспомнил. Не было засады, не было пращи, это всего лишь сон, непонятный, но привычный, идущий из глубин подсознания сон. Была гигантская драка на залитой ярким солнцем площади. Да, теперь он вспомнил все, что с ним случилось.

Были пять дней в Санта-Монике, наполненных работой в Океаниуме. Приятные утренние купания в теплом море, долгие разговоры с доктором Русто — не всегда приятные, но всегда интересные. Ему нравился живой и острый ум Русто, его ирония. Новая методика измерений океанских токов, изложенная Уром, заинтересовала доктора, хотя язвительных замечаний он высказал немало.

Да, пять прекрасных дней в Санта-Монике. А на шестой... Утром шестого дня библиотекарь Жан-Мари положил, как всегда, перед Уром пачку утренних газет. Он, Ур, развернул газету, лежавшую сверху. Бросилось в глаза крупное:

«ШПИОН ИЛИ ПРИШЕЛЕЦ?»

Ниже шло помельче:

«Таинственное «веретено», за которым охотились в марте американские космонавты, приводнилось близ Санта-Моники».

Ур быстро пробежал недлинный текст. Насколько он понял, автор репортажа, некий Анри. Пиноль, весьма бойко описывал ужас рыбака Доминика Леду, на голову которого опускалось с ночного неба летающее «веретено», и то, как человек, выпрыгнувший из «веретена» в море, пригвоздил рыбака к палубе леденящим душу взглядом, а сам поплыл к берегу и утром появился у входа в Океанариум, и как доктор Русто, известный своим капризным характером и пренебрежением ко всему, что не относится к акулам и барракудам, пригласил пришельца (или шпиона?) к себе в Океанариум. Было тут и несколько фотоснимков: Ур крупным планом, доктор Русто разговаривает с Уром...

Он отбросил газету. Вспомнился ему рыжебородый парень с фотоаппаратом — да, этот парень крутился у входа в музей в то утро, он-то, должно быть, и есть автор дурацкой заметки.

Тут в библиотеку ворвался Русто:

— Вы здесь, Ур? Вы читали сегодняшнюю одеронскую газету? Ну и что вы намерены предпринять?

— Не знаю, — пожал плечами Ур. — А что, собственно, делают в таких случаях?

— Бьют морду бесстыжим бумагомаракам, подают в суд, мало ли что, но вам ничего этого делать не надо. Только что мне звонили из полиции. Комиссар Бурже жаждет познакомиться с вами. Я уже заявил ему, что вы ученый, а не шпион. — Тут Русто вскинул на Ура пытливый взгляд. — Но, может быть, вы пришелец, сударь?

— Я земной человек, — угрюмо ответил Ур.

— Очаровательно! Итак, вы тотчас отправитесь в комиссариат и официально заявите Бурже, что вы не красный агент и не обитатель Альдебарана. Суньте ему под толстый нос документы или что там у вас вместо них. И мигом обратно. Поняли? Улица Фрежюс, четырнадцать. Или шестнадцать? Ну, найдете. Имейте в виду, что я поручился за вас.

Было жарко, когда Ур вышел из Океанариума. Идти в комиссариат ему было ни к чему. Жаль было расставаться с Океанариумом, с милым доктором Русто, с прекрасными картами морей. Но что поделаешь...

Он выпил в маленьком кафе оранжаду — очень нравился Уру этот напиток — и пошел по улицам городка, мимо ярких витрин и рекламных щитов, мимо нарядных вилл и отелей. Он долго шел по дороге, обсаженной тенистыми деревьями — шел куда глаза глядят. Давно осталась позади Санта-Моника. По обе стороны дороги простирались квадраты полей, винопрадники, тут и там перерезанные каналами.

Потом начались предметы Одерона — название этого города Ур прочел на придорожном щите.

Здесь высались светлые современные здания. Возле корпуса, близкого к дороге, густила толпа — пестрая, шумная, растекающаяся. Над толпой колыхались какие-то плакаты.

Ур остановился, раздумывая, не повернуть ли назад. Да и вообще следовало сбраться с мыслями и решить, что делать дальше. Вот только хорошо бы зайти в какой-нибудь бар и напиться оранжаду.

Пока он стоял в раздумье, там, впереди, что-то произошло. Хлопнули два или три выстрела, резко усилился гул толпы, и вдруг толпа потекла в его, Ура, сторону. Вмиг он оказался зажатым. Попытался выбраться, поскользнулся на банановой корке, упал, а когда поднялся — увидел, что очутился, так сказать, на переднем крае.

От белых стен корпуса синей изломанной цепью шли вооруженные люди — не то полиция, не то национальная гвардия. Из толпы молодежи в них летели камни, гнилые помидоры. Прикрываясь щитами, полиция наступала, и перетянутый ремнем офицер беспрерывно кричал в мегафон — требовал разойтись.

Толпа, однако, не расходилась, она как бы колыхалась из стороны в сторону, а град камней усилился, и, подхваченное тысячами голосов, отчетливо звучало одно слово: «Баррикада!»

И тут хлынули густо гвардейцы, полицейские. Пошло врукопашную. Длинные дубинки обрушились на бунтующих студентов. Ур, работая локтями, стал выдираться из толпы, но тяжелый удар по затылку заставил его остановиться. Обернувшись, он увидел красное потное лицо с прищуренными свирепыми глазками, руку с дубинкой, занесенной для нового удара. Ага, вот он, человек из засады... Прежде чем дубинка опустилась, сильный удар в челюсть сбил ее владельца с ног. Сразу на Ура набросились двое, их дубинки обрушились на него, и он завопил от боли и ярости. Что-то темное как бы поднялось в нем, застя голубой свет дня. Дикой кошкой он метнулся к одному из полицейских, ударил головой в грудь и выхватил у него, падающего навзничь, дубинку из руки. Тут же Ур упал на колени от нового удара по голове, но вскочил и, страшный, озверевший, пошел на преследователей. Бил наотмашь, направо и налево. На него накинулись сзади — он вывернулся, оставив ключья своей рубашки в руках нападавших. Удар еще и еще по голове... Удар в глаз... У него, обессиленного, вырвали дубинку. Еще град ударов. Больше он ничего не видел и не слышал.

И сейчас, очнувшись, Ур понял, что лежит в камере одеронской тюрьмы. И едва не застонал — на этот раз не от боли, а от сознания чего-то непоправимого, ужасного. К этому привешивалось и нечто другое — смутное ощущение какого-то неблагополучия. Что это? Откуда оно шло? Усталый мозг как бы отказывался анализировать новое ощущение. Ур погрузился в тяжелую дремоту.

Наверное, он проспал часа четыре. Его разбудил врач, маленький добродушный человек. Он сделал Уру обезболивающий

укол, быстро и умело обработал кровоподтеки на теле и за-
плывший глаз. Потом надзиратель принес обед.

Позднее в камеру вошел человек в песочного цвета костюме. Лицо у него было неприметное, взгляд глубоко посаженных глаз цепкий, колючий. Он кивком устал надзирателя за дверь, сел за стол и сказал, выкладывая перед собой большой блокнот и шариковую ручку:

— Я комиссар Прувэ. Вы должны отвечать на мои вопросы. Честные ответы смягчат ваше положение. Вы меня поняли? Итак, мсье, ваше имя и фамилия?

— Ур. Это и то и другое.

— Значит, фамилии нет? Допустим. Документы? Тоже нет? Допустим. Откуда и с какой целью вы приехали во Францию?

— А почему, собственно, я должен отвечать на ваши вопросы?

— Потому что вы арестованы за участие в студенческих беспорядках.

— Я попал в эту драку случайно.

— Это я и намерен выяснить — как вы сюда попали.

Он стал задавать вопрос за вопросом, но Ур молчал.

Комиссар Прувэ захлопнул блокнот, неторопливо сунул во внутренний карман ручку.

— Мсье Ур, — сказал он, закурив. — Вам я не предлагаю сигареты, потому что знаю, что вы не курите. Нам вообще известно о вас больше, чем вы думаете. Согласитесь, что к человеку, путешествующему без паспорта, без виз, без гражданства, проявляется повышенное внимание. В наш беспокойный век, мсье, от журналистов, как и от людей моей профессии, ничто не может укрыться. Итак, мы знаем, что вы и в Россию прибыли таким же странным способом, как во Францию. Вы работали в одном из прикаспийских городов в институте, занимающемся проблемами моря. Вы затем нанялись в цирк и выступали в одном из черноморских городов с опытами телекинеза. Вы прилетели в Санта-Монику и устроились работать за пансион в Океанариуме у доктора Русто, который высоко оценил ваши знания в океанологии, но по свойственной ему безалаберности не проявил интереса к вашему происхождению. Вы влипли в студенческие беспорядки и ввязались в драку, и вам основательно перепало, о чем, поверьте, мы сожалеем. Драка есть драка, мсье, и остается только благодарить провидение за то, что ваш глаз уцелел. Как видите, мы знаем многое.

— Если вы так много знаете, то зачем допрашиваете?

— Мы бы хотели узнать самое главное: кто вы такой, мсье Ур? Каковы ваши истинные цели?

Ур молчал.

— Не стану скрывать от вас, — продолжал комиссар, глядя на него испытывающе. — Есть предположение, что вы, как бы сказать... житель другой планеты... пришелец из космоса... Это правда?

Ур угрюмо молчал.

— Вы не желаете отвечать? Жаль. Очень жаль, мсье. Вынужден заявить вам, что есть и другое предположение, которое лично мне кажется менее фантастическим: вы засланы с разведывательной целью. Итак? Я жду ответа.

— Ответа не будет.

Комиссар поднялся.

— Что ж, торопиться нам некуда, продолжим разговор в другой раз.

— Вы собираетесь держать меня здесь долго? — спросил Ур.

— Пока не выясним все, что нас интересует. До свидания.

Учитель, я опять вел себя неразумно. Я опять вмешался...

Я жестоко избит и сижу взаперти.

Я страдаю, Учитель.

Меня доводит до отчаяния мое двойственное положение. Я предпочел бы возвратиться. Или... или остаться здесь и жить в том самом городе у Каспийского моря, где мне так хорошо работалось, где я подружился с хорошими людьми...

Понимаю, это невозможно. Это отступничество. Да, да, понимаю. Это вырвалось в минуту слабости...

Но пойми и ты, Учитель: все, что я делаю с лучшими намерениями, почему-то оборачивается против меня же. Я сам не могу уследить, как оказываюсь втянутым в какие-то сложные события. Вся жизнь здесь соткана из внезапностей, и мне не помогают твои уроки — от внезапностей просто нет спасения.

Каждый раз приходится самому, не опираясь на общий разум, принимать решения. И часто они оказываются ошибочными.

Я начинаю бояться самого себя... Во мне будто бы дремлет кто-то другой, незнакомый мне, и когда он вдруг просыпается... так было во время этой ужасной драки... когда он просыпается, мне делается страшно...

Еще не отпустило его напряжение, еще он был как бы в полуслоне, как вдруг сквозь уходящие, расступающиеся полотна тумана увидел его — человека из засады. Вот он щурит свирепые рыжие глазки... сейчас натянет тетеву лука... Шагнул вперед...

— А-а-а! — закричал Ур во всю мочь, забиввшись в угол и беспамятно шаря рукой по смятому одеялу в поисках пращи.

— Что с вами, Уриэль? — услышал он голос вошедшего. — Вы не узнаете меня?

Оцепенело смотрел Ур на его желтые глаза под черными треугольничками бровей. Сон уходил...

— Я Себастиан. — Человек в легком кремовом костюме подступил улыбаясь. — Ваш знакомый Гуго Себастиан из Базеля. Теперь узнали?

Ур отлепился мокрой спиной от стены, опустился на койку.

— Как вы меня напугали, Уриэль, — продолжал тот, участвительно глядя на Ура желтыми своими глазами. — Боже, что они с вами сделали! Я вам искренне сочувствую, бедный мой друг...

— Откуда вы взялись? — чуть слышно спросил Ур, вытирая уголком простыни мокрый лоб.

— Это так просто, — улыбнулся Себастиан. — Я узнал из газет, что вы попали в беду, и помчался в Одерон. Помогать друг другу — разве не в этом состоит истинно человеческое назначение?

Услышав знакомый проповеднический тон, Ур окончательно успокоился. Только голова очень болела. Этот окаянный электрический свет, не гаснущий ни днем, ни ночью...

Себастиан сел на стул. Его загорелое красивое лицо выражало печаль и сочувствие.

— Если не трудно, налейте мне стакан воды, — сказал Ур.

— О, конечно! — Себастиан схватил со стола графин. Покачивая головой, он смотрел, как Ур осушил два стакана кряду. — Когда я прочел о вас в газетах, — продолжал он, — я сразу понял, что должен ехать вам на помощь. Я здесь третий день. К счастью, Прувэ оказался столь же покладистым, сколь и влиятельным человеком, он и устроил мне это свидание. Я рассказал о своем знакомстве с вами, и можете мне поверить, что изобразил вас в наилучшем свете. Более того: думаю, что мне удалось склонить Прувэ пренебречь газетной шумихой, склонить к милосердию к вам. — Себастиан придвинулся на стуле ближе к койке Ура. Наклонясь вперед, сказал, понизив голос: — Я очень хотел бы, чтобы вы поверили в мое искреннее расположение к вам.

— Верю, — сказал Ур.

Этот швейцарец был ему симпатичен.

— Вот и прекрасно! — Себастиан придвинулся еще ближе. — Уриэль, вы помните наш разговор там, на черноморском пляже?

— Помню. Что-то такое о втором пришествии...

— Если можно, говорите потише — не нужно, чтобы нас услышали. Да, о втором пришествии... Цивилизация, создававшаяся тысячелетиями, идет к гибели, Уриэль. То, что не смогли сделать чума и война, теперь быстро делает потребление. Слишком много соблазнов. Всепоглощающая жажда денег, успеха и наслаждений развратила мир. Душа забыта, торжествует тело...

— Я помню, Себастиан, вы говорили что-то в этом роде. Вы ждете спасителя, за которым пойдут миллионы, и все такое.

— Да, Уриэль, — торжественно сказал Себастиан, выпрямившись на стуле. — И мы дождались. Спаситель явился.

— Вот как? — без особого интереса спросил Ур. — И где же он?

— Он здесь. В этой жалкой камере, которая завтра раздвигается и вместит в себя весь мир.

Приподняв голову с подушки, Ур воззрился на швейцарца.

— Я понял это еще там, когда увидел впервые вас в цирке, — горячо шептал Себастиан. — Ни одному смертному не доступно то, что делали вы. Необычайность ваших способностей...

— Вы с ума сошли, Себастиан. Что за чушь вы несете?

— Я понимаю ваше нежелание до поры открыто о себе заявить. Печальный опыт прошлого заставляет быть осторожным. О, как убедить вас, что мне вы можете смело довериться? Я ваш друг, ваш верный последователь до конца...

Себастиан вдруг сполз со стула. Стоя на коленях, молитвенно воздев руки, он смотрел своими желтыми глазами на Ура — глазами преданной собаки.

— Прекратите! — Ур сел на койке, больно колынуло в ребрах. — Сейчас же встаньте, ну!

Себастиан легко поднялся, отряхнул колени.

— Простите мой невольный порыв, Уриэль...

— Что все это значит? Вы что же — всерьез считаете меня Иисусом Христом?

— Дело не в имени. — Себастиан опять сел на стул, лицо у него было строгим, печальным. — Я говорил уже вам, если помните, что неоадвентизм не имеет ничего общего со средневековой холастикой. Мы понимаем, что высший разум, управляющий мирозданием, не нуждается в мифах. Но — массы, Уриэль! Для масс чрезвычайно важна традиция, имя для них имеет первостепенное значение. Второе пришествие Христа всколыхнет планету. Вы возглавите движение, равного которому не знала история человечества, — могучее очистительное движение, которое сметет всяческую скверну и утвердит в качестве единственного и непреложного закона христианскую мораль. Изменится само лицо мира. Завидная, великая миссия!

— Как вы представляете себе это движение? — спросил Ур. — Крестовый поход на танках? Заповеди Христовы, начертанные на корпусах бомб?

— Понимаю, Уриэль... вы меня испытываете... — Себастиан встал, смиренно наклонив седоватую голову. — Но поскольку вопрос задан... Разумеется, движение не осквернит себя насилием. Единственным оружием нашим будет ваше имя, ваше слово, ваши страдания... Я предвижу, как эта одеронская камера станет местом паломничества... Господствующие церкви склонятся перед вами! Исчезнут злоучения, уступив место единственному правильному — учению неоадвентистов, и сам папа будет вынужден уступить святой престол достойному... И над всем этим, над царством божиим на Земле, будет ваше имя, Уриэль!

Ур засмеялся. Страшновато, гулко прозвучал в тюремной камере его отрывистый смех.

— Я готов выдержать любое испытание, Уриэль. Вы вольны сами назначить день и час, когда пожелаете объявиться. Но осмелись напомнить: нет смысла тянуть. Все-таки сейчас не библейские времена, ни к чему затяжное мученичество... Вас продержат тут долго. Прувэ, насколько я знаю, не намерен торопиться. Прошу вас подумать. Одно ваше слово — и я начну действовать, и в тот же день вы на свободе.

— Уходите, Себастиан.

— Ухожу. Еще раз прошу все обдумать. Доверьтесь мне, Уриэль. Завтра, если разрешите, я приду снова.

Он подошел к двери и постучал. Дверь отворилась. Себастиан с поклоном вышел.

Некоторое время Ур сидел неподвижно. Болела голова, хотелось пить. И опять возникло неясное ощущение беды, случившейся не с ним, но с близким человеком. Уж не с матерью ли произошло что-то?..

Пока не поздно, надо уходить.

На очередной вечерний допрос комиссар Прувэ вызвал Ура к себе в кабинет.

— Должен вас проинформировать, мсье, — начал он, — что все студенты, за исключением нескольких зачинщиков, выпущены. У нас не было бы особых оснований задерживать вас доль-

ше, чем студентов, если бы не необходимость выяснить вашу личность. Между тем интерес к вашей личности большой. Газеты — ладно, им бы только пошуметь. Но вот обрываст у меня телефон доктор Русто. Завтра приедут из Парижа ученые, целая группа, они жаждут познакомиться с вами. И потом этот Себастиан... — Прувэ хитро прищурился. — Понимаю, как было приятно вам встретить тут старого знакомого, не так ли?

Он вел допрос со вкусом. В кои-то веки в солнном Одероне, ничем, кроме стариинного кардинальского дворца и университета, не примечательном, произошло нечто из ряда вон выходящее. Это ничего, что парень упирается. Было бы даже жаль, если бы он сразу «раскололся». Кем бы он ни был — пришельцем или разведчиком, — он вытащит имя Прувэ из провинциальной безвестности...

— Итак, мсье, повторяю все те же вопросы: кто вы и откуда? С какой целью прибыли в Санта-Монику?

— Залишите, — сказал Ур, помолчав немного, и Прувэ с готовностью схватил ручку. — Пишите: я прибыл для того, чтобы попить оранжад.

— Изволите шутить? — Прувэ бросил ручку и откинулся на спинку кресла.

— Я не шучу. Если бы я захотел шутить, Прувэ, разговор у нас был бы совсем другой. Я хочу оранжад.

— Мало ли чего вы хотите... — Комиссар посмотрел на Ура, и ему стало не по себе. Жесткий взгляд, каменное лицо... Прувэ хлебнул из стакана неразбавленного виски. — Содовой наливать вам? — спросил он.

— Нет. Только оранжаду. Немедленно.

— С ума вы сошли? Где я вам возьму оранжад? Здесь не бар...

— Так вы отказываете мне?

Еще жестче стал взгляд Ура. Прувэ вытер лоб платком и растерянно, одной щекой, улыбнулся. Внутри у него что-то мелко тряслось.

— Я... не отказываю вам, мсье... Просто хочу сказать...

— Ну, тогда поехали. — Ур поднялся.

— Куда? — еле слышно спросил Прувэ.

— Пить оранжад. Где ваш автомобиль?

Они вышли из кабинета, и пожилой надзиратель, стоявший у двери, проводил их недоуменным взглядом. Прошли мимо раскрытой двери дежурной комнаты. Во дворе они сели в серый «ситроен», и Прувэ подкатил к воротам. Тут было ярко освещено, и полицейский, отдав честь комиссару, наклонился посмотреть на человека в майке, сидящего на заднем сиденье.

— Отпирай поскорее! — крикнул Прувэ. — Мы едем пить оранжад.

— Слушаюсь, — пробормотал сбитый с толку полицейский.

Машина выехала на улицу с освещенными витринами и редкими прохожими. Было около девяти вечера.

— В Санта-Монику, — сказал Ур. — Там самый лучший оранжад.

— Самый лучший оранжад, — понимающе кивнул Прувэ.

Спустя час, когда замелькали среди темных садов фонари Санта-Моники, Ур велел остановиться.

— Я пойду поищу, где тут есть оранжад, — сказал он, выйдя из машины. — А вы поезжайте в Аннеси, поищите там. Поняли?

— В Аннеси... — кивнул Прувэ и принялся разворачивать машину.

Ур быстро зашагал прочь. Он ориентировался по силуэту горы, похожей на собачью голову, — эту гору он заприметил еще с моря, когда подплывал к Санта-Монике. На темном безлюдном пляже у подножия горы он, не останавливаясь, вошел в холодную воду и поплыл — поплыл навстречу спускающемуся, скопо освещенному луной веретенообразному телу своей летающей лодки.

Глава десятая

ВОЗВРАЩЕНИЕ УРА

Было бы разумнее дождаться рассвета и только потом пуститься в дорогу. Но нетерпение гнало Ура вперед. Он быстро шел, почти бежал по темной степи, то и дело натыкаясь на камни, на жесткие кусты верблюжьей колючки.

Он приземлился точно в том же месте, где год назад впервые вышел из лодки на землю. Где-то поблизости должно быть нагромождение скал, и родник, и овечья тропа, ведущая к главной усадьбе колхоза имени Калинина.

Вот он, родник. Ур лег грудью на камень и долго, долго пил, подставив рот текучей воде. Потом зашагал по овечьей тропе к поселку.

Быстро светало.

Дом неприятно удивил Ура мертвой тишиной. Обычно мать на рассвете была уже на ногах, разводила огонь в очаге... Ур взлетел на веранду и увидел амбарный замок, наглухо замкнувший дверь. Возле двери сиротливо чернели старые сандалии Шама.

Внезапная слабость в ногах заставила Ура сесть на ступеньку Туло смотрел он на закопченный очаг во дворе, на связки оранжевого лука, свисающие с балки веранды.

Послышался собачий лай, блеяние овец. Облачко пыли поднялось над соседними садами. Ур поднялся и медленно пошел в ту сторону.

Слитной желтовато-кудрявой массой текла отара.

— Чо! Чо-о! — покрикивали пастухи.

Один из них подошел, протянул Уру коричневую жилистую руку.

— Приехал, молодой? — сказал он, раздвигая в улыбке черные усы. — Мамичка тебя ждал, очень сильно плакал...

— Курбанали! — узнал Ур приятеля Шама. — Что случилось, где мои родители?

Пастух печально покивал головой, увенчанной мохнатой пахой.

— Папичка совсем заболел. Здесь болел. — Он хлопнул себя по заду. — Вчера... нет... перед вчера райцентр ехал.

Он добавил что-то по-азербайджански, чего Ур не понял.

Но главное было понятно: отца увезли в районную больницу, и мать уехала с ним. Ур спросил, как выйти на дорогу, ведущую в райцентр, попрощался с Курбанали и пошел было, но тот окликнул его:

— Молодой! Большой радость случился. Наш заведыши ферма Даи-заде, помнишь? Суд пошел! Клянусь тобой! — Курбанали хлопнул себя по коленке и захохотал. — Кто барашка кушал, ему на лоб буква писал...

И он принялся рассказывать, как уличили бывшего завфермой в воровстве.

— Ясно, ясно, Курбанали, — нетерпеливо сказал Ур. — Я рад за вас.

Он вышел на бетонку. Спустя часа полтора его нагнал попутный грузовик, а еще минут через сорок машина въехала в райцентр — одноэтажный городок, утонувший в садах.

Районная больница помещалась в нескольких белых домиках в глубине просторного двора. В один из этих домиков — в хирургическое отделение — и направили Ура из приемного покоя, где он навел справки.

Здесь, в коридоре с белеными стенами, стоял старенький диван, и на диване сидела, сгорбившись, женщина в накинутом на плечи белом халате и выцветшем красном платке на голове. Она уставилась на вошедшего Ура, потом, вскрикнув, бросилась ему на шею. Она плакала навзрыд, подывая и бормоча неразборчивое. Ур гладил ее по голове. В горле у него стоял комок, он не мог произнести ни слова. Каа потащила его к одной из белых дверей, распахнула ее. В маленькой палате лежали четверо, и Ур не сразу узнал среди них отца.

Шам лежал на животе, повернув голову набок. Глаза его были закрыты, лицо — влажное, морковно-красное, из черной путаницы бороды и усов вырывалось хриплое дыхание. Над ним стояла пожилая медсестра. Она набирала в шприц прозрачную жидкость из флакончика. Обернувшись на Ура и Каа, сестра сделала страшные глаза и велела немедленно закрыть дверь с той стороны.

Ур усадил мать на диван.

— Перестань плакать. Перестань и расскажи, что случилось. Всхлипывая и вытирая глаза уголком платка, мать заговорила на своем языке, то и дело вставляя азербайджанские слова и часто повторяя слово «ремонт»:

— Еще весной на речке плотину прорвало. Джанавар-чай называется речка. Ремонт надо. Председатель требовал, звонил телефон. Не знаю, кто ремонт тянул. Недавно захотели ремонт сами делать. Все мужчины пошли. Много работали. Твой отец сильный мужчина, много работал, ремонт делал. Один день очень долго в воде работал...

Тут Каа опять заплакала. Из ее сбивчивых слов узнал еще Ур, что после той длительной работы по пояс в воде Шам замнемог. Подскочила от сильной простуды температура, да еще образовался на правой ягодице огромный нарыв. Она, Каа, сначала прикладывала к нарыву капустный лист, но он не помог. Колхозный фельдшер сделал Шаму укол и отвез сюда в больницу. Только отцу лучше не становится, и она, Каа, очень боится, что он умрет.

Мать посмотрела на Ура и засияла еще пуще:

— Где ты был, сыночек, почему к нам не приходил? — И, тронув пальцем черное пятно вокруг глаза: — Тебя били? Тебя злые люди обижали, камни бросали? А-а-а... А-а-а-а... Сыночек далеко был, я не могла для сыночка сделать, чтоб ему не было больно... Это боги хозяина воды — они наслали беду... Прогневали мы их... А-а-а... Доктор говорил — апераца надо делать. Варели тоже говорил — апераца. Что это такое?

— Это... ну, разрезать надо нарыв... Ты сказала — Валерий? Он что, был здесь?

— Здесь, здесь, — закивала Каа. — Пошел телефон звонить. Валерия Ур нашел в кабинете заведующего отделением. Он сидел за столом, застеленным простыней, и кричал в телефонную трубку: «Два-три-один! Вы слышите? Дайте два-три-один!»

— Кому ты звонишь? — спросил Ур.

Валерий поднял на него взгляд. Выгоревшие брови взлетели на лоб. Не отнимая трубки от уха, Валерий вскочил, и ему пришлось подхватить телефонный аппарат, вздернутый шнуром.

— Приехал?! — заорал он. — Где ты был? Нет, я не вам! — прокричал он в трубку. — Так дадите два-три-один, наконец? Да, да, жду... Ур, где ты был? Что у тебя с глазом?

— Потом расскажу. Кому ты звонишь?

— Да понимаешь, я узнал, что твой отец заболел, — зачалил Валерий. — Приехал навестить вчера, дом заперт, ну, я — в правление, оттуда на попутной сюда... Слушай, у отца температура за сорок, сильнейший воспалительный процесс, пенициллин не помогает. Здешний хирург в отпуску, а тот, кто его заменяет... Да, да! — закричал он в трубку. — Давайте!.. Лев Семенович? Горбачевский говорит... Слыши, слышу!.. Есть разрешение? Ну, прекрасно, значит, я его привезу прямо в республиканскую. Лев Семенович, еще одно: Ур появился... Да, представьте себе... Еще не знаю, он только что вошел... — Валерий прикрыл трубку ладонью и сказал Уру: — Это профессор Рыбаков.

Ур протянул руку к трубке, из которой неслись далекие «алло».

— Профессор Рыбаков? — сказал Ур. — У меня к вам только один вопрос: разрешат ли мне пребывание в стране после того, как я... Не от вас? А от кого?.. Ну, хорошо, я буду ждать... Нет, пока никуда не собираюсь... Буду, наверно, у Валерия, если он не возражает...

— Не возражаю, не возражаю, — вставил Валерий.

В городе, в республиканской клинической больнице Шаму перед операцией сделали рентгеновский снимок ягодицы или — лучше уж по-латыни — «глютеус максима». Карбункул оказался глубоким, многокорневым, но еще глубже снимок показал некое инородное тело. Не оно ли и вызвало воспалительный процесс?

Операция была не из сложных. Хирург быстро вскрыл карбункул, а потом повел разрез глубже и извлек из плотных мышц «глютеус максима» то самое инородное тело. Было похоже, что оно сидело в живом теле давно.

Извлеченный предмет был отдан на анализ. И вот что он показал:

«Инородное тело имеет цвет почти черный, форму — близкую к конической, с неопределенной выраженной граненостью. Удельный вес — 2,512, твердость по шкале Мооса — 7,0, каковая высокая твердость, совокупно с остроконечной формой, способствовала глубокому внедрению в мышечные ткани. Химический анализ: преобладание SiO_2 , т. е. кремнезема...»

Короче говоря, то был кремень. Затем кусок кремня попал в руки археологов. И они установили, что это не что иное, как наконечник стрелы из группы оффицированных орудий класса микролитов, и что изделия такого рода производились в позднем неолите, то есть в эпоху полированного камня.

А так как нашу эпоху полированной мебели отделяют от эпохи полированного камня многие века, возник естественный вопрос: каким образом в Шамовой «глютеус» оказался неолитический наконечник стрелы?

Повторное лабораторное исследование выявило крупинки древесного угля, приставшие к кремневому наконечнику. Вероятно, деревянный стержень стрелы был для прочности обожжен огнем. Как бы то ни было, в руках специалистов оказался древесный уголь. И теперь можно было радиокарбонным способом определить его возраст, так как со временем радиоактивность угля равномерно убывает.

И анализ угля, сопоставленный с анализом элементов, входящих в состав кремня, показал, что наконечник стрелы, как и сопровождающие его частицы древесного угля, имеет возраст не менее шестидесяти веков.

— Рад вас видеть, — сказал профессор Рыбаков, выходя из-за стола навстречу Уру. — Садитесь. Вы очень изменились со времени нашей последней встречи. Сколько — уже, кажется, год прошел?

— Да, год.

Ур чувствовал себя неловко под внимательным взглядом Рыбакова. Он повернул голову так, чтобы профессору не был виден глаз, обведенный чернотой.

— Не стану вас расспрашивать о заграничном вояже, Ур. Его достаточно широко освещала зарубежная пресса, и вам вряд ли будет приятно вспоминать...

— Отчего же, — пожал плечами Ур. — Были там и приятные встречи. Например, я рад, что познакомился с доктором Русто.

— Само собой, само собой, он достойный человек... Вот что, Ур. За минувший год многое переменилось. Вы, по-видимому, вполне адаптировались, и, хотя те или иные ваши поступки не совсем объяснимы с точки зрения логики, нынешняя ваша коммуникабельность неизмеримо выше первоначальной...

— Все ясно, профессор. Простите, что перебиваю. Вы хотите знать, кто я такой, откуда прилетел и каковы мои намерения.

— Совершенно верно.

— Понимаю, что должен многое объяснить. Я сделаю это,

но, если разрешите, не сейчас. Наверное, скоро я уеду... улечу... И вот перед отъездом расскажу вам кое-что о себе.

— Вы опять собираетесь перелететь за границу?

— Нет. Улечу насовсем.

— Это значит — покинете Землю?

— Обещаю перед отъездом ответить и на этот вопрос.

Помолчали. Завывал за окном норд. Рыбаков покрутил головой, расслабляя на шее узел черного галстука. Перед ним сидел вполне земной человек — с печальным выражением лица, с подбитым в драке глазом, — но он хранил в себе тайну, не доступную никому.

— Очень жаль. — Рыбаков почесал мизинцем бровь. — Очень жаль, что вы упорно избегаете откровенного разговора. Но ответьте, по крайней мере, на загадку, которую нам задал ваш отец. Когда и при каких обстоятельствах он был ранен стрелой?

— Это произошло примерно за год до моего рождения. Со слов отца и матери я знаю только то, что на стадо овец напали какие-то плохие люди, отец оказал им сопротивление и был ранен в схватке. Где это было, я не знаю, потому что у родителей... у них довольно смутное представление о географии.

— Вам сколько лет, Ур, двадцать пять?

— Двадцать шесть. Я точно высчитал.

— Значит, отец был ранен стрелой двадцать семь лет назад, верно? Такой срок показывает и патологоанатомическая экспертиза, судя по инкапсуляции¹ наконечника стрелы. Но тут-то и кроется загадка. Дело в том, что возраст наконечника, извлеченного из ягодицы вашего отца, определяется в шесть тысяч лет.

— Шесть тысяч лет? — переспросил Ур. — Вы уверены, что это так? Каким образом вы определили?

— Радиокарбонным методом.

Рыбаков подождал немного, думая, что Ур как-то попытается объяснить парадокс, но тот молчал. Было похоже, что Ур не очень удивлен. Скорее он выглядел озабоченным, удрученным.

— Что ж, — поднялся Рыбаков, — ничего не остается, как ожидать обещанных предотъездных объяснений. Когда вы, собственно, собираетесь улетать?

— Пока не знаю.

— Чем намерены заняться до отъезда?

— Может быть, когда отец выйдет из больницы, я поеду в колхоз, — сказал Ур, тоже поднимаясь. — Поживу немного у родителей.

В субботу Шама выписали из больницы, и Валерий с Уром привезли его на такси домой, на улицу Тружеников моря. Было решено отметить это событие семейным шашлыком. Мясо нарезал на куски сам Шам. Тетя Соня гнала его из кухни, прошила лечь отдохнуть, но доверить женщинам резание бааранины Шам, конечно, не мог. Лишь покончив с этим делом, он погладил тетю Соню по плечу и покинул кухню. Женщины при-

¹ Обрастанье тканью.

нялись резать лук, толочь сумах, заливать мясо уксусом. При этом Кая говорила без умолку — хвалила Шама и жаловалась на сына за то, что он никак не женится.

Валерий тем временем отодрал на чердаке от старых ящиков несколько досок, нарубил их на дрова и снес во двор, где возле арки лежали два параллельных ряда закоптелых камней, — уже добрых сто лет это место служило всему двору шашлычным мангалом.

Потом Валерий поднялся к себе на второй этаж. Здесь на открытой площадке стоял Шам, он с интересом наблюдал за футбольной схваткой во дворе. В наиболее острые моменты игры Шам очень возбуждался: выкрикивал что-то и размахивал руками, подбадривая или осуждая игроков. Мальчишки поглядывали на бородатого болельщика, посмеивались.

А еще на Шама подслеповато и косенько посматривал пенсионер-фармацевт Фарбер из раскрытоого окна своей галереи.

Валерий кивнул Фарберу и прошел в свою комнату. Здесь лежал на своем диване и читал газету Ур — в любимых плавках, босой, совсем как год тому назад, когда он только поселился у Валерия. И можно было подумать, что ничего не переменилось за тот год, если б не сбритая борода и подбитый глаз...

Закурив, Валерий повалился в кресло.

— В понедельник Вера Федоровна прилетит из Москвы, — сказал он, постукивая пальцами по подлокотникам.

— Это хорошо, — ответил Ур и, перевернув страницу «Известий», углубился в судебный очерк.

— Что с тобой стряслось, Ур? Будто подменили. Тебе даже неинтересно, зачем она летала в Москву.

— Зачем? — коротко взглянул на него Ур.

— Пробивать тему океанских течений.

— Я так и подумал, потому и сказал, что это хорошо.

— А ты вернешься в институт, если снова разрешат океансскую тему?

— Нет. Я же говорил, что поживу немного у родителей в колхозе.

— А потом?

— Видно будет.

— Странный ты все-таки... Сам заварил кашу с океанскими течениями, сидел за расчетами — и все побоку? Ну ладно, когда тему прикрыли, ты сбежал, думал, что все из-за тебя, — это понять можно, хотя и с натяжкой. Но теперь-то! Обстановка меняется. Пиреев, говорят, уже не зампред по науке. Океансскую тему Вера Федоровна пробует наверняка. Никаких помех! А ты — к родителям в колхоз... Мне, если хочешь знать, проходу в институте не стало, все так и хватают за фалды: где Ур, почему на работу не выходит... Утром войдешь в отдел — Нонка вот такими глазищами глядит. — Валерий сомкнул пальцы обеих рук, показав большую окружность. — Задает, так сказать, безмолвный вопрос.

Ур отбросил газету, рывком поднялся с дивана, подошел к окну.

— Страдает человек, — продолжал наседать Валерий. — А тебе наплевать. К баранам, видите ли, потянуло! Кстати... Ты

слыхал про эту историю с надписями на лбу? Дескать, баран украден в колхозе имени Калинина. Сам Пиреев сподобился...

Ур стоял неподвижно спиной к нему. Валерий вдруг подумал: уж не приступ ли у него начинается?

— Ур! — крикнул он.

— Ну что тебе? — резко обернулся Ур, и лицо его исказила злая гримаса. — Чего ты душу выматываешь? Что вам всем нужно от меня?!

— Ладно, — сказал Валерий после долгой паузы. — Больше я не стану тебе досаждать разговорами. Живи как хочешь.

— Живи как хочешь, — повторил Ур. — Наверно, это невозможно. Так же, как невозможно уйти от людей... — Теперь он словно бы с самим собой разговаривал. — ...Все связывает людей друг с другом — производство, общие цели... Даже личные цели недостижимы без помощи других... Прочные взаимные связи, и в то же время — разъединенность, случайность... странная неупорядоченность приема и передачи информации...

Невольно Валерий затаил дыхание, чтобы не вспугнуть, не прервать монолог. Он приготовился услышать нечто очень важное, проливающее свет на всю эту историю с Уром.

Но тот умолк. Стоял, опустив голову и будто прислушиваясь к доносившимся со двора мальчишеским голосам.

— Однажды ты уже говорил что-то в этом роде, — сказал Валерий. — А что — в тех местах, откуда ты прилетел, поступление информации организовано иначе?

— Иначе, — эхом откликнулся Ур. — Конечно, иначе... если рассеянная информация сконцентрирована и мозг настраивается на направленный прием... А для чего еще существует разум?..

— Ну, ну, дальше, Ур? Что это значить — настроить мозг?

Ур поднял на него взгляд, далекий, отчужденный.

— Все равно, ты не поймешь...

С пылу, с жару шашлык был подан на стол и посредством куска хлеба снят с горячих шампуров на широкое блюдо. Ах, радостно это — ухватить горстью кусок мяса, обжигая пальцы, обмакнуть его в густой нар-шараб, в карминную горку молотого сумаха и задать хор-рошую работу зубам. И рвать руками пышный белый чурек. И запивать кисловатым сухим вином...

Пил вино, впрочем, один Валерий. Тетя Соня только слегка пригубила из бокала, а Ур наливал себе из сифона газировку с клубничным сиропом. Шам и Каа запивали шашлык сырой водой.

— А все-таки, дядя Шам, кто всадил в вас стрелу? — спросил Валерий по-азербайджански.

— Плохие люди! — сердито потряс руками Шам. — Дети змеи, чтоб им рот забило глиной! Они увели овец!

Он принялся возбужденно выкрикивать что-то на своем языке, и Каа тоже развелась, кричала о плохих людях и, насколько понял Валерий, о каких-то богах, которые не дали Шаму погибнуть. Ур, который ел мало и вяло, сказал им что-то непонятное для Валерия, и они успокоились.

Стемнело. Полная луна полила поток таинственного света в окна дома № 16 на улице Тружеников моря.

Шам кинул обглоданную косточку на тарелку, вытер руки полой рубахи и как-то бочком, оставаясь лицом к залитому лунным светом окну, подался к двери. В следующий миг он очутился на площадке дворовой лестницы и, воздев руки, испустил восклицание, явно обращенное к луне. Он повторял все громче и громче одну и ту же фразу, а пенсионер Фарбер, отрвавшись от древних цивилизаций, внимательно прислушивался к его выкрикам.

Шам сотворил свою молитву — или заклинание? — и отвернулся от луны, пошел к двери. И тут Фарбер несмело, мекая и экая, произнес фразу на каком-то языке, полном открытых гласных звуков. Шам посмотрел на него удивленно и ответил. Старый фармацевт понял и сказал еще что-то. Они заговорили!

Валерий, изгнанный на площадку за курение, не поверил своим ушам, когда застал их — Шама и Фарбера — беседующими на языке, которого не понимал никто, кроме пришельцев.

— На каком языке вы с ним разговариваете, Ной Соломонович? — спросил он, пораженный.

Старик смущенно улыбнулся, отчего его косенькие глаза совсем сбежались к переносице, и забубнил:

— Я еще днем к нему прислушивался, когда он кричал мальчикам. И мне не верилось, что я понимаю некоторые слова. А когда он прыгал... м-м... прыгал перед луной и произносил заклинание, я понял точно. Он говорил: «Как я не могу дотянуться до тебя, так пусть мои враги не дотянутся до меня, до моей женщины, до моего стада». И тогда я составил фразу и рискнул... м-м... рискнул пожелать ему, чтобы все это исполнилось.

Шам сказал ему что-то.

Фарбер со слабой улыбкой помотал головой и сказал Валерию:

— Он спрашивает, не знаю ли я какого-то человека по имени Издубар. А откуда я могу его знать, посудите сами, если я всю жизнь прожил здесь, а он — в Двуречье или не знаю, где еще...

— В Двуречье? — изумленно воскликнул Валерий. — Да на каком языке вы разговаривали?

— Разговаривали! — Фарбер выглядел польщенным. — Я немножко знаю классический диалект, но одно дело немножко знать, а другое — м-м-м... разговаривать... Он, насколько я понимаю, говорит на старом диалекте, который существовал до двадцати третьего века до нашей...

— Ной Соломонович! Да не томите, скажите наконец, на каком языке вы с ним говорили?!

— Я же говорю тебе, — развел тот сухонькими ручками. — На шумерском.

[Окончание в следующем выпуске]

УР, СЫН ШАМА

Научно-фантастический роман

Глава одиннадцатая

ЛЮДИ И БОГИ

Дождь перестал, медленные тучи сползли с солнца. Оно клонилось к закату, и люди и овцы отбросили тени далеко в сторону от караванной тропы. Долго тянулась с левой руки оливковая роща, потом пошли луга, пересеченные тут и там каналами с желтоватой водой. Трава была хорошая, густая, но пустить сюда стадо пастухи осторегались, потому что эти пастища принадлежали чужим родам, схватываться с которыми не было никакого расчета. Хозяин воды велел пригнать стадо в Город и выменять овец у тамошних богатых купцов на медь, серебро и ткани. Аданазир, старший сын Хозяина воды, не первый раз гонит караваны в Город и знает, как лучше совершить мену.

Уперев одну руку в бок, а второй поигрывая плеткой, едет Аданазир во главе каравана на крепком молодом осле. А Шамнилсин, как и другие пастухи, идет пешком. Первый раз идет он с караваном в Город. Вот почему надел новую полосатую юбку, очень хорошую. Может быть, в Городе ему удастся совершить мену: отец, искусный гончар, вылепил из глины шесть фигурок, хорошенко обжег, облил земляной смолой — красивые получились фигурки, может, удастся выменять их на браслет для Кааданнатум.

При мысли о жене Шамнилсин улыбнулся во весь рот. Две луны назад Хозяин воды дал эту девушку ему в жены. Она уже совсем взрослая, ей двенадцать лет и четыре года, она быстро нога и любит украшения, и у нее красивое имя — Кааданнатум. Она дочь Хозяина воды от рабыни. Шамнилсин получил ее, конечно, не задаром: он должен отработать Хозяину воды половину двенадцати и еще один год. Он должен заботиться о стаде Хозяина. Хоть и молод он, Шамнилсин, — еще трех лет недостает, чтобы было дважды по двенадцать, — а пастух он хороший. Он знает все овечьи повадки — и какой нрав у каждого барана, и какая им нужна трава. Потому, должно быть, и отличил его Хозяин воды, потому и дал ему в жены свою дочь от рабыни. И когда он, Шамнилсин, отслужит Хозяину положенный срок, может быть, Хозяин даст ему участок, орошающий водой и пригодный для ячменя или виноградника.

Окончание. Начало в предыдущем выпуске.

Другое тревожит Шамнилсина. Еще в первую ночь Кааданнатум, жена, поведала ему, что Шудурги, младший сын Хозяина воды, требовал, чтобы тот отдал Кааданнатум в жены ему, Шудурги. А у самого уже есть три жены.

Стемнело, когда караван, обойдя пахучее болото, вышел к тростниковым зарослям, к берегу Реки. Стадо устремилось на водопой. Аданазир выбрал место для ночлега, приказал поставить себе шатер из черной козьей шерсти. Пастухи разожгли костер, сняли с ослов выюки с дорожными припасами.

Спали, прижавшись друг к другу, овцы. А люди, накормив собак, сидели вокруг огня, ели жареное мясо, лепешки и сыр, запивали водой из кожаных бурдюков. Говорили пастухи о Городе, о тамошних базарах, о том, что рано в этом году начались дожди и Река сильно вздулась, о кочевниках с севера, которые все чаще проникают в долину и нападают на людей и стада.

Потом разделили стражи, и те, кому выпало спать, тут же улеглись на траве, завернувшись в плащи. Аданазир удалился к себе в шатер. А Шамнилсину выпало сторожить до середины ночи. Он сидел, сонно моргая, подкидывал в огонь тростнику, таращил глаза в окружающую темень. Луна была красная, к дождю, и верно, заморосил мелкий дождь, а луна уплыла в тучи. Слипались глаза у Шамнилсина, падала на грудь голова. Чудилось сквозь дремоту, будто на берег, в том его месте, где отступили заросли, тихо опускается Зу — бог тьмы и бурь, покровитель разбойных людей. Шамнилсин встрепенулся, вытаращил глаза. Что-то слабо светилось в той стороне. Да нет, это река отсвечивает...

Дождь припустил и перестал. Выплыла из-за туч луна. И уже недолго оставалось ждать до середины ночи, когда можно будет разбудить новую стражу, как вдруг из тростниковых зарослей донесся шум.

Шамнилсин проворно вскочил, прислушался. Тихо... Вот опять! Будто голос человечий раздался... Разом залаяли собаки...

— Вставайте, лю-юди! — заорал Шамнилсин не своим голосом.

Ругаясь спросонок, вскакивали пастухи, хватались за луки и пращи. А уже из прибрежных зарослей бежали к лагерю люди с копьями, с луками... кто полуголый, кто в белой разевающейся одежде... бородатые все, головы повязаны до бровей, кричат нехорошими голосами...

Ну, надо отбиваться. Шамнилсин размотал тонкие ремешки с лоскутом мягкой овечьей кожи, выхватил из мешка камень.

На Землю совершил посадку космический корабль; его обнаружил Валерий Горбачевский, младший научный сотрудник Института физики моря. Экипаж корабля состоит из трех человек: Ура и его родителей. По решению ученых, для установления Контакта Ура поселяют дома у Валерия...

О первых приключениях Ура на Земле рассказывается в предыдущих главах романа «Ур, сын Шама».

Приметил разбойника, бегущего с наставленным копьем прямо на него. Раскрутил над головой пращу, отпустил боевой конец. Коротко свистнул посланный камень...

Боги свидетели, он услышал, как стукнул камень о голову! Твердая у разбойника голова! Хрипло вскрикнул он, упал на бегу. Шамнилсина охватило боевое возбуждение.

Крики, свист стрел, собачий лай. Вон кого-то подняли на колья. Ах проклятые! Шамнилсин увернулся от удара копьем, метнул камень прямо в лицо разбойнику. Отбежал, вложил камень в пращу, опять метнул. Сколько их, разбойников! Все бегут и бегут из лесу. Вон погнались за кем-то, скачущим на осле. Ах, это Аданазир скакет, колотя босыми пятками по ослиным бокам.

Рядом упал пожилой пастух, схватился, бедняга, за стрелу, вонзившуюся в живот. Шамнилсин не давал разбойникам приблизиться к себе. Медленно отступал, посылая из пращи камень за камнем. Вдруг удар сзади, резкая боль в бедре. Правая нога подвернулась, и он рухнул ничком на землю.

Надо вырвать стрелу. Тяжко протопали мимо ноги, а голоса будто стихали. Или удалялись? Набрав полную грудь воздуху, Шамнилсин рванул изо всех сил древко. О-о-о...

Наверно, от боли он умер и был мертв. А теперь опять живой. Было тихо вокруг, и с неба падал холодный дождь. Что-то было зажато у Шамнилсина в руке. Он подтянул руку к глазам и увидел зажатое в кулаке древко стрелы. А-а, стрела сломалась, когда он дернулся. Теперь уж не вытащить наконечник. Глубоко засел.

Опять он попытался подняться и не сумел. Он зажал рану ладонью, чувствуя, как с кровью уходит из тела сила. Кружилась голова.

Неужели всех пастухов перебили, неужели угнали стадо? Хозяин воды разгневается. Как бы не велел ему, Шамнилсину, отдать обратно жену...

Он застонал громко, протяжно. Он звал людей на помощь. Потом он потерял силы, чтобы кричать, и только шевелил губами, повторяя беззвучно: «Люди...» Но он уже был во власти богов. Сам бог смерти, неумолимый Аму, нагнулся над ним и посмотрел огромным глазом, и был он страшен, страшен...

Потом его закачало, и он подумал, что так и должно быть, потому что Аму переправляет его, мертвого, в потусторонний мир, где начнется совсем другая жизнь.

В своем новом доме, сложенном из глиняных необожженных кирпичей, на красном шерстяном ковре, на скамье, подпертой двумя каменными львами, сидел Хозяин воды. Был он угрюм и мрачен. Завитая борода и пучок волос на затылке почти не отличались цветом от серебряной тесьмы, переплетавшей его длинные пряди. Поверх ярко-зеленого плаща, скрепленного у плеча золотой заколкой, свисало множество ожерелий из разноцветных бусинок.

Все три сына стояли перед ним. У старшего, Аданазира, вид был нехороший: одежда изорвана, борода всклокочена, глаза

Рисунки Ю. МАКАРОВА

обведенены дорожной пылью. Мясистый, как у отца, нос виновато опущен.

Младший, Шудурги, скосил на братца насмешливый взгляд, как бы спрашивая: что, провинился, любимчик? Людей положил, овец упустил, а сам задал стрекача. Пусть, пусть посмотрит отец, в чьи руки готовится передать людей и стадо.

А средний, толстяк Куруннама, жалостливо вздыхал. Этому все равно, сколько угнано овец, сколько людей убито, лишь бы не переводился в кувшинах сброженный виноградный сок.

— Их было много, три раза против нас, — повторил Аданазир, опуская нос еще ниже. — Я и мои пастухи бились как львы.

— От того, как ты бьешься, скоро от стада ничего не останется.

— Позволь сказать, отец, — выступил вперед Шудурги. — Кочевники за половину ночи далеко не ушли. Дай мне стражу, и я догоню их и отобью овец.

Хозянин посмотрел на младшего. Чем, чем, а дерзостью боги его не обделили.

— Если они пошли на север, — продолжал Шудурги, — то им не миновать узкого места между большими болотами и Змеиным полем. Я подстерегу их там и убью всех до одного.

— Хорошо, — сказал Хозянин воды. — Возьми шестьдесят стражников и ослов и отправляйся поскорее.

Шудурги приложил правую руку к груди и шагнул к выходу. У порога обернулся.

— Что еще? — выбросил Хозянин руку ладонью вверх.

— Об одном прошу, отец. Этой ночью умер Шамнилсин, пастух. Отдай мне его жену Кааданнатум.

Над селением стоял долгий, долгий плач. Жены, сидя на корточках у дверей своих хижин, оплакивали пастухов, убитых этой ночью.

А громче всех плакала Кааданнатум. Она раскачивалась из стороны в сторону и протяжно стонала, и выла, и ранила ногтями свои тугие щеки.

— Лучше всех на свете ты, возлюбленный мой, — причитала она между взрывами плача. — Ноги твои были быстры... руки были крепки... грудь твоя была убежищем моим...

И люди, проходя мимо ее хижины по своим делам, горестно качали головами, сочувствуя Кааданнатум. Пришла мать Шамнилсина и села рядом, и тоже стонала, оплакивая сына.

Небо стало серого цвета, и опять полил дождь. Мокрые, со свалявшейся шерстью, жалобно блея, прошли мимо опустевшей хижины Кааданнатум овцы, отбитые Шудурги у кочевников, а сам Шудурги ехал во главе усталых стражников. Должно быть, он хорошо бился, и убил немало разбойников-кочевников, и отомстил за убитых ими пастухов. Многие люди приветствовали Шудурги, храброго воина, громкими криками. А он ехал на осле, у которого бока ходили от усталого дыхания, и смотрел только в одну сторону. На Кааданнатум. Но она, исцарапанная, с растрепанной, посыпанной пеплом головой, в изодранной одежде, ничего вокруг не видела.

Прошла ночь. Когда рассвело, в хижину Кааданнатум пришли два стражника и сказали:

— Идем. Хозяин воды зовет тебя.

Кааданнатум, лежавшая на циновке, не пошевелилась. Один из стражников нагнулся и дернул ее за руку, чтобы понять, живая ли она. Как дикая камышовая кошка, вскочила Кааданнатум, оставив царапины на руке стражника. Оба стражника кинулись ее ловить, она ловко изворачивалась, и царапины появились у них не только на руках, но и на лицах, и они обозлились до крайней меры. В конце концов они, конечно, поймали ее, потому что вдвоем были сильнее, и понесли к дому Хозяина воды.

Утирая кровь со лбов, щек и носов, стражники поставили Кааданнатум на ноги перед Хозяином воды. Тут же она усилась на плитах пола. Вид у нее был так ужасен, что Хозяин воды покачал головой.

— Послушай меня, — сказал он жалостливым голосом. — Шамнилсин бился с разбойниками и умер. Аму забрал его к себе. Знаю, тебе жалко его. Он был хороший пастух и хорошо понимал овец и баранов. Мне тоже его жалко. Но теперь он в другой жизни. А тебе надо жить здесь. Ты будешь женой Шудурги, моего младшего сына. Так я решил.

Кааданнатум снизу вверх посмотрела на него безумными глазами.

— Укрепи себя едой и питьем. — Хозяин воды указал плеткой на циновку, где лежало на виноградных листьях жареное мясо и стоял кувшин с молоком. — Умойся водой и выстирай одежду. Вечером Шудурги возьмет тебя в свой дом...

Больше он ничего не успел сказать: так быстро вскочила она на ноги, с такой ловкостью скользнула между стражниками к выходу. Те погнались было за Кааданнатум, но Хозяин воды громким криком вернул их назад. Не надо до вечера ее трогать. Пусть утихнет горе женщины.

А она прибежала к хижине отца Шамнилсина, которая стояла на краю селения, возле густого кустарника, что рос вдоль берега большого канала. Тут было много хорошей глины, и отец Шамнилсина, искусник, лепил тут кувшины, и делал на них узоры, и обжигал их в очаге. Тоже из обожженной глины делал он серпы для жатвы ячменя. Еще он умел плавить и ковать медь и делать из нее браслеты и украшения для Хозяина воды и его жен. Но самое большое умение отца Шамнилсина, за что особенно был он любезен Хозяину, состояло в тайном мастерстве.

И как раз этим он сейчас и занимался. Худой и сутулый, в старой кожаной шапке и длинной закопченной юбке, он поставил на землю в два ряда множество горшков и наполнил их оцетом, который получается из скипящего винограда. Люди обычно кладут в оцет лук и чеснок, чтобы можно было долго их хранить. Но не чеснок опустил отец Шамнилсина в горшки, а медные пластинки и рыжеватые камни, которые он один умел находить. Потом он связал пластинки и камни тонкими веревками, тоже медными, и тут Кааданнатум увидела, как между двумя кончиками медных веревок вдруг проскочила молния. Она была как настоящий небесный огонь, только ма-

ленький и без грохота. Но все равно Кааданнатум очень испугалась и упала на землю, закрыв голову полой накидки.

Когда же она осмелилась поднять голову, никаких молний уже не было. Свекор стоял спиной к ней, и она не видела, что он делает. Но вскоре он вытянул из горшка, стоявшего отдельно, медный браслет, и браслет теперь был блестящий, не медный, а золотой!

Тут вышла из хижины свекровь, окруженная детьми — младшими братьями и сестрами Шамнилсина. Она засуетилась, увидев Кааданнатум, потянула ее в хижину и заставила съесть ячменную лепешку и сыр с луком.

Говорить невестка не могла, потому что сорвала себе горло плачем и стонами. И поэтому мать Шамнилсина не сразу поняла то, что ей нашептала Кааданнатум. А когда поняла, сильно огорчилась, ударила себя обеими руками по голове. Обе они еще поплакали по Шамнилсину.

Еще не наступил вечер, когда Шудурги пришел за ней. Опять лил дождь, но в этом году начались дожди очень рано. Шудурги, нагнувшись у низкого входа, шагнул в хижину. Кааданнатум, завернувшись в циновку, лежала лицом к стене, свекровь тормошила ее, уговаривала встать, но та не отвечала, не шевелилась. Шудурги не стал тратить слов на уговоры. Он сгреб Кааданнатум вместе с циновкой, легко поднял и понес. Она не шевелилась, руки ее висели, как тростниковые веревки, а волосы слиплись от пепла и глины. Ее дыхание было слабым.

Дом у Шудурги был хороший, из сырого кирпича. В задних комнатах с глухой стеной жили его жены, и он велел им накормить, напоить и умыть новую жену, Кааданнатум. Но та ничего не съела, ни кусочка, и противилась умыванию. Лучше всего было взять плетку и хорошенько поучить строптивицу порядку. Но она была так слаба, что могла бы не вынести справедливого наказания, и Шудурги оставил ее в покое, рассудив, что время сделает свое дело. Горе ее утихнет, а сытная еда и красавая одежда произведут обычное действие.

И он вышел с женской половины, оставив на циновке рядом с головой новой жены красивый серебряный браслет.

Всю ночь Кааданнатум тихо проплакала, пока не осталось слез. Когда рассвело, она повертела в руке браслет и даже хотела примирить его, но передумала, отбросила прочь. И опять она отказалась от еды. В середине дня пришел Шудурги, закричал на нее и, приподняв с пола, силой разжал ей челюсти и влил в рот немного молока из глиняной чашки. Кааданнатум не кричала и не царапалась, потому что у нее не было сил. Она только укусила Шудурги за палец. Тот ударил ее по щеке и, ругаясь, вышел.

И еще прошла ночь. Сквозь забытье Кааданнатум казалось, что она уже умерла и теперь ждет, когда бог Аму перевезет ее в другую жизнь, где сидит на берегу, под финиковой пальмой, Шамнилсин.

— Шамнилсин, Шамнилсин!..

Она открыла глаза и прислушалась. Было уже утро. И опять раздались крики, приглушенные кирпичными стенами:

— Шамнилсин, Шамнилсин!

Что это — сон? Или она уже в другой жизни?..

— Смотрите, люди, вернулся Шамнилсин!..

Откуда только взялись силы у Кааданнатум? Вскочила, оттолкнула одну из жен Шудурги, которая пыталась ее ухватить за подол. Метнулась в соседнюю комнату, сбила с ног рабыню, сторожившую у входа, и пустилась бежать под дождем, разбрызгивая воду из луж.

Она видела толпу людей у того края селения, где стояла хижины отца Шамнилсина, искусника. А дальше, за толпой, высились очень большая колесница, вся из гладкого серебра. Никогда она не видела таких колесниц. Кааданнатум протолкалась сквозь толпу и увидела, что это не колесница: там не было ни ослов, ни быков, ни даже колес. Может, это был ковчег, какие, по рассказам людей, плавают по Реке? Но ковчег стоял здесь, на суще, и не стоял даже, а висел невысоко над мокрой землей, из его чрева была опущена лестница, а на лестнице стоял Шамнилсин..

Люди знали, что Шамнилсина убили разбойники, и поэтому, когда увидели его выходящим из серебряного ковчега, испугались и побежали прочь.

И тут Шамнилсин закричал, что он живой, боги спасли его и залечили рану, пусть люди не боятся. Люди вернулись и стали на него смотреть, а некоторые мужчины, кто посмелее, даже ощупали и обнюхали его и убедились, что Шамнилсин и верно жив. Умерший человек ведь пахнет совсем не так, как живой.

Тогда и раздались радостные крики, выведшие Кааданнатум из забытья.

Она обезумела от радости — только этим можно было объяснить то, что она не пала к ногам мужа, как следует поступить женщине, а кинулась к нему на шею.

— Ты вернулся, возлюбленный мой, — хрюпела Кааданнатум, повиснув у Шамнилсина на шее. — Боги услышали мои мольбы... Ты вернулся ко мне...

— Подожди ты, женщина! — раздраженно прикрикнул на нее один из людей, старый человек, который управлял движением воды по каналам. — Ты никому не даешь и слова вымолвить. Пусть Шамнилсин расскажет толком, что с ним случилось.

И Шамнилсин стал рассказывать, как он той ночью бился с разбойниками у Реки и как в него вонзилась стрела, и он, потеряв много крови, лежал без памяти, готовый к тому, чтобы Аму, бог смерти, перенес его в другую жизнь. Но другие боги, которые покровительствуют ему, Шамнилсину, не отдали его во власть Аму. Они забрали его к себе в серебряный ковчег, который как раз перед ночных боем спустился с неба. И когда он очнулся, он увидел, что лежит на мягком, но это был не войлок и не перемятый тростник. И увидел гладкие стены, каких не бывает ни в хижинах, ни в домах из сырого кирпича. И увидел свет, но это не был ни свет костра, ни свет масляного фитиля. Он пощупал бедро и не ощутил боли. От страшной раны остался только небольшой рубец.

— Почему же твои боги не выходят из ковчега? — спросил старый человек.

Шамнилсин, понизив голос, объяснил, что боги не любят воды и не выходят, когда мокро. Но все равно они видят и слышат все, что происходит за стенами ковчега.

Люди слушали и кивали головами: само собой, что боги все видят и слышат. Но все-таки было бы интересно на них взглянуть.

Шамнилсин зажмурился и покачал головой. Шепотом сказал, что лучше их не видеть — уж очень они страшны на вид. Он, Шамнилсин, видел только одного бога. Но, судя по головам, их двое. Это даже не голоса, а... Нет, трудно объяснить. Бог, которого он видел, говорил с ним и спрашивал об его, Шамнилсина, племени. Рта и губ у бога не было, но голос откуда-то шел, и Шамнилсин понимал его речь. Он просил бога отпустить его обратно в селение, и бог спросил, где оно находится. Потом ковчег поднялся в небо, и, он Шамнилсин, чуть не умер опять, потому что подумал, что боги возьмут его к себе на небо и не отпустят. Но почти сразу ковчег пошел вниз — и вот он здесь...

Дождь лил и лил. Пришлось привести с пастбищ все стадо и запереть в загонах. На полях и виноградниках люди тоже бросили работать. И все приходили смотреть на серебряный ковчег богов, который висел невысоко над мокрой землей у края селения. Даже сам Хозянин воды, сопровождаемый стражниками, пришел посмотреть на ковчег. То, что боги избрали его Род для посещения, Хозяина воды не удивило. Род был большой и сильный, не так уж много в долине таких родов. Но почему боги не выходят из ковчега?

Впрочем, и это понял Хозянин воды. Само собой, богам нужно принести жертву. И он повелел сверх обычной дани каждой семьи отдать по овце.

Сам Хозянин воды возжег огонь на жертвенном камне, и люди принесли согнанных со всего селения овец в жертву и зажарили на огне их мясо.

Но боги не выходили.

Хозянин воды забеспокоился. На другой день, утром, он послал стражников за Шамнилсином.

Всю дорогу до дома Хозяина Кааданнатум бежала за мулем, тихо завывая, а когда Шамнилсин скрылся в доме, осталась у ворот.

Хозянин сидел на скамье, подпертой двумя каменными львами. Позади стоял стражник с копьем, у дверей стоял другой, тоже с копьем. Еще тут были все три сына Хозяина воды.

Шамнилсин приложил руки к груди и низко наклонил голову, приветствуя Хозяина. Тот сделал ему знак приблизиться и сказал:

— Шамнилсин, ты бился с разбойниками и умер, но боги вернули тебе жизнь. Так говорят люди. Но я хочу услышать от тебя: так ли это было?

Шамнилсин закивал и подтвердил, что так и было. И он начал подробно рассказывать, как уже рассказал вчера людям, а когда дошел до чудесного своего исцеления, повернулся и поднял сзади юбку, чтобы показать Хозяину воды рубец на исцеленной богами ране.

— Как ты смеешь? — сказал Шудурги, выступив вперед. — Как смеешь показывать вождю непристойное место?

Шамнилсин оробел, взглянув на его свирепые рыжие глазки.

— Я не хотел... — пролепетал он. — Я только хотел показать, что там, где была рана от стрелы...

— Где рана? Не было у тебя раны! Все ты лжешь, навозный червь!

И в воздаяние лжи Шудурги хлестнул Шамнилсина плеткой.

Шамнилсин схватился рукой за обожженную щеку. Глаза его сверкнули как раскаленные угли. И, бросив вперед свое смуглое тощее тело, он ударили Шудурги кулаком в середину лица.

Пока Шудурги поднимался и выплевывал изо рта зубы, стражники по знаку Хозяина воды набросились на Шамнилсина и завернули ему руки за спину.

— Шамнилсин, — сказал Хозяин воды, — я позвал тебя для того, чтобы ты рассказал про богов, которые вернули тебе жизнь, и чтобы спросить, почему боги не выходят из ковчега. Но ты ударил по лицу моего сына и огорчил нас. Ты заслуживаешь смерти.

— Я не хотел огорчать тебя, Хозяин! — закричал Шамнилсин, опомнившись после вспышки ярости, которая его ослепила. — Он ударил меня плеткой... мне было больно...

Он хотел сказать еще многое в свое оправдание, но Хозяин воды велел ему замолчать, а стражникам — отвести Шамнилсина в узилище. Он же, Хозяин, решит, какая кара уравновесит злодеяние дерзкого пастуха.

Двоих стражников оказалось мало, чтобы отвести Шамнилсина в узилище: как дикая камышовая кошка, набросилась на них Кааданнатум. Она кричала и царапалась, и пришлось пребежать еще четверым стражникам, чтобы оттащить ее в сторону.

Потом Шамнилсина столкнули в узилище. Это была глубокая яма с широким дном и маленьким отверстием высоко над головой. Сейчас яма была почти доверху полна дождевой воды.

Шамнилсин плюхнулся в холодную воду и чуть не утонул. Хорошо, что вода в яме была только по шею. Он стоял, вытянувшись и глядя сквозь маленькое отверстие вверх на серое небо. Что он наделал по глупости своей, что он наделал! Хозяин воды теперь велит отрубить ему голову. Или, еще хуже, посадит на кол, чтобы смерть была медленной. А Шудурги возьмет Кааданнатум себе в жены!

Плача и завывая, бежала Кааданнатум по селению, от хижины к хижине, и кричала людям о новой своей беде, и просила помощи. Но люди ничем не могли ей помочь. Никто ведь не захочет навлечь на себя гнев Хозяина воды и его стражников, пытаясь вытащить простого пастуха из узилища.

Так Кааданнатум добежала до серебряного ковчега богов, который все еще висел за краем селения, за кустами терновника и корявыми невысокими смоковницами. Боги... Они вернули жизнь Шамнилсину и привезли домой. Они все видят и слышат. Почему же они сидят взаперти? Неужели не только люди, но и боги отвернулись от бедного Шамнилсина?

И Кааданнатум, совсем лишившись рассудка, принялась мечтать в ковчег камни и комки глины, и кричала, кричала...

Вдруг в серебряном боку ковчега отворилась маленькая дверь и оттуда сама собой опустилась на землю лестница, тоже серебряная. Кааданнатум, прижав руки к груди, чтобы приветствовать богов, как только они появятся, замерла в ожидании. Но время шло, а боги не появлялись. Тогда Кааданнатум, всхлипывая и трясясь от страха, ступила на лестницу. И тотчас лестница сама собой пошла вверх, втягиваясь в ковчег и унося на себе обезумевшую женщину. Дверь тихо закрылась.

Мать Шамнилсина, которая видела все это, стоя у своей хижины, очень испугалась. Она побежала по селению, крича, что ее невестка, Кааданнатум, лишилась рассудка и метала камнями в ковчег богов, и боги забрали ее к себе, и что теперь не миновать большой беды. Все, кто был в этот час в селении, побросали дела и устремились к серебряному ковчегу.

Когда весть о безумном поступке женщины дошла до Хозяина воды, он понял, что этот день не простой: сегодня решится судьба Рода. Сопровождаемый стражей и сыновьями, Хозяин отправился к ковчегу и стал ожидать знака богов. На жертвенный камень он велел положить плетеный поднос, на котором лежали дорогие ожерелья из медных пластинок, позолоченных отцом Шамнилсина, искусствником.

Ждать пришлось долго. Успел припустить и перестать дождь.

Наконец в ковчеге отворилась дверь, вниз сама собой поехала лестница, а на лестнице стояла Кааданнатум. Лицо у нее было растерянное. Но, увидев толпу и самого Хозяина воды с сыновьями, дерзкая женщина уперла одну руку в бок, а вторую выбросила вперед, просунув большой палец сквозь сжатый кулак. Люди ахнули, а Хозяин воды сделал вид, что не замечает дурного знамения. Но про себя подумал, что непременно надо наказать строптивницу.

— Вот тебе! — крикнула Кааданнатум, сошедши с лестницы на землю и шевеля большим пальцем в сжатом кулаке. — Я отведала пищи богов! Теперь если что — они меня защитят!

И тут произошло великое событие в жизни Рода. Боги явились людям.

Когда бог вышел из ковчега и ступил на лестницу, которая все бежала и бежала сама собой, люди с громкими криками пали ниц, кто где стоял. Хозяин воды грузно опустился на колени. Он зажмурился — так страшен был бог. Но, превозмогая страх, открыл глаза и сказал своим надтреснутым голосом:

— Я Издубар, великий охотник, Хозяин воды, дающий жизнь Роду. Помилуй меня и моих людей.

И все люди закричали:

— Помилуй нас!

Бог молча сошел с лестницы, постоял немного возле Кааданнатум, которая тоже распростерлась на мокрой земле. Потом подошел к жертвенному камню и, наклонив голову, осмотрел ожерелья из золоченых пластинок.

— Это я, Издубар, принес тебе в жертву, — сказал Хозяин воды.

Бог не взял ожерелий. Ничто не шевельнулось на ужасном

его лице, на котором не было ни губ, ни малейшей щели вместе рта. Но откуда-то, вроде со стороны ковчега, раздался вдруг голос бога:

— Кто это сделал?

— Это сделал человек из моего Рода, — ответил Хозяин воды. — Вот он.

Он указал на отца Шамнилсина, который, сам не свой от испуга, лежал неподалеку в своей закопченной длинной юбке.

— Покажи, как делаешь это, — сказал бог.

Отец Шамнилсина, почтительно горбясь и пятаясь, пригласил бога к своему очагу.

Бог осмотрел горшки с оцетом и медные веревочки, связывающие пластинки и рыжие камни, а потом велел искуснику привести все в действие. Неподвижно стоя, смотрел, как вспыхивают маленькие голубые молнии, как становится темная медная пластинка сверкающей, золотой.

— Я, Издубар, принес тебе такие пластинки...

Хозяин воды не успел договорить, осекся, потому что бог вдруг, не повернувшись, пошел назад. Как стоял, так и пошел назад. Поравнявшись с обомлевшим Хозяином воды, бог сказал, и опять как бы со стороны ковчега донесяся его глухой голос:

— Ты посадил человека в яму. Освободи его.

На другой день после своего освобождения из узилища Шамнилсин отправился к серебряному ковчегу, чтобы поблагодарить богов за милость к себе. На жертвенный камень он положил плетеный поднос с горкой сущеных плодов смоковницы и войлок, из которого можно было сделать хороший плащ. Все это он прикрыл пальмовыми листьями от дождя, а сам простерся на мокрой земле и попросил богов принять жертву и продлить свое благоволение к нему, Шамнилсину. И он уже собрался уходить, когда увидел, что из ковчега побежала лестница. Поняв, что боги зовут его, Шамнилсин ступил на лестницу.

В ковчеге пробыл он недолго. Вскоре он спустился с большим сосудом в руках, сверкающим, как серебро, и наполнил сосуд землей, но не до верха. Поверх земли он положил ветки терновника и ветки смоковницы, пальмовые листья и обломанные стебли тростника, и всякой травы, растущей тут и там. Старательно сделал он все, как велели ему боги, и отнес суд обратно в ковчег.

Потом, досвольный тем, что хорошо послужил богам, он пришел к своему отцу, искуснику, чья хижина стояла поблизости, и, сев на циновку, сказал:

— Я исполнил волю богов. Боги благоволят ко мне, — и добавил: — Будет большая вода. Так сказали боги. Дожди будут лить много дней. Большая вода затопит долину. Боги велели, чтобы ты ушел.

— Боги велели мне уйти? — переспросил отец. — Куда?

— В горы. На восток или на север.

— А ты? А другие люди?

— Боги велели тебе уйти в горы с женой и детьми, — по-

вторил Шамнилсин. И только тут сообразил: — Если большая вода затопит долину, то надо уходить всему Роду...

В тот же день весть эта облетела Род: будет большая вода, надо уходить из долины. Так сказали боги.

Но разве просто это — бросить поля и виноградники, покинуть обжитые хижины и скитаться, перегоняя стадо от травы к траве, как скитались когда-то предки?

Волю богов надо исполнять. Но почему это свою волю они передали через Шамнилсина? Что может понять в воле богов простой пастух?

Так говорили люди, собираясь у колодца. Уж очень непутевый этот Шамнилсин. Отец у него тихий человек, искусствник, а от сыночка его нет никакого покоя. Только и слышно: Шамнилсин умер... Шамнилсин воскрес.., Шамнилсин выбил зубы у Шудурги...

Шли дни, прибывала вода. Уже не лужами она стояла на земле, а почти сплошняком, и земля больше не принимала воды.

А дождь лил и лил без конца, и люди поняли, что солнца больше не будет. Чем-то они навлекли гнев богов, и боги решили затопить долину.

И еще поняли люди, что боги в серебряном ковчеге были злыми богами. Если бы это было не так, то разве стали бы они спокойно взирать на потоп?

Уже тянулись по краю пастбищ стада чужих Родов, покидавших долину. И Хозяин воды велел людям выюочить имущество на ослов и вместе со стадом уходить в горы.

У Шамнилсина не было осла, на которого можно навьюочить имущество. Впрочем, не было у него и имущества, если не считать двух кувшинов, двух круглых блюд, двух ножей и ступки.

Вода же стояла ровень с порогом хижины. Шамнилсин, а за ним его жена перешагнули порог. Посмотрели они последний раз на свою хижину и пошли к тому краю селения, где стояла хижина отца Шамнилсина, искусствника. Хотел Шамнилсин помочь отцу навьючивать имущество на осла. У отца ведь было много добра. Одних кувшинов с камнями и медными пластинками сколько! Давно надо было уйти отцу, еще пол-луны назад боги велели ему отправиться в горы, а отец все тянул, ждал приказания Хозяина воды, как будто мало ему было повеления богов.

Шумно было в селении. Кричали на жен и ослов мужчины, плакали дети, лаяли собаки, и всюду шли спешные сборы. Давильщик винограда, мимо хижины которого как раз проходили Шамнилсин с женой, увидел их и крикнул:

— Эй ты! Что, доволен теперь? Накликал потоп?

Шамнилсин и Кааданнатум сделали вид, что не услышали. Только шаг ускорили.

— Люди! — завопил давильщик во всю глотку. — Поглядите на этого шакала! Это он привел к нам злых богов! Он накликал беду!

Шамнилсин еще ускорил шаг. Кааданнатум бежала за ним. Вслед им неслось:

— Все из-за тебя, грязная собака! Чтоб ты подох!

— Глядите — накликал потоп и первый удирает!

Комок мокрой глины шлепнулся в спину Шамнилсина. Со страхом слушал он гневные слова людей и видел их ненавидящие глаза.

— Люди-и! — надсаживался давильщик. — Поучим его порядку!

Полетели со всех сторон комки глины. Отовсюду неслось:

— В яму с водой его!

— А девку — к Шудурги!

— Бейте-е-е...

Толпа, орущая, беснующая, забывшая о сборах, устремилась за Шамнилсином и его женой. Они теперь бежали во весь дух. Бросили циновки, бросили ступку. Разбрзгивая воду, мчались, уходили от смерти. Пробегая мимо отцовской хижины, успел заметить Шамнилсин в черном проеме хижины испуганное лицо матери. Остановиться — умереть. И Шамнилсин с быстроногой своей женой помчались дальше. Одна теперь была надежда...

Ах! Не висел над мокрой землей серебряный ковчег, как висел много, много дней до этого. Улетели боги! Они и раньше боялись воды, а теперь, должно быть, и вовсе испугались.

— Бейте-е!

Приближалась злая толпа, впереди всех бежал, размахивая тяжелой палкой, давильщик.

Тут-то Кааданнатум увидела, подняв голову, ковчег богов. Он медленно поднимался в сумрачное небо. Как видно, совсем недавно покинули боги землю. Кааданнатум с обезумевшими глазами прыгала в воде, простирая руки к уходящему ковчегу, и звала богов на помощь. Она звала таким громким голосом, что боги ее услышали.

Уже сбили с ног Шамнилсина, уже чьи-то руки рванули Кааданнатум за длинные косы, уже готовился бог Аму принять их обоих в другую жизнь, как вдруг толпа замерла, пораженная ужасом.

Будто рев дикого кабана раздался вдруг, только в шестьдесят раз сильнее. С неба прямо на головы людей быстро опускался серебряный ковчег. Услышали, услышали боги мольбу женщины...

Люди бросились бежать врассыпную. Только Шамнилсин и его отчаянная жена остались, стоя на коленях в воде. С перекошенными от страха лицами смотрели они, как снизился ковчег богов и остановился в трех или пяти локтях над землей.

Рев умолк. Сама собой из ковчега опустилась лестница. Шамнилсин и жена его, Кааданнатум, ступили на нее.

Глава двенадцатая

ЕСЛИ ГОРА НЕ ИДЕТ К МАГОМЕТУ...

ИЗ ДОКЛАДА ПРОФ. РЫБАКОВА НА ПРЕЗИДИУМЕ
АКАДЕМИИ НАУК СССР (Стенограмма)

...Как я уже говорил, ни с кем из членов комиссии, кроме меня, Ур не пожелал встретиться. Это очень осложнило работу, потому что мое знание истории и культуры Древнего Востока

тока не превышает дилетантского уровня. К счастью, мне очень помог сосед Валерий Горбачевского, пенсионер Фарбер: много летнее увлечение историей древних цивилизаций превратило этого, я бы сказал, сугубо книжного старика из любителя в профессионала. Ур не возражал против его присутствия при наших беседах.

Все три беседы записаны магнитофонным способом и тщательно проанализированы. Я изложу выводы и мнения, выраженные комиссией, конспективно.

Итак, пришельцы, по-видимому, первоначально не имели намерения забрать с собой кого-либо из землян. Что-то, однако, заставило их изменить свои планы. Десантное судно опустилось вновь и приняло на борт Шамнилсина и его жену. Пожалели ли их пришельцы, видя, что толпа вот-вот растерзает несчастных? Или была другая причина милосердного акта? К этому вопросу я еще вернусь.

Мальчика, родившегося в корабле пришельцев, родители называли Урнангур. Так появился на свет маленький землянин, никогда не видавший Земли. Самого перелета Ур, или, точнее, Урнангур, не помнит: был слишком мал. Его детство и юность прошли на планете, которую он называет Эир. К какой звездной системе относится эта планета, Ур объяснить не может, потому что расположена она в центре Галактики, закрытом для земных наблюдателей пылевыми облаками.

Эирцам было трудно произносить длинные шумерские имена, и они ограничились лишь первыми слогами: Шам, Каа и Ур. Не будучи эирцем, должен тем не менее признаться, что я тоже с трудом выговариваю полные имена наших гостей и поэтому позволю себе сокращенные наименования.

Ур почти ничего не рассказал нам о планете Эир и ее обитателях. Он был очень сдержан. Вот некоторые из его крайне скучных ответов:

«Это очень древняя цивилизация, гораздо древнее земной... Они двуногие, но их внешний вид сильно отличается от человеческого... Там все другое, прежде всего энергетика...»

На таких сведениях далеко не уедешь. Что-то, как видно, побуждает Ура помалкивать. Он сказал еще, что корабль эирцев, совершивший полет в нашей области Галактики, не имел особой цели посетить Землю. Тем не менее они выслали с корабля десантное судно, потому что Земля их заинтересовала двумя свойствами — сильным (с их точки зрения) магнитным полем и обилием воды. Десантное судно облетело огромные безлюдные пространства и сделало две или три посадки в областях концентрации разумной жизни. Последняя посадка была, как мы теперь знаем, в древней Месопотамии. Всюду пришельцы наблюдали военные или иные конфликты. На мой вопрос, учили ли они чему-нибудь местное население, Ур ответил: «Нет». На вопрос, почему они, улетая, захватили его родителей, он ответил: «Не знаю».

Цитирую Ура:

«Отец с матерью считали, что боги их перенесли во владения другого вождя. Эирцев же они особенно не интересовали. Родителям дали синтетические прутья и синтетическую глину, и они сделали себе хижину, вероятно подобную той, в которой

жили на Земле. Но овец и деревьев, к каким отец и мать привыкли на Земле, на Эире нет. Они ужасно по ним тосковали и без конца просили меня поговорить с Учителем, чтобы им разрешили возвратиться в родную долину...»

Можно предположить, что Эир — планета с примерно таким же гравитационным полем и составом атмосферы, как и на Земле. Иначе наши шумеры не смогли бы там жить, а по словам Ура, жили они на Эире без скафандров. Воду Ур увидел впервые на Земле, отсюда явствует, что Эир планета безводная. По-видимому, она лишена и магнитного поля либо имеет поле очень незначительное. Это обстоятельство и, что особенно важно, расположение Эира в одной из центральных областей Галактики обусловило принципиальное, как говорит Ур, отличие их энергетики от земной. Очень жаль, что он не пожелал рассказать, в чем сущность энергетического принципа Эира, — это пролило бы свет на техносферу высокоразвитой планеты и... ну что ж, я думаю, что такая информация могла бы иметь революционное значение для научно-технического прогресса на Земле. Однако благодаря наблюдениям Горбачевского некоторыми сведениями мы все-таки располагаем. Это прежде всего выделение космической составляющей из электрических токов океанских течений. Вероятно, эирцы умеют аккумулировать и трансформировать определенные виды космического излучения. Далее. Несколько раз в беседах с Горбачевским Урронял нечто об управлении потоком информации. Я много об этом думал, и мне кажется, что тут-то и кроется самое главное. Здесь какая-то загадочная связь с энергетикой...

Цивилизация планеты Эир представляется нам не только высокоразвитой, но и весьма рационалистической. Такой вывод можно сделать из характера отношений эирцев к землянам. Пришельцы с Эира совершили посадку в Двуречье, но отнюдь не в качестве учителей, горячо заинтересованных в просвещении невежественных туземцев. Они были сторонними наблюдателями. Люди представлялись им, наверное, грубыми и воинственными дикарями, и они, пришельцы, не вмешивались в земные дела. Мы полагаем, что их невмешательство носило не случайный, а принципиальный характер. Они имели достаточные основания опасаться того, что, скажем, технические новшества, которые они могли бы предложить людям, будут использованы вождями и жрецами во вред другому племени, что такая неравномерность развития породит новые жестокие конфликты, новые кровопролития.

Подозреваю, что вывоз Шама и его жены с Земли был продиктован не только, а может, и не столько состраданием, стремлением спасти их от разъяренной толпы, сколько все тем же холодным исследовательским интересом.

Мы не исключаем того, что возвращение семьи Шама на Землю спустя почти шесть тысячелетий — не что иное, как продолжение некоего эксперимента.

В том, что нам рассказал Ур и его родители, есть еще одна поразительная деталь. Это тайное искусство гончара, отца Шама. Лично я был потрясен, но археологи знают, что раскопки в Месопотамии наводят на мысль о знакомстве древних

с гальваностегией. Теперь можно считать это доказанным. Каким образом дошел допотопный гончар до примитивного гальванического элемента, мы не знаем. Однако все, что нужно для этого, — медь, куски железной руды и оцет — винный уксус в качестве электролита, — было у него под рукой. Многолетний опыт и счастливый случай натолкнули его на поистине гениальную мысль — соединить медной проволокой куски руды и меди в горшках, залитых уксусом. И вот он вынимает из ванны, или, если можно так выразиться, из особого горшка грубый медный браслет, на который тончайшим слоем осело золото, как бы силой волшебства перенесенное с золотой пластинки, погруженной в тот же сосуд.

А почему бы и нет? Почему летопись великих открытий и изобретений мы должны начинать с Архимеда? Разве не было до него многих поколений *homo sapiens*? Разве не затаился в глубине веков безвестный изобретатель колеса? Гончарного круга? Прялки? Воздадим должное их гению, и тогда — что же, поверим тогда и в реальность гончара из древнего Шумера, применившего гальванотехнику за шесть тысяч без малого лет до Яакоби.

Надо полагать, пришельцы увидели в этом серьезный признак потенции к развитию землян. Не случайно они, предвидя большое наводнение, передают через Шама совет его отцу поскорее уходить в горы. Заметьте: не вождю, не всему племени в целом, а именно этому искуснику, отцу Шама. Что же это, как не забота о том, чтобы гениальный изобретатель выжил, передал свое мастерство будущим поколениям?

Мы не знаем и, к сожалению, никогда не узнаем, успел ли отец Шама вместе с другими людьми своего рода добраться до гор, или его захлестнул потоп. Самому Шаму и его жене необычайно повезло. Потоп, вероятно, уничтожил их род, и прошли многие годы, прежде чем на юге долины вновь расцвела жизнь и поднялись и окрепли города — великий Ур, Лагаш, Урук, — они же, Шам и Каа, были в пути, в межзвездном пространстве, и течение времени для них замедлилось...

— Вы по-французски читаете? — спросила Вера Федоровна.

— Нет, — ответила Нонна Селезнева. — По-английски умею.

— Тогда вот вам перевод с французского. — Директриса Института физики моря протянула листок с машинописным текстом. — Читайте, да поживее.

Нонна быстро пробежала письмо глазами.

«Мадам!

С удовольствием пользуюсь поводом написать Вам письмо. Дело в том, что в этом сезоне Ваш покорный слуга намерен провести комплексное исследование Течения Западных Ветров в диапазоне от пролива Дрейка до берегов Австралии. Судя по некоторым высказываниям Вашего сотрудника, мосье Ура, побывавшего этим летом у меня в Океанариуме, такое исследование может представить для Вас определенный интерес.

Был бы счастлив, мадам, провести работу совместно. Хотелось бы, в частности, испытать в океане методику, о которой

в самом общем виде мне поведал мосье Ур при наших — увы, весьма немногочисленных — беседах в Санта-Монике.

Если идея совместной работы не вызывает у Вас отвращения и будет сочтена Вами полезной, то не откажите в любезности сообщить Ваши соображения по прилагаемому мною плану исследования, а также о технических и прочих условиях сотрудничества, которые пожелает предложить советская сторона. Я готов принять на своем судне Вас лично, мадам, и двух-трех Ваших сотрудников-оceanологов.

Из сообщений советской прессы я узнал о поразительной истории мосье Ура, а также о том, что он, к счастью, невредимый, благополучно возвратился в Ваш прекрасный город. Соблаговолите, мадам, передать мосье Уру сердечный привет и особое приглашение участвовать в экспедиции, если, разумеется, он сочтет это для себя возможным. Пользуюсь случаем для того, чтобы переслать мосье Уру предмет его личного обихода, забытый им в Океанариуме.

Намечаемый мною срок отплытия «Дидоны» — конец декабря с. г.

С наилучшими пожеланиями, мадам,
искренне Ваш

Жюль-Сигисбер Русто, директор.

Санта-Моника, 22 сентября».

Улыбаясь, Нонна положила листок на стол.

— Я и не знала, что Русто так куртуазен, — сказала она.

— Он сама любезность, — подтвердила Вера Федоровна. — Но если что-то придется ему не по нраву, Русто взрывается как динамит, я видела на одном симпозиуме... Впрочем, это к делу не относится. Что скажете о предложении старика?

— Оно не вызывает у меня отвращения. Наоборот.

— Русто хитер. То есть, я не сомневаюсь, что он радушно примет в экспедицию меня или другого океанолога. Но нужнено ему Ур. Это ясно. — Вера Федоровна посмотрела на погрустневшее лицо Нонны. — Я звонила в Москву относительно предложения Русто. Вероятно, начальство отнесется к нему благосклонно. Но вопрос, милая моя Нонна, упирается в Ура.

Нонна молча кивнула.

— Я никогда не верила в пришельцев, — продолжала Вера Федоровна, барабаня пальцами по настольному стеклу. — Не укладываются пришельцы у меня в голове. Я и сейчас подозреваю во всей этой истории с Уром какую-то мистификацию. Ведь он склонен к мистификации, а?

— Нет, — покачала Нонна головой. — Он даже не знает, что это такое. Он совершенно натурален.

— Хотите сказать — непосредствен? У меня другое мнение, хотя, конечно, вам виднее. Однако незаурядность этого... гм... потомка Навуходоносора...

— Скорее уж предка, — вставила Нонна.

— Это все равно. Так вот, способности его очевидны. Нам неизменно надо заполучить Ура, чтобы он довел до конца свой проект. Я имею в виду обоснование этой странной штуки, обнаруженной вами на Джанавар-чае. Теперь, когда установлено, что Ур якшался с высокоразвитыми пришельцами, к его проекту могут отнестиесь весьма серьезно. Понимаете?

— Да. Только мне неприятно это выражение — «якшался».

Вера Федоровна яростно прищурилась на Нонну, потом тряхнула своей медно-рыжей гривой, усмехнулась.

— С вашим пуританством, милочка, вам следовало бы держаться подальше от океанологии. Сама не знаю, почему я вас терплю... Ну, короче. Все сейчас зависит от Ура — наша океанская тема, экспедиция, а может быть, и более значительные вещи. Ур живет сейчас у родителей в колхозе. Послезавтра суббота. Поезжайте в колхоз и уговорите Ура вернуться в институт. Письма и посылка Русто — достаточной повод для визита, как вы считаете?

— Достаточный... Но мне не хочется, Вера Федоровна... Попшилте лучше Горбачевского.

— Нет. Валерия можете взять с собой, но уговорить Ура сумеете только вы. Нечего смотреть на меня голубыми глазами — я знаю, что говорю. Идите и творите мою волю.

Из города Ур привез два ящика книг, выданных по специальному распоряжению библиотекой местного университета. Дни напролет он лежал на тахте под навесом и читал, читал, и размышлял о прочитанном и увиденном, и наслаждался покаем. Он знал, конечно, что покой этот недолог, но ему хотелось, чтобы он продолжался до того самого момента, когда там решат его дальнейшую судьбу.

Плынут, плывут воспоминания.

Последний разговор с Учителем накануне отлета...

«Ты внешне от них ничем не будешь отличаться. Но к тому времени, когда вы прилетите, там произойдет множество перемен. Я даже допускаю, что исчезнет народ, говорящий на языке твоих родителей».

«Да, это возможно», — поник головой Ур.

«Тебе придется трудно. Нужно будет как можно быстрее освоиться, научиться все делать так, как они, подражать им во всех мелочах. Ты очень расстроен?»

«Мне страшно», — признался Ур.

Учитель сделал знак сочувствия.

«В корабле рожденный, — сказал он, — мы верим в твои способности и твою преданность».

«Не сомневайся, Учитель, — грустно сказал Ур. — Здесь мой дом, здесь все, что мне дорого. Я знаю свою задачу».

«Мне жаль расставаться с тобой, В корабле рожденный. Я умру, пока ты будешь в полете. Тебе сообщат, когда придет время настроиться на общение с новым Учителем. Прощай, и счастливого тебе возвращения домой».

Долг, долг был путь к Земле. Родители изнемогали от одиночества жизни в ковчеге. Что до него, Ура, то ему скучать было некогда. Он готовился к выполнению задачи. Старательно изучал информацию об опасной планете — прежнюю, собранную той экспедицией, и новую, которую исправно поставляли на борт корабля маяки. Эта новая информация была слишком общей — она давала представление лишь о сильных сотрясениях коры планеты, о состоянии атмосферы и магнитного поля. Кроме того, она была как бы спрессована — события разного

времени накладывались одно на другое, так что было необычайно трудно определить их даты.

Теперь-то Ур, конечно, знал, какие именно события были зарегистрированы маяками...

Уже подлетая к звезде, именуемой землянами Солнцем, корабль получил данные о выходе на околоземные орбиты космических тел искусственного происхождения. Наконец, информация чрезвычайной важности о полетах искусственных аппаратов с Земли к другим планетам той же звездной системы.

Было похоже, что главная машина Эира не ошиблась в своих грозных прогнозах...

Последние недели, дни, часы перед посадкой. Проплывали под ковчегом знакомые по картам очертания материков, тут и там скрытые облаками.

Отцу и матери картины, развернутые на экранах, были непонятны. Но они требовали направить ковчег в долину у Реки. По какой-то случайности в отчетах той экспедиции сохранилась только широта места. Ур отсчитал одну двенадцатую круга к северу от экватора и направил лодку вдоль этой параллели.

Горы, горы, океанский берег, океан... опять горы, длинная однообразная равнина... море... вот это место как бы между четырьмя морями — тут и горы, и равнины вдоль больших рек... На следующем витке пойду сюда на посадку, решил вдруг Ур. Надо сесть на воду, как советовал Учитель. На воду легче сесть такому неопытному пилоту, как он, Ур. Какое бы море выбрать?..

Вон то, зеленое, замкнутое, пожалуй, самое подходящее.

Автоматы прощупали воду, определили плотность, температуру и прочее. Всего, конечно, не узнаешь, мало ли что таит эта странная незнакомая среда. Но... выбирать не приходится...

Ур тронул клавишу посадочного автомата. Ох, кажется, трасса спуска излишне крута...

Лодка со свистом врезалась в зеленую воду.

Сквозь сон Ур услышал голоса и вмиг прорвал глаза, приподнялся на локте.

Возле летней кухни пил воду из кружки Валерий Горбачевский. Мать обмахивала фартуком табуретку, предлагая садиться, а рядом с ней стояла Нонна. Тутовое дерево, еще не до конца облетевшее, шелестело над ними листвой, и пятна солнечного света скользили по Нонниному лицу, обращенному к Уру.

— Здорово, Шамнилсиныч! — гаркнул Валерий, протягивая руку. — Ну и здоров ты спать.

— Привет, Валерий, — подошел к гостям Ур. — Здравствуй, Нонна.

Он пожал ее узкую прохладную руку.

— Здравствуй, Ур. — Она спокойно смотрела на него со слабой улыбкой. — Давно тебя не видела... Мы привезли тебе почту. И вот этот пакет — посылку от Русто.

— От Русто? — Ур наконец отвел взгляд от лица Нонны и развернул пакет. — А, это моя бритва, я забыл ее там... Спасибо.

Каа притащила с веранды вторую табуретку и, лопоча что-то,

пригласила гостей садиться. Потом сунула ноги в туфли и побежала со двора.

— За отцом пошла, — сказал Ур.

— Только не вздумай ничего затевать. — Нонна села на табуретку, аккуратно вздернув на коленях брюки. — Ни в коем случае. Мы ненадолго приехали. По делу.

Ур тоже сел.

— Мне нужно с тобой поговорить, — деловито начала Нонна, однако что-то в лице Ура заставило ее остановить взятый было разбег. — Ты очень изменился, Ур.

Нет, не удавалось выдерживать заранее намеченный непринужденный тон, будто ничего не произошло и все осталось как прежде.

— Если можно, смотри куда-нибудь в сторону, — тихо сказала она, испытывая неясную тревогу от его пристального взгляда.

Ур склонил голову, уставился на свои старые кеды.

— Ты решил снова отрастить бороду?

— Нет... — Ур провел ладонью по заросшей щеке. — Просто не брится... Я сейчас!

Он схватил бритву, присланную Русго, принялся нервными движениями заводить пружину.

— Погоди, потом побреешься, — сказала Нонна, и он послушно замер, опустив белую коробочку бритвы на колено. — Ур, я ни о чем тебя не спрашиваю. Только не перебивай... Ни о чем не спрашиваю, ни во что не вмешиваюсь, не посягаю на твои планы. Но есть одна просьба. Не только моя. И Вера Федоровна просит, и... если хочешь, весь институт...

Торопясь и волнуясь, ужасаясь собственному многословию, Нонна изложила просьбу.

— Нонна, — поднял голову Ур, — ты приехала только затем, чтобы сказать мне это? Чтобы я закончил проект?

— Да. Ты, по-видимому, не собирался заглянуть в институт... Что ж, если гора не идет к Магомету...

— Понятно. За два месяца, наверное, можно закончить расчеты. Даже раньше, я думаю. Но, видишь ли... мои планы несколько переменились...

— Ур, только не спиши отказываться! — воскликнула Нонна. — Вспомни, как ты говорил об океане дешевой электроэнергии... о совмещении магнитной и географической осей... Вспомни, вспомни, Ур! Не могу поверить, что ты начисто потерял интерес ко всему. Я знаю теперь о твоей... о необычайности твоего прошлого... но, что бы там ни было, ты человек, Ур. Человек среди людей.

Она вдруг умолкла, переведя дыхание. Что с ней творится? Совершенно разучилась спокойно разговаривать...

Скрипнула калитка, во двор вошли Каа и улыбающийся Шам в своей клетчатой рубахе навыпуск, с желтой плетеной корейной, из которой торчали виноградные листья.

— Еще раз прошу, Ур: не торопись с отказом, — сказала Нонна, поднимаясь.

— Хорошо, — сказал Ур, тоже вставая. — Я подумаю.

Работа над проектом шла полным ходом. Рустам поселил Ура в квартире своего старшего брата, уехавшего с семьей в длительную командировку. Полы в обеих комнатах тут были устланы картами, склеенными листами ватмана, таблицами. Каждый вечер после работы Нонна, Валерий и Рустам приезжали сюда, помогали Уру, составляли вертикальный разрез плотности воды вдоль пятидесяти градуса южной широты — параллели, которая как бы служит осью величайшего на планете поверхностного течения, Течения Западных Ветров, непрерывным кольцом опоясывающего южное полушарие.

Вот и сегодня, дождливым вечером, они собирались здесь — все, кроме Валерия, который из института поехал в научтэхбиблиотеку за очередными материалами. Рустам и Нонна занялись упомянутым разрезом плотности воды. Ур размышлял над странным своим блокнотом, медленно перематывая пленку с одному ему понятными записями.

— Между прочим, наши сегодня играют с финнами, — сказал Рустам, не поднимая головы от ватмана.

— А хоть бы и с дельфинами, — сказала Нонна. — Двадцать пятый западной долготы, глубина пятьсот тридцать четыре и четыре. Отметил?

— Поговорить не с кем, — проворчал Рустам, отмечая указанную точку. — Где Валерку носит, хотел бы я знать?

В восемь он включил телевизор и, закурив, кинулся в кресло. Профессионально-бодрый голос комментатора начал перечислять составы команд.

Тут прозвенел звонок.

— Наконец-то заявился, — сказал Рустам, не отрывая горящего взгляда от экрана. — Ур, открой, пожалуйста.

Ур сунул свой блокнот в карман и пошел отворять дверь.

Это был не Валерий. В маленькую переднюю, сразу заполнив ее громкими голосами и шуршанием мокрых плащей, вошли Вера Федоровна и Грушин.

— Вот они где уgneздились, голубчики, — прищурилась Вера Федоровна на онемевших от неожиданности Уру, Нонну и Рустама, которого директорское контральто выдернуло из кресла, как морковку из грядки. — Нарочно подыскали квартирку без телефона.

Крупная, уверенная в себе, она прошла в комнату и, огибая расстеленные на полу ватманы, направилась к креслу.

— Садитесь все, — сказала она, — и выключите телевизор. Буду держать речь.

— С вашего разрешения, — сказал Рустам, — я выключу только звук, а изображение оставлю. Наши с финнами играют...

— Ну, если с финнами, тогда можно только звук. — Веру Федоровну не чуждо было великолепие. — Итак, объясняю причину визита. Мне позвонили из Москвы и сообщили, что нам разрешено участие в экспедиции Русто. Для трех человек. Не улыбайтесь преждевременно, Нонна, потому что еще неизвестно, кто поедет.

— Хорошо, я не буду улыбаться. Но все равно приятно...

— Закончив разговор с Москвой, я позвонила к вам, — директриса тряхнула головой в сторону Нонны, — и убедилась в педантичной аккуратности моих сотрудников.

— Мы ушли ровно в шесть, — сказала Нонна, приподняв округлые черные брови.

— Я и говорю: мои педантичные сотрудники скорее умрут, чем задержатся лишнюю минуту на работе. Хорошо, что моя Ниночка превосходно воспитана. Какими путями ей удалось установить адрес этой квартирки, я не знаю. Но пока она обзванивала город, у нас с Леонидом Петровичем произошел сугубо океанографический разговор, который несколько затянулся. И поэтому, девушки, не думайте, что мы приехали только для того, чтобы сообщить радостную весть...

— Ай-яй-яй-я-яй! — завопил вдруг Рустам, ударив себя по коленям. — Извините, — тотчас спохватился он. — Такую возможность Якушев сейчас упустил, клянусь...

— Поскольку телевизор работает без звука, то вы и переживайте, Рустам, соответственно. — Вера Федоровна сунула в рот длинную сигарету, и Рустам, щелкнув зажигалкой, дал ей прикурить. — Так вот, — продолжала она. — Ввиду того что ваш проект, Ур, скоро, как я полагаю, нарастит мясо на кости и будет подан к столу, я бы хотела разобраться хотя бы в его скелете. И Леонид Петрович хочет. Он, между нами, настроен скептически...

— Позвольте, Вера Федоровна, — вскинулся тот. — Дело не в моем каком-то там прирожденном скепсисе. Дело в исходных посылках и законах физики. Разрешите, я выскажу...

— Да уж валяйте, раз начали.

— Начну с того, что полностью сознаю большую важность проблемы получения дешевой энергии. Я интересуюсь этими вопросами, хотя и не совсем по специальности. Производство электроэнергии в наше время практически удваивается за каждое десятилетие. Удваивается! Мировое производство ее уже превысило четыре триллиона киловатт-часов в год. Если так пойдет и дальше, то — не помню точно, в какие сроки, но в обозримое время — энергоресурсы на шарике будут исчерпаны. Имею в виду уголь, нефть и другое природное топливо. Вы слушаете, Ур?

— Да, — поднял тот глаза на Грушину. — Я весь внимание.

— А то мне показалось, что вы отключились... Пойдем дальше. Гидроэлектрическая энергия тоже не безгранична — почти все мощные реки уже перегорожены плотинами. Еще какие естественные источники энергии? Ветер, солнечное тепло, энергия приливов... Все это мы используем пока очень мало. Дороги приливные станции, дороги и солнечные — по экономическим показателям не проходят. Да если бы и прошли, то их ресурсы, это уже подсчитано, дадут в год примерно такую же мощность, сколько дают теперь в сумме все электрические мощности, производимые промышленным способом. Это сопоставимо. Тот же порядок. Это, между прочим, факт сам по себе замечательный и, скажем, для прошлого века просто фантастический: энергия, добываемая человеком, сравнялась с энергией природных явлений. Каково?

— Леонид Петрович, все это очень интересно, — вставила Вера Федоровна, — но все-таки давайте ближе к делу.

— Да... да, да, ближе к делу... Итак, природные ресурсы ограничены, и двадцать первый век на них не выедет. Какой

есть выход? Только один — ядро атома. Энергия деления и энергия термоядерного синтеза. Сейчас у нас и за рубежом идут большие работы с целью добиться лучшего использования делящихся материалов. Атомные реакторы нового типа, вероятно, станут дешевле и экономичней, они будут превращать в энергию не только уран-235, но и уран-238, то есть практически всю руду. И наконец, управляемая термоядерная реакция. В конце века, я уверен, она будет осуществлена, и вот тогда-то призрак энергетического голода исчезнет надолго, во всяком случае на многие-многие века. Дейтерий, извлеченный из 160 кубометров воды, даст столько же энергии, сколько дают теперь все добываемые за год миллионы тонн угля и нефти. А дейтерия в морской воде сколько угодно. Запасы лития тоже огромны... Ну, собственно, я почти все сказал. Слишком сложна и трудна проблема будущей энергетики. И поэтому ваша идея использования в энергетических целях морских течений мне кажется... вежливо говоря, она малоперспективна. Конечно, электрические токи в море есть и вызывают некоторые электромагнитные силы, но очень уж эти силы слабенькие — порядка десяти миллионных силы Кориолиса. Да вы сами это прекрасно знаете...

— Так. — Вера Федоровна хлопнула ладонью по подлокотнику кресла. — Одна сторона высказалась. Выкладывайте возражения, Ур. Или вы, Нонна?

— Возразить, Вера Федоровна, может только Ур, — сказала Нонна. — Мне в проекте тоже далеко не все понятно. И если бы я сама не видела, как на Джанавар-чае прибор показал излишек энергии, то рассуждала бы в точности как Леонид Петрович. За одним исключением. Ядерная энергетика имеет замечательное будущее, полностью согласна. Но и у нее есть ограничитель — недопустимая степень загрязнения окружающей среды. Во избежание катастрофического перегрева атмосферы выработку термоядерной энергии придется сдерживать.

— Вы правы, такой ограничитель будет, но все равно ядерной энергии человечеству хватит даже при сдерживании выработки.

— Не стану спорить, я не футуролог, — сказала Нонна. — И вообще, я просто технический исполнитель проекта. Наше с Рустамом и Горбачевским дело — подготовить данные о Течении Западных Ветров, вот и все.

С минуту все молчали. Поглядывали на Ура — теперь была его очередь.

— Хорошо, попробую объяснить, насколько смогу. — Ур потребил свою шёвелюру. — Прошу учесть, что я не автор идеи. На Эире я был техником на станции синтеза. Обыкновенным техником с обыкновенным образованием...

— Обыкновенное в масштабе Эира? — вставил Грушин.

— Да, конечно... Так вот. Когда мы летели к Земле, я изучил общий курс планетологии и все, что было известно о Земле. Перед высадкой мы проделали множество измерений, в частности магнитную съемку, и мои спутники... специалисты с Эира... они были, как бы сказать... ну, по-своему поражены были космическим феноменом, каким представилась им Земля. Среди известных им планет нет ни одной, которая имела бы такое

ярко выраженное магнитное поле и такую огромную акваторию. Кто-то из моих спутников первым высказал эту идею... идею о дефекте, который надо исправить, чтобы черпать энергию из внепланетных источников.

— Дефект — это несовпадение магнитной и географической осей? — спросила Вера Федоровна.

— Да.

— Под внепланетным источником имелось в виду Солнце, — полууверительно, полуутвердительно сказал Грушин.

— Разве в космосе, кроме Солнца, нет источников энергии? — посмотрел на него Ур. — Космос полон ею.

— Если вы говорите о космических лучах, то они доходят до поверхности Земли настолько ослабленными, что не могут...

— Космические лучи — слишком общее название, — сказал Ур. — Я не знаю, как назвать эти заряженные частицы и их источник. На Эире очень давно создана система, которая преобразует это излучение в энергию различных видов. Мне кажется, ближе всего для обозначения потока частиц, о котором идет речь, выражение «релятивистские электроны». Но не могу поручиться за точность... На Эире принятая общая теория планетных атмосфер, я думаю, она имеет универсальное значение, но изложить ее мне не по силам. Требуется определенная магнитная структура, чтобы широкие ливни, образующиеся при встрече первичного галактического излучения с атмосферой планеты, могли быть уловлены, измерены и преобразованы в нужный вид энергии. Эти ливни частиц взаимодействуют с поверхностью планеты, но лучше всего — с подвижным веществом, пересекающим магнитные меридианы. На этом принципе и основана на Эире установка искусственного магнитного поля. Очень сложная система. Можно сказать, гордость эирской науки... И вот почему их поразила Земля с ее естественным магнитным полем и морскими течениями, переносящими огромные массы воды. Природа сама создала превосходную энергетическую установку с одним лишь дефектом...

— Позвольте, — сказал Грушин. — Механизм взаимодействия вторичного космического излучения с веществом более или менее изучен. Поток слишком разрежен для практического использования...

— Достаточно плотен! — Похоже, что дотошность Грушина начинала раздражать Ура. — Здесь все дело в чувствительности прибора, в его поглощающей способности... Посмотрите на эту штуку. — Он нажал на что-то сбоку, и в коробочке открылись две катушки, и с одной на другую медленно поползла широкая, слегка мерцающая пленка.

— Что это? — Грушин выхватил из нагрудного кармана очки, надел и низко наклонился над коробочкой.

— Это одна из микроструктур, которые делают на Эире для приема галактического излучения. Не знаю, как их назвать. Пачка такой пленки в датчике прибора способна выделить космическую составляющую из электротоков морских течений.

— Дайте-ка и мне посмотреть, — сказала Вера Федоровна. — Мне говорили, что у вас есть занятный блокнот, а оказывается, что это аккумулятор...

— Он может служить и блокнотом.

— Очень мило. Послушайте, голубчик, если у вас всегда при себе этот инопланетный аккумулятор — или как еще назвать? — то почему вы из моего снабженца выбивали ниобиевую проволоку?

— Запас пленки у меня ограниченный, — сказал Ур. — Для экспериментов хватит, но если проект будет принят... В общем, я искал, чем можно заменить материал, из которого состоит микроструктура пленки. Ближе всего ниобий. С ним еще придется много повозиться, чтобы придать требуемые свойства. Испытать различные сплавы нужно... Но по исходным данным ниобий — материал подходящий.

— Ну хорошо, — сказала Вера Федоровна. — Некое галактическое излучение, которое вы не можете назвать приличным именем, достигает Земли, взаимодействует с ее магнитным полем и широким ливнем падает в океан. Дальше что?

— Оно может быть выделено из электрических токов крупных течений, пересекающих магнитный меридиан. Но об его преобразовании в электричество в промышленных масштабах не может быть и речи, пока не устранен дефект. Нужно упорядочить геомагнитное поле.

— Иначе говоря, совместить магнитную ось с осью вращения, это я уже слышала. Как вы собираетесь это сделать?

— Вера Федоровна, я и об этом вам говорил. Кольцевое Течение Западных Ветров — созданный самой природой виток обмотки генератора. Нужно ввести корректив — дать первичный импульс этому витку. Мощный импульс, достаточный для того, чтобы «столкнуть» с места магнитную ось.

— Почем вы знаете, что она совместится с географической, а не «вильнет», скажем, в противоположную сторону?

— Импульс можно рассчитать так, чтобы ось сместилась на нужное количество градусов. Этим-то я и занимаюсь...

— Пять — один! — Рустам с шумом отодвинул стул и поднялся. — Порядок! Финиам уже не догнать... Извини, дорогой, — ласково отнесся он к Уру. — Ты сказал, что занимаешься расчетом импульса, да? Покажи нашим дорогим руководителям схему установки.

— Схема не сложная, — сказал Ур. — Труднее будет смонтировать ее вот здесь, — он указал на карту, — в проливе Дрейка между Огненной Землей и Землей Грэйама. Единственное подходящее место, где Бравые Весты проходят вблизи берегов.

— Чудное местечко, — сказала Вера Федоровна. — Лет восемь назад там чуть не утонул «Тайфун». И я вместе с ним, между прочим.

— Да, штормы... — Ур опять потер рукою лоб. — Поставить там установку энергетического импульса будет трудно, трудно... И пожалуй, не легче подвести к мысу Горн линию передачи высокого напряжения.

— Это какая же потребуется мощность?

— Пока могу сказать только, что очень большая. Но затраты будут единовременной — только для импульса. Дальше сработает сам генератор: сместится магнитная ось, изменится структура геомагнитного поля. Это, вероятно, будет сопровождаться сильной магнитной бурей.

— А потом?

— Что ж, потом энергия, доступная всюду, где есть соответствующие приемники и преобразователи... Что ж еще?..

— Ты, Ур, совершенно не умеешь подать себя, — решительно вмешалась Нонна. — Речь идет об энергетике совершенно нового типа, Вера Федоровна. Мы как-то забываем в вечной житейской текучке, что живем не просто на земле, а на Земле с большой буквы — на планете, летящей в космическом пространстве. Мы сжигаем миллионы тонн природного горючего, мы расщепляем в реакторах ядра урана, чтобы получить энергию, нужную для жизни. Но энергия вокруг нас! Околоземное пространство пронизано потоками заряженных частиц. Их использование считается невозможным. И вот появился проект, он необычен и еще не рассчитан до конца, но меня, например, необычайно привлекает сама идея — овладеть галактическим излучением, преобразовать его в электричество... Не все понятно? Да, не все. Но разве мы знаем всё о внутриядерных силах, сцепляющих протоны и нейтроны в атомном ядре? Нет! Тем не менее мы научились расщеплять ядро и извлекать из него энергию. Так же и здесь... Вы только представьте себе: миллионы тепловых электростанций перестают сжигать уголь и нефтепродукты, миллионы автомобилей перестают выбрасывать в атмосферу углекислый газ. Общедоступная дешевая энергия изменит облик всей техносфера, покончит с загрязнением окружающей среды!

— Я бы должна как-то завершить дискуссию, — сказала Вера Федоровна, — но, признаться, не знаю как. Слушаешь вас, — кивнула она на Ура, — интересно. Грушин начнет — будто собственные мои сомнения выкладывает... Что вы на меня уставились, товарищ Ур? Спросить о чем-нибудь хотите?

— Я вот что хотел... — неуверенно сказал Ур, переступив с ноги на ногу. — Может, все-таки прекратить это? — Он обвел рукой ватманы, карты, таблицы. — Вдруг опять Пиреев рассердится и... новые начнутся неприятности...

— Пиреев? — протянула Вера Федоровна. — Ну, вы, голубчик, и верно как ребенок... Стала бы я с вами связываться, если б Пиреев тогда взял верх! Нету Пиреева! То есть, конечно, есть, но, слава те господи, науку-матушку больше не тревожит. Что же вы, Нонна, не рассказали товарищу о знаменитом происшествии? В самый разгар великой борьбы — как раз в весьма ответственном кабинете — у Пиреева выступила на лбу этакая надпись синими буквами, что, дескать, съел он барабана, украшенного в каком-то колхозе. Я это сама видела и до сих пор не могу понять, как не умерла на месте от совершенно постыдного истерического смеха...

— И у Пиреева надпись была? — Ур изумленно посмотрел на Вера Федоровну.

И вдруг с его лица словно сдернули занавеску: вмиг ожило оно, в тусклых глазах вспыхнул былой блеск, сверкнули зубы — Ур захохотал во всю глотку.

— Стойте, стойте, — сквозь смех вымолвила Вера Федоровна, — мне говорили, будто вы к этому делу причастны. Ну-ка признавайтесь!

— Ой, правда, Ур, это ты сделал? — спросила Нонна, улыбаясь и радуясь, что Ур пробудился от спячки.

И Ур рассказал, как Даи-заде, бывший заведующий животноводческой фермой, продавал на сторону колхозных баранов и портил жизнь отцу, и отец пожаловался ему, Уру, на это и велел сделать что-нибудь, чтобы вывести вора Даи-заде на чистую воду. И тогда он, Ур, отрезал от пленки из своего блокнота тонкую полоску и нанес на нее код — тот самый текст. А отец со своим другом сделали так, как он им посоветовал: разрезали полоску на мелкие части и вместе с травой скормили баранам. Самым таким товарным, что ли, особям. А дальше — код, будучи съеден, переходит в баранью мышечную ткань. Он вроде голограммы, этот код: на сколько частей его ни разрежь, каждый клочок сохранит информацию.

— Ну вот. В живом бараньем мясе код никак себя не обнаруживает. Но если барана зажарят и съедят, безразлично, какой кусок, тут нагрев и соляная кислота человечьего пищеварения проявляют код, как фотопленку в проявителе. А красители, которые имеются в коже человека в виде синего пигмента, закрепляют надпись на лбу. Потом надпись должна побледнеть и исчезнуть... Значит, у самого Пиреева появилась надпись?..

Опять он зашелся от смеха.

— Вот оно как, — сказала Вера Федоровна. — Однако... серьезная пленочка...

— Серьезная, серьезная, — подтвердил Грушин.

— Где же теперь Пиреев? — спросил Ур.

— Все может вынести Пиреев, но только не осмение, — сказала Вера Федоровна. — С месяц он отсиживался на даче, а потом подал заявление об уходе с должности. По собственному желанию. Где же он теперь работает, дай бог память...

— Начальником управления мелиорации, — сказал Рустам.

— Верно. Ну что ж, поехали, Леонид Петрович. А вы, голубчики мои, продолжайте трудиться. Не знаю, как там с магнитной осью получится, а проект, что и говорить, ин-те-ресный... Чтоб вы мне довели его до конца!

Только ушли Вера Федоровна с Грушиним, как опять раздался звонок. Нонна открыла дверь и впустила Валерия.

— Только что машина отъехала с директорским номером, — осипшим голосом сказал Валерий, сдирая с себя плащ. — Здесь, что ли, была?

— Да. С Грушиним приехала, расспрашивала о проекте. Спорили... Где ты пропадаешь?

Не отвечая, Валерий скинул туфли и в носках пошел в комнату. Рустам поднял на него проницательный взгляд.

— Держи. — Валерий сунул Уру в руки зеленую папку. — Здесь бумаги с машины и прочее... и прочее... и прочее...

Он ходил по комнате, словно не мог остановиться, и бормотал, и глаза у него были какие-то шальные, навыкате.

— Кофе будешь пить? — спросила Нонна.

— Буду! — гаркнул он и, широко отставив локти, направился в кухню. И уже оттуда донесся его незнакомо-хриплый голос: — Я теперь свободен от любви и от плакатов!

— Ты у Аньки был? — Рустам бросил последний взгляд на незакончившийся хоккей и помчался в кухню.

Глава тринадцатая

МАДЕМУАЗЕЛЬ СЕЛЕЗНЁФФ

Ранним утром 20 декабря рейсовый самолет международной линии Москва — Никозия, разбежавшись, оторвался от шереметьевской бетонки и начал набирать высоту. Еще было далеко до рассвета. Внизу простирались заснеженные поля и темные клинья лесов, и где-то с левого борта мэршала сквозь дымную мглу россыпь огней Москвы.

Перекатывая языком во рту взлетную конфетку, Ур смотрел в иллюминатор, пока клубящиеся торопливые облака не закрыли землю. Тогда он откинулся на высокую спинку кресла и скосил взгляд на Нонну. Она сидела рядом, глядя прямо перед собой, как примерная школьница на уроке. Профиль ее был четок и безмятежен. Рука Нонны покойно лежала на подлокотнике, и Ур с интересом посмотрел на нее. Рука была красивая, с длинными тонкими пальцами, и на одном было кольцо с юнтарным камнем чуть ли не во всю длину пальца. На такую руку можно смотреть не отрываясь, сколько угодно. Ур и смотрел, пока Нонна не повернула голову в серо-голубой пушистой шапочке и не взглянула на него вопрошающе. Ур улыбнулся ей. Мельком посмотрел на Валерия, сидевшего по другую сторону от Нонны. Валерий зевал, мучительно сморщившись. Не выспался, бедняга. Все они вот уже которую ночь не высыпаются: с утра до поздней ночи не отпускает их Москва.

Теперь-то отпустила. Теперь трудные, наполненные шумом и беготней, нескончаемые две московские недели остались позади. Теперь и соснуть можно. Лететь еще долго...

Странно все получается у него. Непоследовательно... Сам торопил Учителя, только об одном мечтал — поскорее покинуть Землю, — и сам же попросил отсрочить отлет... Не собирался принимать приглашение Русто — а все-таки принял и вот летит на далекий Мадагаскар. И не просто так летит, а с паспортом в твердой красной обложке, и не сам по себе, а в составе рабочей группы, имеющей план сотрудничества из двадцати семи пунктов...

Странно, странно. Как будто ты не вполне принадлежишь самому себе. Только начни что-то делать. Только начни — и ты уже не волен распоряжаться собственным временем, собственными желаниями, тебя держат обязанности, и ты должен их выполнить, и вот ведь самое странное — тебе самому хочется сделать работу как можно лучше... Так было, когда готовили проект, так было и в Москве...

Ах, Москва! — человеческий водоворот на обледенелых тротуарах, теплые вихри из стеклянных дверей метро, строгие лица гостиничных служительниц. Все куда-то бегут, спешат, невольно и ты ускоряешь шаг.

Ты мчишься на очередное заседание, где сидит множество незнакомых людей, и отвечаешь на вопросы, и тычешь указкой в пролив Дрейка, порядком уже надоевший. А потом профессор Рыбаков ведет тебя еще в какие-то кабинеты, и люди с важной осанкой, в темных костюмах вежливо пожимают тебе

руку, и опять расспросы, возражения, сомнения, и снова расспросы.

И бумаги. Нарастающие лавинообразно бумаги.

Он с трудом запоминал фамилии людей, с которыми ежедневно сталкивался и которые уже не только выслушивали его, но и чего-то требовали, торопили. И уже кто-то из них поставил ему, Уру, «на вид» за непредставление в срок какого-то заключения. И кто-то уже его отчитал и предупредил о «принятии более строгих мер».

Почти все время Нонна была рядом. Она решительно ввязывалась в разговор, когда Ур растерянно умолкал на многолюдных заседаниях. Она не давала ему утонуть в бумагах и заблудиться в длинных коридорах, помогала писать докладные и представлять дополнительные сведения. Она следила, чтобы он не забывал обматывать шею теплым шарфом и не терял перчаток (стояли морозы, и Ура, непривычного к ним, был озоб, если приходилось долго идти по улицам или ожидать троллейбуса).

Где-то носился параллельным курсом Валерий. Рыжая его бородка мелькала в кабинетах Академснаба и экспериментальных мастерских одного из академических институтов, где выполняли срочный заказ на изготовление десятка измерительных приборов необычной конструкции. Главной составной частью приборов были небольшие стержни трехгранного сечения из чистого ниобия. Валерий тоже с трудом поспевал управляться, и ему тоже «поставили на вид» — впрочем, как вскоре оказалось, «поставил» человек, не имевший к нему ни малейшего отношения.

В последние дни в этом водовороте появилась Вера Федоровна. Она вносила некоторое спокойствие в страсти, разгоревшиеся вокруг вопроса о великом будущем пролива Дрейка. «Ограничимся на первом этапе комплексным исследованием Течения Западных Ветров, а дальше видно будет...»

Ур повернул голову влево. Нонна спала, ровно и спокойно дыша, и ему почудилась еле заметная улыбка у нее на лице. Что-то, наверно, приспело...

А Нонна не спала.

Беспокойно было на душе. Беспокойно за маму с ее гипертонией, никогда ведь еще не оставляла ее одну больше чем на три недели, а тут на целых четыре месяца... Беспокойно было при мысли о долгом плавании в высоких штормовых широтах: выдержит ли она, если ее укачивало даже при каспийских штормах? Впрочем, шторм на Каспии не уступит, пожалуй, океанскому...

Беспокойно было думать об Уре. Вот она вытащила его из колхоза, уговорила закончить проект, принять участие в экспедиции Русто. А дальше что? Если бы знать, что у него на уме... Почему-то кажется иногда, что он, Ур, и сам не знает, что с собой делать. А может, его неприспособленность, незащищенность кажущиеся? Может, это всего лишь хорошо рассчитанная маска?..

«Ох, Ур... мучение мое...»

Ужасно хотелось спать Валерию, но сон почему-то не шел. Мысли, оттесненные двумя сумасшедшими московскими неделями в какие-то подвалы сознания, теперь выплывали наружу — попробуй удержи...

Лил дождь. Бежала по улицам желтая вода. Автомобили волокли за собой буруны, как торпедные катера.

«У тебя невозможный ревнющий характер», — сказала Аня из-под мокрого зонтика.

«Не в ревности дело, — сказал он. — Просто мы очень разные».

«Значит, я должна переделать себя, принаоровиться к твоим взглямам и привычкам?»

«Слишком большая понадобится переделка. Не надо».

«Видишь, какой ты! Тебе даже и в голову не приходит, что и ты мог бы что-то переделать в своем характере».

«Чтобы принаоровиться к тебе? Я попытался это сделать, если хочешь знать...»

«Ты о чем?.. А, поняла — диссертация! Только не смей представлять дело так, будто я на аркане ташу тебя, великого бессребреника, к кандидатскому окладу!»

«Я не бессребреник и ничего не имею против кандидатского оклада. Но, видишь ли... не хочется халтуриТЬ... Материал, который у меня есть, годится для справочника, для пособия морякам, метеорологам... Конечно, и диссертация прошла бы на таком материале, но... В общем, не идет дело. Не могу... Подожду, когда у меня появятся свои идеи».

«А если не появятся?»

«Буду жить так. Без ученой степени».

Тут он услышал всхлип и, заглянув под зонтик, увидел, что Аня плачет, прикусив нижнюю губку. Не мог он видеть слез, душа у него от женских слез переворачивалась.

«Не плачь, — сказал он тоскливо. — Не надо, Аня. Сейчас поймаю такси и отвезу тебя домой. И закончим на этом».

Всхлипы усилились. Потом он услышал тоненький, жалобный, прерывающийся голос:

«Ну чем, чем я виновата... если люблю танцевать... если хочется жить интересно...»

«Ты не виновата, — подтвердил он. — Просто я слишком ревнив. Просто слишком много требую, когда хочу, чтобы ты на вечеринках не забывала о моем существовании. Просто я стар для тебя».

Они еще долго шли под дождем. Долго еще говорили и долго молчали. Все-таки было трудно вот так обрубить разом — усадить Аню в такси и отвезти домой. Но другого выхода не было, он это понимал. И, вылезши из такси у Аниного подъезда, он поцеловал ей руку, чего никогда в жизни не делал. Он чмокнул эту мягкую, мокрую от дождя ручку и, не оборачиваясь, пошел по пустынной улице, под слепыми от потоков воды фонарями.

Он шел, хлюпая по лужам. Шел, по горло переполненный горечью и жалостью к самому себе. И жалостью к Ане. Почему она так жаждет сделаться бездумной модной куклой? Что за поветрие обуяло нынешних девчонок?

А может, он действительно постарел и чего-то не понимает?..

Пытаясь совладать с собой, он нарочно громко сказал, обращаясь к ночному сторожу у магазина «Синтетика»: «Без поллитра не разберешься, как говорили в древнем Шумере...»

На Кипре, в аэропорту близ Никозии, пришлось несколько часов томиться в ожидании. Наконец объявили посадку на «каравеллу», выполняющую рейс на Мадагаскар. Посадка была непривычная — с брюха самолета. Улыбающаяся стюардесса проводила их на места второго класса, а другая стюардесса, немыслимо красивая, предложила синие дорожные сумки с надписью «Эр Франс».

Потом они поднялись в воздух и полетели в Африку.

Теперь все трое смотрели в иллюминаторы не отрываясь, боясь упустить хоть что-нибудь. Но вид был довольно однообразный, внизу потянулась пустыня, и лишь ненадолго, на какие-то минуты открылся их взглядам Нил в зеленых берегах.

А потом небо померкло, и темнота сгустилась с такой быстротой, будто вылили черную тушь из гигантского флаcona.

— Безобразие, — сказал Валерий, откинувшись в упругую мякоть кресла. — Раз в жизни собрался в Африку, так на тебе — ночной полет. Ведь куда мы летим? На Мадагаскар! А я этого совершенно не чувствую. Как будто я лечу в обыкновенную командировку в город Астрахань. Перемещение в кресле!

— Хватит брюзжать. Утром увидишь Мадагаскар во всей красе.

— Не хочу я ничего видеть. Как можно летать в темноте? Так и в Килиманджаро врезаться недолго...

Ворча таким образом, он возился в кресле, поудобнее устраиваясь, и вдруг заснул на полуслова.

Нонна тоже задремала. Где-то среди ночи ее разбудил голос стюардессы. Тихонечко, чтобы не разбудить спящих, старшая стюардесса — сперва по-французски, потом по-английски — от имени командира «каравеллы» поздравила бодрствующих пассажиров с пересечением экватора. Ни на кого это не произвело особого впечатления. А Нонна подумала вскользь, что, будь сейчас светло, можно было бы, вероятно, увидеть снежную шапку Килиманджаро. Тут ей показалось, что рука Ура, слегка прикасающаяся к ее локти, напряглась, странно отвердела. Резко повернув голову, Нонна посмотрела на него.

Однажды она уже видела на лице Ура это ужасное каменное выражение. Господи, подумала она, что у него за приступы? Не вывез ли он какую-то неведомую болезнь с той планеты? Он мучается, будто от боли, раздирающей голову... Вон как исказилось лицо.

— ...МЫ НЕ ПОНИМАЕМ ТВОИХ ПОБУЖДЕНИЙ. НЕ ПОНИМАЕМ, ЗАЧЕМ НУЖНА НОВАЯ ПОЕЗДКА? ЗАЧЕМ НУЖНО ДАВАТЬ ИМ НОВОЕ ЗНАНИЕ, КОТОРОЕ ОНИ МОГУТ ОБРАТИТЬ ПРОТИВ НАС, ПРОТИВ РАЗУМНОЙ ЖИЗНИ?

— Так получилось, Учитель..., Так получилось, что у меня воз-

никли обязанности. Я просто не мог здесь жить в стороне от их дел. Это невозможно...

— У ТЕБЯ ТОЛЬКО ОДНА ОБЯЗАННОСТЬ. ТЫ ЕЕ ЗНАЕШЬ.

— Да, я знаю. Я выполнял ее, насколько в моих силах...

— ТЫ ВЫПОЛНЯЛ ОБЯЗАННОСТЬ ХОРОШО. Но ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ МЫ ПЕРЕСТАЛИ ТЕБЯ ПОНИМАТЬ. ОТВЕТЬ НА ВОПРОС О НОВОМ ЗНАНИИ.

— Я прошлый раз сообщил о своем проекте. У меня нет уверенности, что он будет осуществлен. Но если будет, то они получат большое количество энергии. Они смогут за несколько десятилетий перестроить свою устаревшую техносферу...

— ЭТОГО НЕЛЬЗЯ ДОПУСТИТЬ. ОНИ НАПРАВЯТ НОВУЮ ЭНЕРГИЮ НА ВЫХОД В БОЛЬШОЙ КОСМОС. ПОГИБНУТ РАЗУМНЫЕ МИРЫ. ПОГИБНУТ ТЕ, КТО ТЕБЯ ВОСПИТАЛ И ПРИОБЩИЛ К РАЗУМУ...

— Нет! Они не станут уничтожать разумную жизнь!

— ТЫ САМ ПОДТВЕРДИЛ ИХ ВРОЖДЕННУЮ АГРЕССИВНОСТЬ. ТЫ САМ ПОСТРАДАЛ. ТЕБЕ НАНОСИЛИ УДАРЫ, И ТЫ НАНОСИЛ УДАРЫ. ЭТО МИР, ПОЛНЫЙ НЕНАВИСТИ.

— Это мир, полный противоречий. Да, много ненависти и насилия, но еще больше доброты и человечности...

— Я НЕ ПОНЯЛ.

— Человечность... Как объяснить тебе, Учитель... Это — когда любишь людей и делаешь им добро...

— ЛЮБИТЬ СЕБЕ ПОДОБНЫХ МОЖНО ЛИШЬ НА ОСНОВЕ ОБЩЕГО РАЗУМА. НЕВОЗМОЖНО ЛЮБИТЬ ТЕХ, КТО НЕНАВИДИТ, КТО НАНОСИТ УДАРЫ.

— Да, это так. Это, конечно, так... Но люди умеют любить и ненавидеть одновременно...

— ЭТО НЕВОЗМОЖНО.

— Мне трудно объяснить, Учитель, как пестра и многообразна здесь жизнь. Людей разъединяют границы, языки, социальное устройство и экономический уклад. Но многое их объединяет. Идеи мира и социальной справедливости объединяют огромные массы. Люди сознают глобальную опасность, скрытую в ядерном оружии. Это совсем не тот примитивный мир, которого у нас опасаются. Дикарь с атомной дубиной — это образ неправильный, неправильный!

— ПЕРЕДАЙ ПРАВИЛЬНЫЙ ОБРАЗ.

— Я не могу с ходу... Впрочем... Может быть, так: юноша с факелом у порога космоса

— ЮНОША — ЭТО ВОЗРАСТ, ЧТО ОЗНАЧАЕТ ФАКЕЛ? ГОТОВНОСТЬ ПОДЖЕЧЬ?

— Нет. Это факел знания.

— СОМНЕВАЮСЬ В ПРАВИЛЬНОСТИ ОБРАЗА. ФАКЕЛ НЕПОЛНОГО ЗНАНИЯ МОЖЕТ СТАТЬ ЗАПАЛОМ ДЛЯ ВОДОРОДНОЙ БОМБЫ. ТЫ УВЛЕЧЕН ЧАСТНЫМИ ФАКТАМИ, КОТОРЫЕ МЕШАЮТ ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКЕ. ТЕБЕ ПОНЯТНО ЭТО?

— Да. Но только...

— КОНЧАЕТСЯ УСЛОВНЫЙ СРОК, ТЫ ДОЛЖЕН ЕЩЕ РАЗ ВСЕ ОБДУМАТЬ И ГОТОВИТЬСЯ К ОТЛЕТУ...

Мадагаскар открылся рано утром — изрезанный зелено-коричневый берег над неправдоподобно синей водой. Громоздились горы, горы, в разрыве облаков ощерился затененным кратером вулкан. Заголубело горное озеро. Еще вулканы — целое семейство. Потом на высоком плато, обрывавшемся в зеленую долину, возникла россыпь островерхих домиков — должно быть, окраина Тананариве, столицы Малагасийской Республики.

Влажная жара охватила путешественников, как только они вышли из самолетного чрева. Здесь было лето в разгаре.

Они шли в толпе пассажиров за аэропортовским чиновником. Из группы встречающих, отгороженных барьером, им помахал бородач в тропическом шлеме и крикнул:

— Мосье Ур!

Ур узнал Шамона, оператора подводных съемок из Океанариума, и приветственно поднял руку. Шамон сказал ему что-то по-французски.

— Это сотрудник Русто, — сообщил Ур Нонне и Валерию. — Он приехал за нами и после формальностей увезет в Диего-Суарес. «Дидона» стоит там.

Спустя минут сорок, пройдя таможенный досмотр, они уже катили в расхлябанном микроавтобусе. Из радиоприемника рвался бешеный джаз, негр-водитель подсвистывал ему. Проехали по пестрым людным улицам Тананариве, потом дорога устремилась на север. Пошла горная местность, дикие нагромождения застывшей лавы, и вдруг за поворотом — тропический лес. Переезжали глубокие ущелья, в которых бурлили реки...

Было далеко за полдень, когда путешественники, изрядно усталые, несколько отупевшие от обилия впечатлений, въехали в Диего-Суарес. Здесь было жарко, гораздо жарче, чем на плато.

Микроавтобус остановился у обшарпанной двухэтажной гостиницы. Шамон расплатился с шофером и повел приезжих в отель. Тут они были встречены темнолицым пожилым портье как желанный божий дар и немедленно препровождены на второй этаж в номера. Шамон попросил их к шести часам по местному времени спуститься в ресторан и, простившись, ушел.

У себя в номере Валерий был приятно удивлен кондиционером. Аппарат работал слишком громко, но, вероятно, уж таков был мадагаскарский стиль. В комнате зноя не чувствовалось. А за окном пыльная улица, застроенная старыми домами колониального стиля, сбегала вниз, и в конце ее виднелись причал, черный борт торгового судна и нависшая над ним шея портального крана. Дальше протянулась полоска мола, а за ней синел океан. При мысли о том, что это Индийский океан, Валерий с силой хлопнул себя по бедрам и произнес вслух:

— Ай да Горбачевский!

Около шести они спустились в ресторан. В табачном дыму плыли столики, потные красные лица, салфетки, бутылки. Полированный ящик у стойки извергал громыхающую музыку.

Тут они увидели невысокого человека с сухим горбоносым лицом, энергично пробирающегося к ним между столиков. На нем была светло-зеленая рубашка и шорты такого же цвета.

— А вот и Русто, — сказал Ур.

Доктор Русто, склонив воинственный седой хохолок, поцеловал Нонне руку и сказал по-французски, что счастлив видеть очаровательную мадемуазель Селезнёфф. Затем он обнял Ура и похлопал его по спине. Валерию крепко пожал руку и столь же старательно, сколь и любезно повторил вслед за ним фамилию:

— Гор-ба-шез. Трез агреабльман*.

И он повел их в угол, где за сдвинутыми столиками сидел экипаж «Дидоны», навстречу дружелюбным улыбкам и карта-вому говору, и принялся представлять всех подряд, а бородач Шамон, смешно произнося русские слова, переводил. Впрочем, тут же выяснилось, что Нонна говорит по-английски, а Валерий с грехом пополам понимает, и тогда Русто перешел на английский.

— Пьер Мальбрэнш, — назвал он, и над столиком возвыглась высокая и гибкая фигура молодого человека с резко очерченным костистым лицом и каштановыми кудрями до плеч. — Мой помощник и штурман. А это Мюло, — представлял он дальше, и дочерна обожженный солнцем дядька с хитрым тонким носом и водянистыми глазами оторвался от стакана красного вина и, ухмыльнувшись, подмигнул Нонне. — Мюло — механик «Дидоны», неустршимое и болтливое дитя Прованса, прожигатель жизни и поджигатель подшипников. А это наш боцман Жорж, — продолжал Русто, и ладно сложенный креол в белом костюме почтительно наклонил курчавую голову. — Он родился неподалеку отсюда, на Майотте, и мечтает вернуться туда и обзавестись хорошим гаремом, но ничего из этого не выйдет, потому что я отпущу Жоржа, только когда перестану плавать, а плавать я никогда не перестану. Франсуа Бертолио, — назвал он следующее имя, и тотчас вскочил юноша с улыбчивым лицом, с большим родимым пятном на левой щеке, с длинными прямыми волосами соломенного цвета. — С его дядюшкой, Ур, вы хорошо знакомы: я имею в виду Жана-Мари, библиотекаря Океанариума. Франсуа ловил счастье в Париже, но найдет его, как я надеюсь, в океане. Это его первый рейс, и он будет помогать нам в лаборатории. Люсьена Шамона, мадемуазель и мосье, вы уже знаете. Здесь недостает Армана Лакруа, величайшего из ныряльщиков,смотрителя Океанариума. Ур, его вы знаете тоже. Арман остался на «Дидоне», потому что должен же кто-то оставаться на судне, когда команда на берегу. Кроме него, на судне моторист Фрето. Еще матрос, нанятый мною здесь, он должен явиться на борт завтра, перед отплытием, — и вот, дорогие друзья из России, весь экипаж «Дидоны». А теперь, — Русто поднял свой стакан, — мы выпьем за самого очаровательного из всех океанологов, каких мне только доводилось видеть, — за мадемуазель Селезнёфф.

— Вив! — дружно крикнул экипаж.

Раскрасневшаяся Нонна поблагодарила и отпила из фужера необыкновенно вкусного красного вина, и тут же на ее тарелке выросла гора салата, и была придвижута еще тарелка с рыб-

* Очень приятно (франц.).

ным блюдом необычного вида, и чашка с пряным напитком, не то супом, не то соусом, — и Нонна счастливо засмеялась и принялась за еду. Русто сразу завел с Уром спор о методиках предстоящих измерений, они перебивали друг друга и чертили на бумажных салфетках схемы.

Затем Русто предложил тост за Ура, немного погодя — за «мосье Горбашез», и еще дважды прозвучало дружное «вив». Шамон кинул монету в музыкальный ящик и увел Нонну танцевать.

Утром Валерия разбудил солнечный луч, невежливо пощекотавший в носу. Он встал со смутным беспокойством от того, что «хватил» вчера лишнего, и пошел под душ. Потом появился Ур, и они постучались к Нонне. Валерий вошел к ней, заранее приготовляясь к отпору. К его удивлению, обошлось без нотаций. Нонна стояла у окна, обведенная солнечным контуром, и улыбка ее — странное дело! — показалась Валерию смузшенной.

— Из нас троих, — сказала Нонна, — вчера только Ур сохранил ясную голову.

— Они чудные ребята, с ними просто и весело. Но много пьют, особенно этот механик...

— Ясно, ясно, мадемузель Селезнёфф, — сказал Валерий. — Учтем это дело и перейдем к следующему.

— Да, Валера, очень прошу тебя учесть. Договорились? Теперь так: мы перебираемся сегодня на «Дидона» и отплываем на эти острова...

— Какие острова?

— Ты разве не слышал, что говорил вчера Русто? Он хочет показать нам Коморские острова. Говорят, было бы жестоко не показать такую красоту. Кроме того, насколько я поняла, он хочет повидаться там со своим старым другом, ихтиологом по фамилии Ту... Нет, забыла... Ну вот. Вчера «Дидона» прошла размагничивание, сегодня погрузка, потом отплываем на Коморы. А через два дня уйдем в океан. Такова программа. Здесь очень хороший кофе, пойдемте выпьем по чашечке.

Внизу, в баре, они сели на высокие табуреты перед стойкой. Нонна и Валерий выпили кофе, а Ур — три бокала сока манго. Тут и разыскал их Франсуа Бертолино, посланный доктором Русто за ними.

Приехали в порт. Уже порядочно палило солнце, чуть ли не с самого утра забравшееся в зенит. Влажная духота обволакивала каменные пакгаузы и краны, корпуса судов у причалов, полуголых коричневых грузчиков.

И вот она, «Дидона». Чистенький белый корпус, изящная надстройка, солидные кран-балки и лебедки на низкой корме. Грузовая стрела поднимала с причала ящики и опускала в трюм, и было слышно, как распоряжался, кричал что-то грузчикам маленький смуглый боцман Жорж, работавший у лебедки стрелы.

Коробочка тонн на четыреста, подумал Валерий, окинув судно опытным глазом. А вслух сказал, торжественно протянув руку:

— Привет тебе, «Дидона», сестра «Севрюги» нашей!

В третьем часу дня, покончив наконец с береговыми делами, «Дидона» оторвалась от стенки причала и малым ходом пошла к выходу из гавани. Стая белых чаек устремилась за ней.

Бунгало Турильера, старого друга доктора Русто, стояло на берегу прекрасной бухты, замкнутой коралловым барьером. Почти весь день наши путешественники плескались в бухте, ныряли и охотились за рыбами с ружьями для подводной стрельбы. Рыбы тут были поразительные, особенно одна — расписанная красными и белыми квадратами, хоть в шахматы на ней играй.

Все остальное время Валерий не расставался с кинокамерой, запечатлевая на цветную пленку красоты острова Гранд-Комор.

Уже некоторое время из соседнего селения, скрытого прибрежным лесом, доносились звуки барабана. Теперь они усилились. Турильер, сидевший в кресле на веранде, очнулся от послеобеденной дремоты. Прислушавшись к барабанам, сказал, что в селении празднуют свадьбу.

— А можно пойти туда? — спросила Нонна..

Решили идти лесом, чтобы заодно посмотреть, как пробуждаются от дневной спячки лемуры.

Сумеречно было в лесу. Раздвигая лианы, свисающие с ветвей деревьев, путники медленно продвигались следом за Турильером. Вскоре набрели на целую стаю лемуров. Пушистые длинноухие зверьки прыгали с ветки на ветку, тихонько вереща и не обращая особого внимания на людей. Один сидел, свесив толстый хвост, и быстро сжевывал веточку с листьями, придерживая ее коротенькими передними лапками. Другой висел вниз головой, зацепившись хвостом за сук.

Потрескивал кустарник под ногами. Сгущалась темнота. Запрыгали лучики карманных фонариков, которыми Турильер заранее снабдил своих гостей. Ближе, ближе стучали свадебные барабаны.

Нонна вздрогнула от резкого крика, раздавшегося где-то на верху. Враз взметнулись лучи — в их свете возник красновато-черный лемур почти метрового роста. Он сидел на ветке, жутковато светились его немигающие пристальные глаза, уши стояли торчком. В следующий момент лемур прыгнул на ветку повыше, и путники увидели, что на его брюхе висит, вцепившись лапками, детеныш цветом посветлее.

— Это самка! — в восторге воскликнула Нонна. — А какой лемурчик чудный!

— Лемурчик как огурчик, — пробормотал Валерий, стрекоча кинокамерой.

— Тихо, — сказал вдруг Турильер.

Уже несколько минут он прислушивался к шорохам, к торопливым каким-то шагам в лесу. Посветил в ту сторону, но, кроме шершавых стволов и кустарника, ничего не увидел. Потом он обвел лучом фонарика ноги своих спутников.

— Нас четверо, — сказал Турильер. — А было пятеро. Кого-то нет.

Не было Ура.

Кричали долго, отчаянно. Нонна сорвала голос. Проклинала

себя: увлеклась интересным разговором, уши развесила... забыла, что за Уром, как за ребенком, надо приглядывать... Где он, господи боже? Что еще с ним стряслось?..

— Опасных для человека зверей на Коморах нет, — сказал Турильер. — Вот что, хватит кричать. Идите-ка втроем обратно до самого бунгала и смотрите в оба. А я потопаю за вас. Не собьешься с тропинки, Люсьен?

— Нет, — ответил Шамон. — А как же ты...

— Я тут у себя дома, — рявкнул Турильер. — Ну марш!

Шли скорым шагом. Во всем этом — в верещании лемуров и в хлопанье крыльев огромных летучих мышей, в нервной пляске фонариков, обшаривавших лес по обе стороны тропинки, во всей этой душной коморской ночи было нечто фантастическое.

Не улетел ли он на своей лодке, про которую рассказывают, что она будто бы сваливается прямо-таки ему на голову при мысленном зове?.. Мог ли он так поступить — без предупреждения, без прощания?.. Мог, мог! Было ведь уже однажды...

Они вышли из лесу. На террасе бунгала горел свет, там сидел кто-то.. Нет, не Ур... Доктор Русто и Арман давно ушли на шлюпке на «Дидону»... Ах, это слуга Турильера!..

— Жан-Батист, — окликнул его Шамон, ускоряя шаг. — Эй, Жан-Батист! Ты один дома?

— Нет, мосье, — сказал старый слуга. — Еще дома господин, который недавно пришел. Кушать не хотел, пить не хотел. Сразу пошел к себе в комнату.

Небольшой холл был слабо освещен лампочкой. Скрипели половицы, устланые пестрыми циновками. Нонна толкнула дверь в комнату Ура. Там было темно.

— Ур! — позвала она, чувствуя, что сердце колотится где-то у горла.

— Что? — ответил из темноты спокойный голос.

Валерий нашарил выключатель, зажег свет. Ур лежал на кровати, закинув руки за голову. В комнате было душно, окно задернуто тяжелой шторой, сплетенной из тростника.

— С ума ты сошел? — накинулся на Ура Валерий. — Шел с нами и вдруг исчез. Не мог сказать по-человечески, что решил вернуться? Что за фокусы, черт дери, ты выкидываешь?!

Ур сел на кровати. Что-то у него мелькнуло в глазах печально-виноватое — такое выражение бывает у собаки, когда ее ругает хозяин.

— Перестань, — сказала Нонна Валерию.

— Что «перестань»? — озлился тот. — У них на планете, может, принято исчезать в лесу и заставлять людей бегать, как борзых, а у нас не принято. Не принято, понятно? — гаркнул он на Ура. — А ну вас, — махнул он рукой и вышел.

Было слышно, как на террасе он сказал Шамону:

— Такие дела, друг Люсьен. Хоть стой, хоть падай, как говорили в древнем Шумере...

Ур был очень расстроен. Он сидел сгорбившись, бессильно уронив большие руки между колен и глядя остановившимся взглядом в угол комнаты, где стояли стеклянные кубы аквариумов на грубо сколоченных подставках. Нонна села на табуретку.

— У тебя опять был приступ? — спросила она. — Голова болит?

— Нет...

— Почему же ты вернулся с полпути?

Ур покал плечами.

Там, в лесу, его внезапно охватило ощущение засады. Почутились ли ему шаги где-то сбоку, чей-то шепот, чье-то тайное присутствие? Он вскинул фонарик. Там, где свет его иссякал, погружаясь в ночную темень, колыхались кусты. И будто бы удаляющиеся быстрые шаги... Что это было? Игра воображения? Возня лемуров? Он стоял некоторое время, прислушиваясь. Четыре прыгающих светлячка — фонарики его спутников — удалялись; удалялся и затихал хриплый голос Турильера. Тревога не отпускала Ура. И он погасил свой фонарик и пошел, все более ускоряя шаг и напряженно взглядываясь в тропинку, слабо белевшую во тьме. Ни о чем больше не думая, пошел обратно. Он слышал крики. Кажется, звали его, Ура. Но голос внутренней тревоги все заглушал и гнал, гнал его поскорее из лесу...

Обо всем этом, однако, он не мог рассказать никому. Даже Нонне.

— Ур, — сказала она, — я просто не могу видеть тебя таким мрачным. Иногда мне кажется, что ты болен... не могу понять, что с тобой происходит... Тебе плохо с нами?

— Нет. — Теперь его взгляд прояснился. — Но я вам только мешаю.

— Не смей так... Ничего подобного! Валерка сгоряча тебе наговорил. Просто мы очень встревожились, когда ты исчез...

— Я мешаю, — повторил он с затаенной горечью. — Я ведь вижу... тебе приятно и весело с Шамоном, а я только порчу тебе настроение.

— При чем тут Шамон? — изумилась Нонна.

— Он танцует с тобой... ухаживает...

— Ур! — Нонна не верила своим ушам. — И это говоришь мне ты? Ты?

— Кто же еще? — ответил он с обычной своей добросовестностью. — Здесь никого больше нет.

Господи, он ревнует! Нонна поднялась, будто подброшенная приливной коморской волной. Ур тоже встал. Высоко поднятые брови придавали его лицу страдальческое выражение.

— Кажется, придется выяснить отношения, — сказала Нонна, глядя ему прямо в глаза. — Ну вот... как, по-твоему, я к тебе отношусь?

— Ты относилась ко мне очень хорошо. И в Москве, и раньше. А теперь я не знаю, как ты ко мне относишься. По-моему, тебе со мной скучно, потому что...

— У вас на Эире все такие? — прервала его Нонна. — Ты ребенок, Ур. Надо быть таким набитым дураком, таким олухом, незрячим младенчиком, как ты, чтобы не видеть... чтобы не видеть, что я тебя люблю.

— Нонна! — вскричал он.

— Что «Нонна»? Что «Нонна»? — лихорадочно продолжала она, стискивая руки. — Мучение ты мое! Не должна, не должна — понимаешь ты это? — не должна женщина первой при-

знаваться в любви, не должна даже тогда, когда перед ней чувственный чурбан...

— Нонна... — Ур шагнул к ней, осторожно взял за плечи, глаза у него сияли. — Еще, еще ругай меня.

Она заколотила кулаками по его груди.

— Надо быть человеком, понимаешь ты это? Человеком, а не пришельцем безмозглым, не истуканом месопотамским...

— Буду, буду человеком...

Ур с нежностью погладил ее по голове.

— О-ох! — Нонна взяла его руку, прижала к мокрой от слез щеке.

В порту Сен-Дени на острове Реюньон Ур отказался сойти на берег.

— Да ты что? — удивился Валерий. — Посмотри, какая красотища тут. Пожалеешь, Ур!

Реюньон и верно был красив в зеленом убранстве тропических лесов. Пальмовые рощи словно сбегали с холмов, чтобы поглядеться в синюю воду. Дальше громоздились горы, их венчал вулкан Питон-де-Неж.

— Действительно, — сказала Нонна, испытующе глядя на Ура, — почему ты решил остаться на судне?

— Не хочется мне на берег, Нонна...

— Дело твое. Пошли, Валера.

Они поднялись по сходне на высокую стенку причала и в сопровождении Шамона и Мюло направились в город, будто срисованный с рекламного туристского плаката. Русто и Мальбранши ушли раньше — у них были свои дела в порту.

Некоторое время Ур стоял на баке, глядя, как швартуется по соседству промысловое судно — небольшой траулер с коротышкой трубой и непонятным вылиневшим флагом.

— Мосье Ур...

Ур обернулся и увидел улыбающееся лицо Франсуа.

— Мосье Ур, если хотите, я останусь за вас на судне, а вы...

— Нет, Франсуа. Вы идите гуляйте. Купите для своего дядюшки открытки с видами.

— Ладно, мосье Ур. Если вам захочется пить, кока-кола в холодильнике в кают-компании.

Ур прихватил бутылку кока-колы и пошел в свою каюту, лег на койку, закинув руки за голову. За открытым иллюминатором плескалась вода, солнечные зайчики бродили по каюте. Доносилась с верхней палубы голоса Армана и Жоржа.

«Все нормально, все хорошо, — сказал себе Ур. — Один ты маешься, сам себе не даешь покоя...»

Он сел к столу и, отстегнув клапан, вытащил из заднего кармана свой блокнот. Нажал кнопку, и пленка плавно пошла, перематываясь с катушки на катушку. Стоп. Ур надолго задумался.

Потом взял тонкий стерженек и начал писать на пленке. Медленно, раздумывая, он наносил на ее край мелкие значки.

Текли часы. Солнце ушло с этого борта за другой. Взвыла лебедка — это боцман пустил стрелу и начал погрузку. Ну да, здесь судно должно принять дополнительную толику продовольствия и горючего перед дальним переходом на Кергелен.

А Ур все сидел и выводил на краю пленки значок за значком.

Наверху затопали, раздались смех, шумные голоса. Ур закрыл блокнот, и в этот момент распахнулась дверь, в каюту ворвался Валерий. За ним вошли Нонна и Шамон.

— Много потерял! — начал Валерий с порога. — Ох и городок пестрый, в глазах до сих пор рябит. Хочешь сахарный тростник пожевать?

— Такое впечатление, — сказала Нонна, — что тут все живут на улицах. Богатый остров, райская природа, а беднота ужасная. Ур, мы купили тебе шлем как у Шамона. Ну-ка примерь.

Пробковый шлем оказался впору. Нонна обрадовалась, что угадала размер головы. А Валерий сказал, критически прищурясь на Ура:

— Вылитый Тиглатпалассар *.

Перед ужином Ур постучался к Нонне в каюту.

— Нонна, я хочу дать тебе вот эту штуку, — сказал он.

— Что это? — Она вскользь взглянула на его протянутую ладонь, на которой белело нечто вроде мелкой пуговицы.

— Пусть это будет у тебя. На случай, если... если со мной что-нибудь случится...

Нонна резко повернулась к нему.

— Что это значит, Ур? Что может с тобой случиться?

— Надеюсь, что ничего. Я ж говорю — просто на всякий случай.

Нонна взяла двумя пальцами крохотный моток узкой, не больше трех миллиметров шириной, пленки.

— И что я должна с этим сделать?

— Проглотить.

— Ур... ты разыгрываешь меня?

— Нет, Нонна, это полоска кодовой информации. Но какой, я не могу сказать. Потом я тебе расскажу все. Когда придет время.

Глава четырнадцатая

БРАВЫЕ ВЕСТЫ

Настал день, когда «Дидона» вошла в Течение Западных Ветров — Бравые Весты, как называли его французы. Под сорок пятным градусом южной широты Русто, не доходя до островов Крозе, повернул судно на восток.

Был холодный день со шквалистым ветром и дождем. Белыми барашками покрылся океан. Но изматывающая бортовая качка теперь, после перемены курса, почти не ощущалась, ее сменила кильевая. «Дидона» как бы отбивала вежливые поклоны волнам. Войдя в скопление плавучих водорослей, характерное для граничных зон больших течений, она легла в дрейф.

Заработали лебедки, отправляя за борт приборы и планктонную сетку. Ур вынес на верхнюю палубу ниобиевый прибор. Он был увесист, но Ур отказался от помощи подскочившего

* Ассирийский царь.

Франсуа и сам погрузил прибор в воду. Кабель от прибора протянули в лабораторию к самописцу.

Вскоре были получены первые результаты измерений. Температура воды здесь, на северной границе Бравых Вестов, оказалась чуть выше тринадцати градусов тепла, скорость течения — около двух километров в час. Нонна с Валерием занялись магнитными измерениями, потом они вычислили величину электродвижущей силы, паведенной в течении. Здесь, в соленой токопроводящей воде, фарадеевский эффект проявил себя несравненно лучше, чем на безвестной речке Джанавар-чай, но в общем, конечно, такие ничтожные токи не могли иметь никакого практического значения.

— Ну, что у тебя? — Валерий нетерпеливо заглянул через плечо Ура на самописец, подключенный к ниобиевому датчику.

Когда расшифровали записи, Нонна ахнула: «дополнительная» величина ЭДС оказалась невероятно большой. Рядом с ней цифры, полученные летом на Джанавар-чае, выглядели просто убогими.

Русто не поверил, когда ему показали результат измерений. Пришлось повторить замер, и Русто самолично наладил лентопротяжный механизм, подозревая его во вранье. Однако повторный замер подтвердил предыдущий.

С погасшей сигарой во рту Русто прошелся взад-вперед по узкому проходу лаборатории. Его сухое горбоносое лицо как бы вытянулось, костиистый подбородок ушел в воротник мохнатого свитера. Потом Русто сел на стол, выхватил изо рта сигару и наставил ее на Ура.

— Извольте, сударь, — сказал он, — членораздельно рассказать о своих чудесах. Что еще за космическая составляющая в океанских течениях, дьявол ее побери?

Он слушал объяснения Ура придирчиво: переспрашивал, бурно возражал, уточнял формулировки.

— Ах, значит, дело не столько в ниобии, сколько в инопланетной пленке! — воскликнул он. — Что за материал? Какова структура? Ах так, вы не знаете! Послушайте, Ур, еще никому не удавалось провести меня, кроме губернатора Макао, и поэтому не воображайте, что я...

— Даю вам слово, доктор, честное шумерское слово, что не знаю, как и из чего делают эту пленку. Знаю лишь ее основные свойства, по ним и высмотрел в таблице Менделеева относительно похожий элемент — ниобий. Но и он недостаточно активен. Надо искать сплавы на основе ниobia.

— Искать сплавы, — повторил Русто, разжигая сигару. — И вы уверены, что ваши сплавы будут преобразовывать космическое излучение в электрический ток? Что? Да, я помню, вы что-то говорили об упорядочении геомагнитного поля. Значит, одно непременно связано с другим? Вы как будто спите, Ур. Неужели вы не можете внятно излагать свои мысли? Что за косноязычие?

— Но вы не даете мне говорить.

— Я? — вскричал возмущенный Русто. — Да я только и делаю, что вытягиваю из вас клещами слова. Говорите же, или я прикажу вздернуть вас на рею.

Он выслушал Ура, попыхивая сигарой, потом опять прошелся по лаборатории.

— Так-так, — сказал он. — Установка в проливе Дрейка. Очень мило, сударь, очень благородное у вас намерение — напоить планету дешевым электричеством. И вы полагаете, что это вам удастся? Что вы шлепаете своими толстыми губами? Отвечайте.

— Не знаю, что вам ответить, доктор, — усмехнулся Ур. — Всё сами, кажется, видели...

— Видел, — энергично кивнул Русто. — И еще увижу. Будь я проклят, если мы не обойдем все кольцо Бравых Вестов и не выудим вашу «сверхэнергию» из каждого десятка миль. Я о другом спрашиваю: неужели вы всерьез полагаете, что вам разрешат осуществить ваш проект и осчастливить человечество?

— Если проект получит достаточное теоретическое и экспериментальное основание, то он будет принят. По-моему, такое мнение сложилось в Москве. Разве не так, Нонна?

— Так, — подтвердила она.

— В Москве! — воскликнул Русто. — Насколько я понимаю, проект имеет глобальный характер.

— Разумеется, — сказала Нонна. — Проект предполагает широкое международное сотрудничество. Иначе его не осуществить. Нужна договоренность на уровне правительства.

— Умница, Нонна, умница! Но тут-то, дорогие мои друзья, и выйдет осечка. У вас в Москве просто: есть хороший проект, сулящий энергетическое изобилие, и ничто не мешает правительству его принять. Иное дело — ваши партнеры на Западе. С чего это, например, мистер Симпсон разрешит конгрессу Соединенных Штатов принять проект, от которого ему, Симпсону, не отломится ничего, кроме разорения?

— Какой мистер Симпсон? — спросил Ур.

— Не нравится Симпсон — пусть будет Гетти, Рокфеллер, уж о них-то слышали? Легко сказать — дешевая электроэнергия. А как быть с нефтяными и угольными концернами? Распустить за ненадобностью? Ха, как бы не так! Они сами кого угодно распустят. Или вы не слышали, что случается на Западе с изобретателями? В свое время Рудольф Дизель нанес удар фабрикантам паровых машин — и смерть его осталась тайной для всех. Не утверждаю, что так бывает всегда. Но факты есть факты. Изобретатели поумнее продают патенты кому следует — для вечного погребения в сейфах. А несговорчивые изобретатели исчезают без вести, попадают в автомобильные катастрофы — им нельзя жить. Теперь представьте себе, как ласково посмотрят правления концернов на проект производства энергии без ископаемого топлива.

— Но ведь существует Организация Объединенных Наций, которая...

— В ЮНО* сидят представители правительства. А президенты и премьеры, даже самые радикальные, дорожат своей жизнью не меньше, чем простые смертные.

— Так что же? — упавшим голосом спросил Ур. — Выходит, дело настолько безнадежно, что и затевать не стоит?

* ЮНО — принятное на Западе сокращенное название ООН.

— Кто сказал, что не стоит? — рявкнул Русто, грозно сдвинув брови. — Да если эта штука не случайный курьез, если Бравые Весты подтвердят ее на всем своем протяжении, то мы не станем сидеть сложа ручки, как последние олухи. Мы опубликуем результаты исследования, мы обратимся к ученым всего мира, к правительству, в ЮНО, к самому господу богу! Мы будем долбить и долбить в одну точку! Не из одних баранов, слава тебе господи, состоит человечество!

В полосе Течения Западных Ветров «Дидона» шла на восток. Погода ухудшилась. Крепчал ветер, давший название течению, небо плотно заволоклось тучами. По всему океану, из края в край, паслись бесчисленные белые барашки. Даже не верилось, что это тот самый океан, который еще так недавно был ярко-синим, теплым, лениво колышущимся под солнцем тропиков.

Качка вконец измучила Нонну. Аэрон уже не помогал. Она держалась на пределе сил, на упрямом нежелании поддаться собственной слабости. Вид и запах еды вызывал у нее отвращение. Она перестала ходить в кают-компанию. Жорж таскал ей в каюту черные сухари и кофе с лимоном. Но каждое утро, осунувшаяся, побледневшая, она исправно заявлялась в лабораторию и садилась за работу. Одно только и было спасение — привычный ритм работ. Нонна хмурилась, ловя на себе сочувственные взгляды мужчин. И втайне мечтала о земле.

Но вот на экране судового локатора, поставленного на пятидесятимильную дистанцию, появилась мерцающая зеленая тень — очертания острова Кергелен. Здесь «Дидона» должна была пополнить припасы, здесь предполагался отдых перед следующим отрезком кругосветки — дальним переходом до Сиднея.

Особых формальностей со съездом на берег не было. На судне остались Арман, матрос-мальгаш и моторист Фрето, жаждавший высপаться после трудной вахты. Остальные заторопились в спущенную с левого борта шлюпку. Остальные — кроме Ура.

— Опять ты решил остаться? — спросила Нонна, задержавшись у трапа. — Пойдем с нами, Ур. Неужели тебе не хочется осмотреть остров?

— Нет... Лучше я побуду на судне.

— Лучше, конечно, нам всем быть вместе. Но поскольку тебя не переубедишь... Не стой на ветру с открытой шеей, на дне кашне.

С этими словами Нонна спустилась по трапу, и шлюпка под ударами весел понеслась к близкому берегу.

Русто с Милю и Жоржем направились к домику местной администрации, чтобы договориться о погрузке на завтра. Здесь, на Кергелене, была база топлива и продовольствия для промысловых судов. Остальные «дидоновцы» пошли по деревянным мосткам небольшого поселка, миновали с полдесятка домиков, сарай из гофрированного железа и очутились у крутого обрыва, под которым шли и шли на приступи угрюмого берега волны, несущие пенные гребни.

Резким голосом вскрикнул поморник, ходивший кругами в сумрачном небе. Сгущались ранние сумерки. Призрачно белела

на темнеющем небе ледяная голова горы Росса. «Дидоновцы» повернули обратно к поселку.

В портовой таверне их уже ожидали Русто, Мюло и боцман Жорж. Здесь было шумно и накурено. Сидевшие за столами зверобои в кожаных и меховых доспехах, в зюйдвестках и высоких сапогах словно бы сошли со страниц пиратских книжек. Над стойкой высились грузная фигура бармена с бритым черепом и застывшей улыбкой, открывавшей два ряда металлических зубов.

Заказали вина и рома.

Разбитной кельнер со стуком поставил на стол бутылки, потом принес блюда с салатом и жареной рыбой.

— А где Франсуа? — спросил Русто. — Разве он не сошел на берег?

— Он был с нами, — сказал Мальбранш, — но в таверну не захотел идти. Я отправил его на судно. Пусть выпьется.

— Бедный мальчик, — сказал Русто. — Это его первый рейс, но держится он молодцом, не так ли, друзья? — Он поднял стакан. — Ваше здоровье, милая Нонна. Вы тоже держитесь молодцом.

Часа два спустя они вышли из таверны в ветер и темень и направились к пирсу, освещенному подслеповатым фонарем. Шлюпки у пирса не оказалось — ну да, ее же увел Франсуа обратно на судно. «Дидона» стояла недалеко от берега, вон светятся ее огни в тусклых ореолах.

— На «Дидоне»! — крикнул Мюло, приставив ладони рупором ко рту. — Эй, Арман!

Молчание. Только завывал штормовой ветер.

— На «Дидоне»! — гаркнули все хором, а Валерий свистнул в два пальца.

— Есть «Дидона»! — донесся голос матроса-мальгаша. Его фигура возникла под кормовым фонарем.

— Гони сюда шлюпку!

— Шлюпка у пирса! — последовал ответ.

— Нету у пирса! — заорал Мюло. — Давай гони скорее!

— У другого пирса! Правее! Пра-аво смотри-и!

И верно, у соседнего пирса, метрах в двухстах, покачивалась белая шлюпка. Пришлое идти туда.

— В чем дело, Жильбер? — спросил Русто, первым поднявшись по трапу на борт «Дидоны». — Почему шлюпка была привязана у другого пирса? Кто на берегу?

— Мосье Ур и Франсуа, — ответил мальгаш.

— Ур на берегу? — удивилась Нонна. — Вы не ошиблись, Жильбер?

— Я ошибся? — Мальгаш засмеялся. — Значит, мои глаза не мои. Значит, я не видел, как Франсуа приплыл на шлюпке, а потом он вышел вместе с мосье Уром, и они сели в шлюпку.

— Они ничего не сказали? Нет? А почему пошли к другому пирсу? — спросил Русто. — Впрочем, откуда тебе знать. Где Арман?

— Мосье Арман спит, я сменил его в девятнадцать. И Фрето спит.

— То, что Фрето спит, слышно на весь Кергелен. Значит, ты сменил Армана, — Русто взглянул на светящийся циферблат

своего хронометра, — два часа с четвертью тому назад. А когда ушли Ур и Франсуа?

— Я принял вахту, и тут приплыл Франсуа. Очень скоро.

— Выходит, они уже почти два часа на берегу...

— Не понимаю, — сказала Нонна Валерию. — Не понимаю, что заставило Ура сойти на берег. Куда мог повести его Франсуа?

— Ну, мало ли, — сказал Валерий. — Может, они решили присоединиться к нам, но по дороге их что-нибудь задержало...

— Не понимаю. Не понимаю, — твердила Нонна, стискивая щеки ладонями. — Он не хотел сходить на берег. Он чего-то боялся...

— Боялся? — Валерий вытаращил на нее глаза. — Первый раз слышу. Да брось, что еще ты выдумала! Пойдем в каюту, может, он там записку оставил.

Они прошли в каюту, которую занимали Ур и Валерий. Никакой записи тут не было. На столе лежали раскрытый атлас морей, стопка книг, учебник французского языка, какая-то плоская коробочка.

— Смотри-ка! — Валерий схватил коробочку. — Это же его блокнот! Ну, значит, Ур отлучился ненадолго, он же никогда с блокнотом не расстается.

Бодрый тон и уверенность Валерия подействовали на Нонну успокаивающе. Но время шло, а Ур и Франсуа все не возвращались. Тревога с еще большей силой охватила ее. И когда Русто решил отправить на берег поисковую группу, Нонна заявила, что пойдет тоже.

— Вам не надо, Нонна, — уговаривал ее Русто. — Не женское занятие лазать по скалам.

Но она настояла на своем. И отправилась с Арманом, Валерием и Шамоном на берег. Блокнот Ура она взяла с собой.

Они высадились на тот пирс, к которому, по словам мальчика, ушли Ур и Франсуа. Светя ручными фонариками, пошли по стонущим деревянным мосткам к домику администрации. Заглянули на местную радиостанцию. Безрезульятно. Ледяной ветер ударил им в лицо, когда они повернули к таверне. Тут стало еще больше народа, красные, разгоряченные лица гроздьями висели в сплошном табачном дыму. Расспросы ничего не дали — ни бармен, ни зверобой, сидевшие тут, и понятия не имели, куда подевались двое из экипажа «Дидоны».

Обошли один за другим все домики поселка. Безрезульятатно. Миновали склад — длинный сарай из гофрированного железа. Дальше протоптанная дорожка уходила к обрыву, к диким нагромождениям скал, в необжитую тундру. Долго кричали, звали, мучительно вслушивались, не принесут ли порывы ветра ответный зов. В темной пристройке саража вдруг возник прямоугольник света и в нем — силуэт человека с красным огоньком сигареты.

— Кого вы потеряли, ребята? — спросил по-французски старчески надтреснутый голос.

Арман устремился к нему и вступил в разговор. Нет, этот человек, оказавшийся кладовщиком со склада горючего, ничего не знал о пропавших. Да никуда они не денутся, добавил он, где-нибудь надрались и отсыпаются теперь, что еще на Керг-

лена делать в штормовую погоду? Вечером вот тоже — ходили тут, искали кого-то, а потом понесли пьяного. Нашли, значит...

— Ты этого пьяного видел в лицо, приятель? — спросил Арман.

— Где ж видеть, когда темнота уже пала? Мне ни к чему приглядываться. Пьяные все на одну морду.

Дальше идти было некуда. Сели в щлюпку и направились к ближайшему промысловому судну. На крики свесилась с кормы голова в капюшоне, грубый голос ответил, что таких здесь не было и нет, проваливайте отсюда. Примерно так же отвечали на других судах, а один вахтенный посоветовал пойти поискать пропавших на ближайшее тюленье лежбище или отправиться следом за сумасшедшим траулером, который недавно снялся с якоря и ушел в океан.

Так, ничего не узнав, вернулись на «Дидону». Тут Русто с погасшей сигарой в зубах ходил взад-вперед по палубе и все смотрел, смотрел на бесприютный берег.

Нонна позвала Валерия в каюту.

— Слушай, — сказала она, глядя на него глазами, полными тревоги и какой-то отчаянной решимости. — То, что я тебе скажу, не должен знать никто. — Она вынула из кармана брюк бумажный пакетик и извлекла из него таблетку, как показалось Валерию. — Еще на Реюньоне Ур дал мне эту штуку и велел ее проглотить, если с ним что-нибудь случится...

Валерий осторожно взял «таблетку» и рассмотрел ее под лампой.

— Это пленка из его блокнота, — тихо проговорил он.

— Он сказал, что здесь закодирована какая-то информация.

Нонну тряслось. Вдруг она выпрямилась, решительно отбрасывая у Валерия пленку и положила себе в рот. Сделала глотательное движение. Валерий протянул ей чашку с остывшим кофе, и Нонна взяла, отхлебнула.

Она стояла посреди каюты и смотрела куда-то вверх оставившимся взглядом.

— Ну? Ну что? — нетерпеливо спросил Валерий. — Действует?

Она молчала.

— О добрый аптекарь, напиток твой действует верно, — пробормотал Валерий, пытаясь пересилить вдруг охватившую его жуть.

...Ур очнулся. Он услышал стук двигателя. Как бы сквозь туман увидел над собой электрическую лампочку в проволочной сетке.

Окончательно придя в себя, Ур обнаружил, что лежит на узкой койке, пристегнутый двумя широкими ремнями к ее бортам. Вокруг были железные стены, выкрашенные серой масляной краской, без окон. Стены начали валиться, койка стала боком, и он повис на ремнях, больно впившихся в тело. Потом — резкий толчок, Ура подбросило вместе с койкой... с силой швырнуло вниз... Хорошо еще, что его догадались привязать к койке, иначе он давно бы разбил себе голову об железные стены или об ножки стола, привинченные к палубе...

Но что это за каюта без иллюминатора? На каком он корабле и куда идет этот корабль по штормовому океану?

Тут он вспомнил все, что с ним произошло.

Вчера — или еще сегодня? — он остался на «Дидоне», хотя Нонна звала его на берег. Ему очень хотелось сойти на угровый берег этого острова. Но он знал, что лучше ему остаться на судне.

— Чертов островок, — сказал Арман, заступивший на вахту у трапа. — Здесь даже летом не поныряешь. Вы замечаете, насколько южное полушарие холоднее северного?

Ур кивнул. Да, мрачноватый пейзаж. Голые скалы, высокие утесы окружали гавань, оставив только узкий коридор — проход в океан. Ур оглядел гавань и промысловые суда, стоявшие на якорях. На одном из них, судне с низкой, косо срезанной трубой и непонятным вылиневшим флагом, он остановил взгляд: кажется, где-то он уже видел это судно.

Спустившись в каюту, Ур прилег на койку, но вскоре понял, что не сможет заснуть. Он сел за стол и долго сидел, перематывая пленку в блокноте и читая одному ему понятные значки. И весь трудный год, прожитый на Земле, а вернее год и четыре месяца, как бы прокручивался вместе с этой пленкой перед мысленным взглядом. Он всматривался в значки — отголоски своих наблюдений — и поражался переменам в самом себе...

Страшно подумать, какую вызовет там реакцию отказ возвратиться. Станет ли легче после завтрашнего сеанса связи?..

Он сидел, углубившись в свои мысли, и тут постучали в дверь.

— Можно? — В каюту просунулся Франсуа, он часто дышал, глаза его блуждали. — Мосье Ур, вас просит Нонна... срочно на берег...

— Что случилось? — вскочил Ур.

— Нет, ничего такого... Она упала, вывихнула ногу, — говорил Франсуа, пока Ур трясущимися руками натягивал пальто. — Она не может идти и просила вас...

— Скорей! — Ур уже мчался по коридорчику между каютами, на бегу нахлобучивая шапку.

У трапа дежурил мальгаш Жильбер, сменивший Армана. Ур и Франсуа спустились по трапу в шлюпку, схватились за весла.

— Нет, мосье Ур, к тому пирсу, — сказал Франсуа.

Фонарь на пирсе будто устал разгонять сгущающуюся мглу, света его хватило только на пятак под столбом. Над гаванью плыл перезвон склянок.

— Сюда, мосье, за мной.

Следом за Франсуа Ур быстро прошел мимо приземистых домов, мимо длинного сарая из гофрированного железа. Дальше тропинка уходила в скалы, ломанными черными силуэтами рисовавшиеся на фоне темно-серого неба. В скалы, в ночь, ввой ветра уходила эта тропинка.

— Далеко еще, Франсуа?

— Что? — обернулся тот на ходу, придерживая рукой шапку.

— Я спрашиваю — далеко...

Договорить Ур не успел. Троє или четверо кинулись к нему из-за скал.

Вмиг Ур был схвачен крепкими руками, и один из нападавших начал обкручивать его веревкой. В следующий миг этот, с веревкой, отлетел от удара ногой в живот. Но тут Ур почувствовал, как что-то острое воинилось ему в шею. Руки его внезапно ослабли. Ур упал лицом вниз, попытался подняться, но не смог. Он еще слышал тяжелое дыхание над собой, потом почувствовал, что его подняли и понесли... Голова затуманилась, наступило беспамятство...

Ур отстегнул ремни и сел на койке. Немного побаливала шея. Ур дотронулся до нее рукой и нашупал корочку засохшей крови. Что же это было?

Со скрипом повернулся в замочной скважине ключ. Металлическая дверь отворилась, человек в черном берете и комбинезоне шагнул через высокий комингс в каюту. В дверном проеме встал, широко расставив ноги, второй — рослый малый с чем-то блестящим в руке.

— Очухался? — сказал человек в черном берете, вежливо улыбаясь и протягивая откупоренную бутылку с пестрой налейкой. — Нате, попейте водички. Может, есть хотите? Только скажите, я мигом. Куриных котлеток, конечно, нет: у нас весь траулер по самые уши залит горючим, это ведь сколько времени по всему океану гоняемся. Но бекон, кофе — это можно. Принести?

— Нет.

Ур принял медленно пить из бутылки, стараясь выиграть время и оценить обстановку. Плохи дела, подумал он. В одиом только повезло — в том, что блокнот остался на «Дидоне», не попал в руки к этим людям. Он уже догадывался, кто затеял охоту на него...

— Скажите, это не вы шли за мной по лесу на Гранд-Коморе? — спросил он.

— Может, и я, — охотно согласился берет. — Ох и болтанка чертова! Ну, кончайте, господин хороший, я пенацкой разговоры разговаривать...

— Я вас не держу. Идите.

— Бутылочку позвольте назад. Кто вас знает, может, вы мастер бутылкой драться. Ох и сильны же вы! — добавил он с уважением. — Джимми до сих пор кровью харкает, после того как вы его ногой в живот угостили.

— Со мной был юноша — где он? — спросил Ур. — Что вы с ним сделали?

— Парень жив и здоров, укачался только маленько.

— Вот, ваша бутылка. Идите и скажите своему хозяину, что мне нужно с ним поговорить. Да побыстрее.

Оставшись один в каюте, Ур выловил свои ботинки: один разъезжал по каюте, а второй оказался зажатым между стениным шкафчиком и умывальником. Не без труда Ур обулся. Надо быть готовым ко всему, сказал он себе. Надо собраться с мыслями.

Значит, так: Франсуа, судя по их словам, на борту траулера. Как бы с ним связаться? Это первая задача. Вторая — узнать,

куда идет траулер. Ну а дальше?.. Без блокнота он не сможет одолеть их, не сможет вызвать лодку... Если бы Нонна догадалась взять блокнот... На это нечего рассчитывать: она вывихнула ногу, она страдает от боли... и от того, что он, Ур, исчез неведомо куда...

Он ударил кулаком себя по лбу. Сам, сам во всем виноват. Тут он вспомнил, что сегодня истекает срок и будет вызов... вызов, на который он не сможет ответить...

Звук вставляемого в скважину ключа. Вмиг Ур поднялся на ноги. Лицо его было страшным. Он сделал шаг к двери...

Гugo Себастиан вошел в каюту. В глазах его мелькнул испуг, он выхватил из кармана пистолет. Ур опомнился. Нет, так нельзя... грубой силой их не взять...

— Я так и думал, Себастиан, — сказал он, овладев собой. — Так я и думал, что это вы подстерегаете меня по всему океану. Какого черта вам от меня надо?

Себастиан переложил пистолет из правой руки в левую и быстро перекрестился. Он был в коричневой кожаной куртке на белом меху. Желтые глаза смотрели настороженно из-под кустиков бровей.

— Вы напугали меня, Уриэль, — сказал он. — Я не одарен от природы такой могучей силой, как вы, и поэтому вынужден принять эту меру самозащиты. Вы не должны думать, что я собираюсь причинить вам вред: это всего лишь снотворное средство в растворимой ампуле...

— Я с ним уже познакомился. Чего вам надо? Куда вы меня везете?

— Понимаю ваше раздражение, Уриэль. И если вы сядете по ту сторону стола...

— Уберите пистолет. У меня сильное искушение свернуть вам шею, но я этого не сделаю. — Ур сел на койку. — Ну? Отвечайте.

Себастиан сунул пистолет в карман и сел на привычный к палубе табурет по другую сторону стола.

— Я бы предпочел, чтобы вы разговаривали вежливее, — сказал он, — но понимаю, что у вас есть основания гневаться. Меня утешает только надежда на то, что вы поймете, что я действую в ваших же интересах.

— В моих интересах? Что это значит?

— Уриэль, мне известны ваши планы. Поверьте, я вам друг, и я хочу самым серьезным образом вас предостеречь: вы собираетесь внести в мир огромную смуту. Вы хотите дать человечеству даровую энергию, но это обернется бедой для великого множества людей, которые потеряют привычную работу. Они станут нищими и будут проклинать ваше имя.

— То есть как?

— А куда вы денете гигантскую армию нефтяников, шахтеров, теплотехников, рабочих электростанций?

— Рабочие электростанций останутся, им только придется немного переучиться. А горняки... ну что ж, вместо тяжелой работы на нефтяных промыслах и шахтах надо им предоставить другую...

— Вы удивительно наивны, друг мой, — усмехнулся Себа-

стиан. — Но это естественно в вашем положении. Ваш предшественник тоже был идеалистом и поплатился за это...

— Вы опять о Христе? Не хочу слушать.

— Но я отвечаю на ваши вопросы, Уриэль... Если вы на самом деле, а не на словах хотите сделать человека счастливым и обеспечить ему достойное существование, то у вас просто нет иного способа, чем тот, который я вам предлагаю. Вы возглавите очистительное движение, какого еще не видел мир. Не имеет значения имя, полученное вами при рождении. Весь мир знает, что вы пришли из космоса, и только этот факт имееет значение. Ваше пришествие. Пришествие, которого уже отчаялось дождаться человечество. Не в имени дело, но имя может быть только одно, потому что только библейская традиция способна сплотить все человечество...

— Хватит, Себастиан. Ни слова больше о библии. Отвечайте без уверток: куда вы меня везете и что собираетесь делать?

— Хорошо, пусть будет в открытую... У меня все подготовлено, Уриэль. Сразу по прибытии в Кейптаун состоится пресс-конференция. Будут видные журналисты и другие влиятельные лица, сочувствующие движению неоадвентизма. От вас ничего не потребуется — только ваше присутствие. Я оглашу текст заявления, с которым вы можете сейчас ознакомиться...

— С какой скоростью идет траулер?

Себастиан пристально взглянул на Ура.

— Зачем вам это? Учтите, что здесь не выйдет ваша одеронская проделка. Мы в открытом море...

— Я хочу знать, когда мы доберемся до Кейптауна. Ну? Девять узлов? Пятнадцать?

— Двенадцать. Если штурм не разыграется еще сильнее, завтра к вечеру мы приедем в Кейптаун. Текст заявления пойдет в газеты и радио. Телевидение тоже подготовлено. Весть о втором пришествии облетит христианский мир в считанные минуты...

«Сколько времени прошло с момента выхода траулера с Кер-гелена?» — соображал Ур. Если бы не беспамятство, он знал бы это точно: чувство времени никогда его не подводило. Но это же чутье подсказывало ему, что сейчас не более семи часов утра. Вышел траулер, наверное, в восемь вечера. Одиннадцать часов в море... Значит, пройдено чуть больше ста тридцати миль...

Теперь, мысленно проложив курс на Кейптаун, Ур знал место траулера в океане. Если бы у него сейчас был блокнот, ах, если бы... Но есть еще одна хоть и слабая, но надежда. Если он и близко и приемник у них настроен максимально тонко, то сигнал вызова сможет дойти...

— Богатства в мире распределены неправильно, — продолжал между тем Себастиан. — Мы призовем верующих к справедливому перераспределению. Бедность будет вознаграждена за свое долготерпение достатком. Неисчислимые богатства, собранные за века католической церковью...

Тут он, взглянув на Ура, осекся. Лицо пришельца из космоса было неузнаваемым, оно как бы затвердело. По напряженному лбу бежала струйка пота. Толстые губы побелели и были словно склеены.

— Что с вами, Уриэль? — спросил Себастиан. Ему было нехорошо от кашки, у горла стоял тошнотный ком, но теперь он ощутил еще и испуг. — Уриэль! — крикнул он. — Что случилось?

— Ничего... — Ур повалился навзничь на койку и закрыл глаза. — Продолжайте...

С минуту Себастиан смотрел на неподвижного Ура. Потом сказал тоном почти отеческим:

— Ах, Уриэль, Уриэль... Вы, право, ведете себя как ребёнок... Какие-то крайности — то цирк, то неосуществимые проёкты... Зачем вам это? У вас даже нет приличного жилья, бог знает где вы ютитесь — по каким-то углам, по чужим квартирам. Получаете жалование, извините, клерка, ездите в городском транспорте... Знаю, сейчас вам кажется, что над вами совершиено насилие, но на самом деле это не так, и вы поймете, что я не более, как орудие вашей же судьбы. Вам, дорогой друг, предназначено будущее великое, блистательное...

«Вряд ли они приняли вызов, — думал Ур. — Они, конечно, еще далеко... Что ж, придется ждать прибытия в Кейптаун... Пресс-конференция? Пусты... Там-то я и заставлю выслушать меня...»

— Вы слышите, Уриэль?

— Да. Вы хотели показать заявление для прессы. Где оно?

Себастиан с живостью вынул из внутреннего кармана куртки целлофановый пакетик, а из него — сложенный лист настоящего пергамента. Английский текст был набран крупным шрифтом, напоминающим средневековую первопечатную латынь, вокруг шел орнамент тончайшей, искуснейшей работы, с золотым тиснением.

— Что это? — удивился Ур. — Вроде этих... как называются папские послания?

— Энциклики, — улыбнулся Себастиан, подняв черные кустики бровей. — Ну что ж, если угодно, это первая ваша энциклика, Уриэль. Видит бог, она не уступает ватиканским ни по стилю, ни по оформлению. Признаться, — добавил он доверительным, — все это обошлось мне в такую сумму, что только успех нашего дела держит меня, так сказать, на плаву... Один фрахт этого судна... Впрочем, ни к чему, — оборвал он самого себя. — Читайте.

«Люди Земли! Возлюбленные братья и сестры!

Я снова с вами. Я пришел.

Более года я обходил тайно Землю и видел многих людей и многие страны. И видел неправедные богатства и горькую нищету, и слезы человеческие, и горе от неразумия.

Я осмотрел церкви и увидел, как плохо служат они делу моему. Истинно сказано в Апокалипсисе: церкви Ефесская и Смирнская, церкви Пергамская и Фиатирская, церкви Сардийская, Филадельфийская и Лаодикийская в смуте и раздоре.

И только одна церковь, нерушимый корабль неоадвентистов, свято блюла веру во второе пришествие мое.

Я говорю: я испил из чаши Грааль, и вернулся, и встал во главе церкви своей...»

Дальше Ур читать не стал.

— Не люблю пышного стиля, — сказал он. — Неужели нель-

зя попроще: дескать, я пришел и теперь все переверну кверху дном... А это что? Откуда тут взялась моя подпись?

Внизу, под текстом, стоял широкий небрежный росчерк.

— Перепечатано с вашего автографа, Уриэль. — Себастиан вытянул из его пальцев пергамент. — Если помните, тогда, на Черном море, вы мне дали автограф. Я же сказал: ни в чем мы не собираемся вас затруднять — хотя бы и в росписи. Механизм полностью наложен и готов к действию. Дороги назад нет. — Он поднялся. — Я рад, что вы проявляете разумный подход. Не хочу утомлять вас. Если вы захотите поесть...

— Минуточку, Себастиан. Я хочу повидать юношу, которого ваши люди вчера захватили вместе со мной.

— Я пришлю его, если только он на ногах. Бедный Франсуа плохо переносит качку. Разрешите, кстати, вас заверить, что Франсуа, как и его достойный дядюшка, будет вам верным служителем.

— Что это значит? Вы хотите сказать, что он...

Себастиан покачал головой:

— Боже, как беспредельно вы наивны...

Ур встал, устремив на швейцарца тяжелый взгляд.

— Мальчишка куплен? Вы подослали его на «Дидону», чтобы следить за мной? Отвечайте! Ну, живо!

Себастиан стоял, держась за край стола, и прислушивался к чему-то. Теперь и Ур слышал: топали ноги по железной палубе, доносились какие-то крики. Что-то там, наверху, происходило. Себастиан быстро вышел из каюты, но не успел притворить за собой дверь: Ур, метнувшись, навалился на дверь плечом. Себастиан давил с той стороны и кричал, призывая кого-то на помощь. Несколько секунд они боролись таким образом, потом Ур мощным рывком отбросил противника. Себастиан растянулся в узком коридоре. Пока он поднимался, вытаскивая из кармана пистолет, Ур в несколько прыжков достиг трапа, ведущего на верхнюю палубу.

Океан был страшен. Белопенные горы ходили, громоздясь выше мачты, бросали судно вниз-вверх. Дико, по-волчьи завывал ветер. Поток воды обрушился на палубу, сбил Ура с ног. Он очутился бы за бортом, если бы не успел схватиться за штормовой леер — канат, протянутый вдоль палубы. Мелькнуло рядом чье-то лицо с безумно вытаращенными глазами. На мостике человек в черном мокром плаще орал, глядя куда-то вверх. Ур, вцепившись в леер, поднял голову. Косматые бурые тучи плыли, гонимые ветром, их клочья словно бы цеплялись за мачту, за низкую, косо срезанную трубу. С неба, из туч в сереньком свете утра опускалось прямо на судно серебристое веретено.

Опять обвал гигантской волны. Покрывая рев воды и ветра, кричали на верхней палубе люди. Человек в черном берете мелко крестился. Кто-то орал:

— Марсиане!.. Это за ним прилетели!..

Ур не сводил взгляда с летающей лодки. Дошел, дошел вызов... Он не видел, как Себастиан, держась одной рукой за леер, другой нацелил на него пистолет. И тут выскоцил откуда-то Франсуа — Ур узнал его по соломенным волосам, по родин-

мому пятну на бледной щеке. В следующий миг Франсуа вышиб из руки Себастиана пистолет и завопил срывающимся голосом:

— Не губите меня!.. Мосье Ур, простите, простите... Они мне говорили, что так нужно для вашей же пользы... Простите меня, мосье Ур!

Стоя на коленях, он плакал и цеплялся за куртку Ура.

Лодка теперь висела над траулером, и вдруг палуба стала давить на ноги, она поднималась, поднималась, но это была не очередная волна — какая-то исполинская сила вытягивала судно из воды...

Взвыл, разгоняясь в воздухе, оголенный винт. Кто-то с мостика безумным голосом заорал, чтобы остановили двигатель. Оцепенев от ужаса, команда траулера смотрела на невесть откуда взявшееся веретено, которое притянуло, вырвала судно из воды и теперь потащил его за собой на небо, на Марс или еще дальше... Лязгая зубами, шепча давно забытые молитвы, смотрели на женщину с яростными черными глазищами, которая появилась в открывшейся на боку веретена овальной двери, на рыжебородого мужчину, выглядывавшего из-за плеча женщины...

Ур замахал им руками, закричал, и в ответ женщина тоже крикнула и засмеялась, а мужчина выкинул из двери что-то белое. Это был штурмтрап, он долетел, разматываясь, до палубы траулера, и Ур подбежал к нему, занес ногу...

Гуго Себастиан опомнился. Он кинулся вслед за Уром, но тут человек в черном берете проворно подставил ему ножку. Себастиан упал на палубу, его потащили назад. Он тянул руки к Уру и кричал:

— Скоты! Проклятые трусливые скоты!.. Сколько вам заплачено!.. Держите его, он же уходит, уходит...

И он пытался вырваться и рыдал, колотя отчаянно кулаками по железной палубе. Его держали крепко.

Ур долез по раскаивающемуся штурмтрапу до двери лодки.

— Франсуа! — крикнула Нонна. — Почему он не забирается?

— Не надо его звать! — Ур, задыхаясь, ступил в отсек и потянул штурмтрап наверх. — Я все-таки не Христос, чтобы прощать... Скорее! Вы мне энергатор разрядите...

Он захлопнул дверцу и ринулся к пульте управления. Быстрое движение руки...

Траулер со своей потрясенной командой тяжело рухнул в воду, выбросив гигантский фонтан, и закачался на волнах.

Ур и Нонна кинулись друг к другу в объятия.

— Ты молодчина, Нонна!

— Дорогой ты мой...

— Как твоя нога?

— Какая нога?

— Мерзавец, он выдумал это...

— Ты о чем, Ур?

— Потом, потом...

Валерий дернул Ура за рукав:

— Посмотри на экран.

Ур увидел пенные гребни гор-волн и траулер, торопливо уходящий прочь от неприятного места. Неуправляемая лодка низко висела над штормовым океаном. Казалось, волны вот-вот дотянутся, захлестнут...

Ур сел в кресло перед пультом и несколько минут сосредоточенно работал, настраивая автопилот. По экрану внешнего обзора поплыла полоска голубого света. Океан ушел вниз. Лодка, бесшумно набрав высоту, легла на заданный курс.

— Обратно на Кергелен? — спросил Валерий, когда Ур поднялся из кресла.

— Да.

— Только погоди обниматься, Ур. Успеете еще. Что с тобой было? Кто тебя похитил?

Ур наморщил лоб. Да, верно, пришла пора, приспело время объяснить самым близким людям, что, собственно, с ним произошло. Он усадил Нонну в кресло, единственное кресло в отсеке, а сам сел на пол, скрестив ноги. Валерий тоже устроился на полу, прислоняясь к стенке. Мягкий бестеневой свет лег на их лица и как бы приглушил на них выражение тревоги, усталости, пережитого отчаяния...

И Ур рассказал о Гуго Себастиане, задумавшем объявить его Иисусом Христом и с его помощью перераспределить богатства в мире — прежде всего, разумеется, в свою, Себастианову, пользу. И о том, как через посредство библиотекаря Океанариума Жана-Мари он, Себастиан, пристроил на «Дидону» этого юнца, Франсуа Бертолио, и как охотился на него, Ура, по всему океану, и как вчера этому соглядатаю, Франсуа, удалось заманить его в засаду...

У Нонны расширились глаза. Так вот оно что! Он безрассудно забыл обо всем и кинул ее на помощь... Она не сводила взгляда с лица Ура и твердила мысленно, клялась себе, что никогда ни на одну минуту теперь не оставит его одного...

Нонна принялась рассказывать, как проглотила пленку с зашифрованной информацией и что произошло с ней потом. Блокнот Ура был у нее в руках, и это оказалось так просто и естественно — повернуть кончиком пальца крохотную рукоятку сбоку и послать вызов лодке, она прекрасно знала, где находится лодка, да, знала, хотя и не смогла бы выразить это знание словами. И лодка появилась. Она, как призрак, возникла в темном, затянутом тучами небе и медленно опустилась на воду борт о борт о «Дидоной». Гавань замерла, пораженная небывалым зрелищем, а у доктора Русто выпала изо рта сигара. Она, Нонна, ничего этого не видела, это Валерий ей потом рассказал, и Валерий прыгнул за ней в открывшуюся дверь, хотя Нонна вовсе не собиралась брать его с собой, она просто ни о ком и ни о чем не помнила, кроме того, что нужно лететь на выручку Уру.

Но куда лететь? До сих пор она знала, что надо делать, — каждый раз перед новым, что ли, этапом ее вдруг осеняло. Она знала, как поднять лодку в воздух, и подняла, но куда лететь, она не знала. Почти всю ночь лодка ходила кругами над Кергеленом, на экране было темно, и она, Нонна, временами

думала, что сойдет с ума от страшного напряжения, головной боли и тревоги. И вдруг — уже стало светать — она поняла, куда надо лететь...

— Я послал вызов, — сказал Ур. — Без блокнота это возможно только на небольшие расстояния, потому что нет усиления сигнала. Хорошо, что расстояние между нами было в пределах ста пятидесяти миль — дальше сигнал бы не прошел.

— Ур, — сказала Нонна, почему-то понизив голос. — Я еще не все сказала. Среди ночи, а может, под утро... да, уже начинался рассвет... я вдруг почувствовала, будто меня зовут. Вначале я подумала, что это галлюцинация. Но зов повторился...

— Это меня вызывали, — тоже тихо ответил Ур. — Но поскольку блокнот был у тебя...

— Я так и подумала. Вдруг все исчезло. Будто выключилось.

— Да, — кивнул Ур. — Они поняли, что это не я.

Помолчали. Ур сидел задумавшись. Но вот он поднял голову и увидел две пары глаз, с ожиданием устремленных на него.

Что ж, теперь уже не было смысла скрывать...

— Не знаю, как ты, Нонна, — сказал он, — а Валерий, наверно, давно понял, что я не просто вернулся на Землю жить среди людей, как живут мои родители... что у меня была определенная цель...

— Мне приходило это в голову, — подтвердил Валерий. — Но вообще-то... как-то забывалось... Не хватало, что ли, времени хорошенько подумать. Знаешь ведь нашу каждодневную тескучку — тебя захлестывают дела, и ты несешься, несешься... Так ты разведчик, Ур?

— Да, — не сразу ответил Ур. — Помнишь, Валера, как ты заполнял мою анкету? Я еще тогда задумался: где же моя родина? Древний Шумер, которого я никогда не видел и которого давно нет на свете? Или планета Эир? Я вырос на Эире, там я получил образование и воспитание — значит, это и есть моя родина...

— Нет, — быстро сказала Нонна. — Твоя родина здесь. Ты сын землян и сам землянин.

— Я вырос на Эире, и это был мой мир. Других я не знал и не хотел знать. Конечно, я сознавал свою непохожесть на них. Это мучило меня. Больше всего мне хотелось быть таким, как все. Хотелось страстно, до ненависти к собственному лицу и телу. Но это был мой мир. И когда мне предложили лететь на Землю... Нет, — вздохнул он. — Не с этого надо начать. Надо начать с той эирской экспедиции. Первое знакомство с землянами создало у эирцев впечатление о Земле как о планете дикой, населенной крайне агрессивными существами, и на своих картах они сделали пометку, означающую низшую степень разума. Вместе с тем они подметили потенциальную способность земных племен к быстрому развитию. Покидая Землю с моими родителями на борту, экспедиция забросила в океаны несколько следящих маяков. Они обязаны были сделать это. Два маяка действуют до сих пор. Они регистрировали мощные взрывы и анализировали состав атмосферы. Информация поступала на Эир и обрабатывалась... ну можно назвать эту машину машиной прогнозов. Раз за разом прогнозы приобретали

все более тревожный характер. Они предсказывали опасность для Эира...

— Опасность со стороны Земли? — изумилась Нонна.

— Да. Агрессивные от природы земляне, вооруженные ядерным оружием, выйдут в открытый космос — такой прогноз был сделан, и его расценили как отдаленную, но реальную опасность для старых цивилизаций Галактики. Я был послан на Землю, чтобы определить степень опасности, дать достоверную информацию. Я понимал ответственность своей задачи и был полон энтузиазма...

— Ты определил степень опасности? — спросила Нонна.

— Я старался понять земную жизнь. Мне было так трудно, что невозможно выразить. В минуты слабости я просил отозвать меня... Погоди, Нонна, не торопи, я отвечу на твой вопрос... Жизнь на Земле, кроме самых общих принципов, определяющих условия существования разума в Галактике, никакой разнородности и пестроты, которые ошеломили меня на Земле... Я старательно выполнял свою задачу. На Эире не только получали регулярную информацию от меня, но и видели моими глазами, слышали моими ушами. Они плохо понимали многое, и я, как умел, объяснял... Я пришел к выводу, что машина прогнозов преувеличила опасность...

— Преувеличила! — Валерий вскочил и возбужденно принял расхаживать по тесному отсеку. — Ты им скажи, непременно скажи, что они могут спокойно спать на своих кроватях, черт дери...

— Я тоже уверена, что ядерных налетов на Эир и любые другие населенные планеты не будет никогда, — резко сказала Нонна. — Просто обидно, что они считают нас дикарями!

— Не надо обижаться, — посмотрел на нее Ур. — У них были достаточно серьезные основания считать землян агрессивными.

— Да как же можно так обобщать? Ну, были войны и сейчас есть. Ну, существуют агрессивные группы, реваншисты всякие, фабриканты оружия — мир пестр и разнороден, в этом ты прав. Но нельзя же всех людей под одну гребенку!

— Что вы накинулись на меня? — несколько растерявшись спросил Ур. — Я же говорю, что информировал Учителя... я правильно информировал эирцев, что прогноз ошибочен... что есть на Земле могучие силы, которые не допустят вывоза ядерного оружия в космос.

— Послушай, — остановился перед ним Валерий. — Ты информацию правильно, ты молодец. Ну а если бы ты подтвердил прогноз? Что было бы тогда? Война миров?

— Теперь не уэллсовские времена, Валера, чтобы лететь, выжигаться, чем-то рисковать...

— Я помню, помню! Ты мне однажды сказочку рассказал, я запомнил, как грозились схлопнуть Солнце. Это про них ты рассказывал, про эирцев своих?

— Сказка есть сказка...

— Не крути, Ур! Могут они устроить звездный коллапс? Да или нет?

— Могут. Потребуется такое количество энергии, что трудно

себе представить, но в принципе это возможно. Что вы так всполошились, ребята?

— Да видишь ли, — ворчливо сказал Валерий, садясь на место, — лично я обожаю загорать. Хочется еще полежать под солнышком кверху спиной...

— Почему бы эирцам не вступить в прямой контакт с нами? — сказала Нонна. — Разве это не лучше, чем вести тайные наблюдения?

— С кем бы они вступили в контакт? До моей отправки сюда население Земли представлялось им скопищем враждующих племен.

— Какая глупость! Как будто нет ничего, кроме вражды! Ты расскажи им, Ур, о движении за мир. О международном сотрудничестве ученых, о нашем соглашении с американцами о совместных полетах в космос...

— Об Олимпийских играх, — вставил Валерий.

— Наконец есть международные организации, Совет Безопасности, например, который мог бы назначить авторитетную группу экспертов...

— Верно, все верно, — сказал Ур. — Они теперь знают об этом. Но контакт... Может быть, они найдут нужным вступить в контакт, но что-то я сомневаюсь. Слишком разные уровни. Скорее всего они решат подождать, пока Земля достигнет второй степени разума.

— А что это такое? — спросил Валерий.

— Что это такое? — повторил Ур. — Хорошо. Попробую объяснить возможно более популярно... Разум — это ведь не просто продукт высокоорганизованного мозга. Это и энергия. Но для получения энергии требуется определенная система. Мозг постоянно принимает информацию, рассеянную вокруг; этот прием, не организованный в систему, стохастичен. Мозг может и должен быть настроен на направленный прием информации, и тогда мышление включается в информационные поля. Тогда оно становится не просто продуктом энергетики мозга, но и, многократно усиленное, само превращается в источник энергии. Эту энергию, которую дает коллективное, организованное в систему мышление, давно освоили на Эире. Можно это назвать интеграцией мыслительной энергии.

— Коллективное мышление, — задумчиво сказал Валерий. — Где-то я читал... где-то было подсчитано, что мыслительная энергия двух миллионов человек, мыслящих синхронно, может зажечь сорокаваттную электрическую лампочку...

— Зажечь лампочку? — Ур засмеялся. — Вряд ли на Земле есть электростанция такой мощности, какую дает выход энергии сознательно-коллективного мышления. Ну вот. Социальное устройство, достигшее такого уровня общего мышления, и есть главный признак второй степени разума.

— Ну и ну, — покачал головой Валерий. — Значит, все там думают хором, что ли? Об одном и том же? По команде?

— Нет, конечно. Каждый думает сам по себе. Но если нужна определенная информация или определенная затрата энергии, немедленно включается вся мощь коллективного мышления, ты как бы получаешь импульс.

— Здорово! А каким образом... черт, не выразишь... как мож-

но настроить свой мозг на направленный прием информации? В общем, нельзя ли мне, или вот Нонне, или любому из простых смертных подключаться к системе?

— Нет, — сказал Ур. — На Эире с детства проходят специальный курс подготовки. Потом, по достижении зрелого возраста — примерно двенадцати лет по земному счислению, — ты сдаешь экзамен и получаешь личный усилитель. Это и есть акт приобщения к общему разуму.

— Личный усилитель? — переспросил Валерий.

— Да. Вы называете это блокнотом. Прибор универсален, он включает и устройство для записи. Но главное его назначение — усиливать энергетический потенциал твоего мышления. Прибор содержит сильный заряд, практически вечный, потому что постоянно идет автоматическая подзарядка. Вы сами наблюдали преобразование космического излучения в электрический ток...

— И прибор включает твое мышление в коллективное?

— Примерно так. Я говорю упрощенно, потому что психофизика тут очень сложная, мне самому не вполне понятная.

— Значит, в цирке ты поднимал людей направленной и усиленной прибором мыслью?

— Да. Меня привлекало в цирке...

— Погоди, Ур. Насколько я понял, прибор служит посредником между твоим и общим мышлением, так? Но общее мышление далеко отсюда. Не может быть, чтобы заряда прибора хватало на преодоление такого гигантского расстояния.

— Ты прав, Валера. Заряда не хватает. Ладно, говорить, так уж все до конца... Я ведь прилетел на этой лодке не с Эира.

— Само собой. Тебя с родителями доставил космический корабль, высадил вас на десантной лодке и, надо полагать, улетел обратно...

— Нет. Корабль остался на орбите Плутона... На корабле есть мощная станция-ретранслятор, через нее и идет моя связь с Эиром. Может быть, сегодня корабль перейдет на околоземную орбиту.

— Почему?

— Он придет за мной. Сегодня истекает мой срок...

— Что?! — Нонна испуганно уставилась на Уру.

— Они прилетят за мной, но я откажусь возвращаться. Я остаюсь.

— Правильно! — кивнул Валерий. — Что тебе там делать? Может, у них больше порядка и все такое, но, по-моему, скучноватая планета. Извини за резкость суждений, Ур, но ты игрок не из их команды.

Ур не ответил. Он смотрел на экран, на бурный, уходящий к туманному горизонту океан. Скоро, наверное, уже откроется прямо по курсу Кергелен.

— Я ведь не рассчитывал на то, что Нонна вызовет лодку и прилетит за мной, — сказал Ур, помолчав. — Думал, что ты лежишь с вывихнутой ногой...

— Кому же ты послал вызов? Им? — спросила Нонна.

— Да. У меня была надежда на то, что корабль где-то близко.

— Ур... они не увезут тебя силой?

— Надеюсь, что нет. Дай мне, пожалуйста, блокнот. Надо быть готовым ответить на вызов.

Нонна пристально на него смотрела и угадывала каким-то обострившимся чутьем, что он неспокоен, что за внешней сдержанностью скрывается тревожное ожидание.

Резкий толчок. Нос лодки стал быстро задираться кверху, будто она наскочила на препятствие и готовилась его перепрыгнуть. Нонна, вскрикнув, упала на спинку пилотского кресла. Ура и Валерия отжало к задней стенке отсека. Но Ур успел ухватиться за тумбу кресла и подтянул налившееся тяжестью тело к пульте. Перед ним заскользили цветные полосы, все быстрее, быстрее, и что-то тихонько щелкало. Ур знал, что означает щелканье, — перемену курса.

Он молча пытался обуздать лодку, вышедшую из повиновения. Но уже понимал, что ничего сделать нельзя...

— Это они? — прохрипела Нонна.

— Да...

— Что им нужно?.. Я не хочу к ним, не хочу, не хочу... Я боюсь, Ур!.. Скажи им, чтобы отпустили...

Он молчал. Он знал, что они сейчас не ответят на вызов, не станут говорить с ним, пока не притянут лодку на место...

Экран был затянут серой пеленой. Потом его залила голубизна — это лодка прорвала густую облачность и шла теперь вверх в чистом небе.

— Сделай, сделай что-нибудь, Ур...

Голубое небо начало меркнуть, словно наступил вечер. Вот оно стало темно-фиолетовым, почти черным, вспыхнули звезды — незнакомые, круглые, немигающие...

— Они не смеют! — кричала Нонна отчаянным шепотом. — Не смеют увозить насильно...

Вдруг перегрузка кончилась. Замедление было мягким, только стало красно в глазах от прилива крови. Наступила невесомость. Нонна и Ур держались за кресло, а Валерий всплыл, его ноги висели у Ура перед носом. Нонна успела заметить, что на экране появилось нечто совершенно непонятное — какие-то странные конструкции, длинные сверкающие плоскости... Лодка, вздрогнув, остановилась. Снаружи донесся короткий стук, потом — шипение.

— Стыковка? — спросил Валерий.

Он опустился на пол. Невесомость теперь исчезла. Тело весило почти нормально.

— Здесь искусственная тяжесть, — сказал Ур. — Сидите и ждите меня.

Он пошел к двери, но тут Нонна выскочила из кресла и решительно заявила:

— Мы идем с тобой.

Ур поколебался было, потом махнул рукой:

— Ладно. Только ни во что не вмешивайтесь.

Они прошли шлюз. Открылась овальная наружная дверь, и Нонна увидела темноватый коридор и гладкий помост, плотно прилегающий к корпусу лодки.

Ур быстро пошел по кольцевому коридору, освещенному невидимыми светильниками. Нонна и Валерий шли за ним, не отставая ни на шаг.

— КТО С ТОБОЙ?

— Женщина, которую я люблю. И мой друг.

— ОНИ ХОТЯТ ЛЁТЕТЬ С НАМИ?

— Нет. Они хотят остаться на своей планете. И я останусь с ними.

— ТВОЕ ПРЕБЫВАНИЕ ЗДЕСЬ КОНЧИЛОСЬ. ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ НА ЭИР.

— Нет, я решил остаться. Всем сердцем я благодарен своему первому Учителю, и всем эирцам, и тебе тоже, но я останусь на Земле. Здесь родина моего отца. Я человек и хочу жить среди людей.

— ТЫ ЗАБЫЛ ВСЕ, ЧЕМУ ТЕБЯ УЧИЛИ. ТЫ МЫСЛИШЬ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО. ТЫ САМ МНОГО РАЗ ПРОСИЛ ПОСКОРЕЕ ВЫВЕЗТИ ТЕБЯ ОБРАТНО НА ЭИР.

— Да, просил. Я не сразу пришел к ясному пониманию... Непоседовательность только подтверждает мою человеческую природу.

— ОНА ПОДТВЕРЖДАЕТ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ПРЕБЫВАНИЕ НА ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ СИЛЬНО НА ТЕБЕ ОТРАЗИЛОСЬ. К КОНЦУ СРОКА ТЫ ВСЕ ХУЖЕ ВЫПОЛНЯЛ СВОЮ ЗАДАЧУ.

— Я выполнял ее как умел. Мне было трудно здесь, и на моей информации невольно отражались смятение, растерянность... Но она всегда была правдивой. Я еще раз, последний раз говорю тебе с полной ответственностью: планета Земля не опасна для Эира...

Нонна стояла чуть позади Ура. Она не видела никого в темном помещении. Впереди светились разноцветными переливами окошки каких-то приборов — большие и маленькие окошки чужого мира. Где-то вверху была словно прорублена дыра, в которой виднелось звездное небо. Иногда по нему пробегали цветные волны.

Нонне казалось, что в глубине помещения есть кто-то живой, даже несколько живых существ. Ей было жутко, но она усиленно всматривалась, пытаясь различить очертания фигур. Раз ей почудилось, что пробежавшая световая полоска на миг выхватила из тьмы зеркальную чешую...

— ЧТО ЗНАЧИТ ПРАВДИВАЯ ИНФОРМАЦИЯ? НЕПОДДАЮЩАЯ!

— Правдивая информация отражает действительность без исказений. Без лжи сознательной или бессознательной.

— ИНФОРМАЦИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ИНФОРМАЦИЕЙ И БОЛЬШЕ НИЧЕМ. ВСЯ ТВОЯ ИНФОРМАЦИЯ БУДЕТ ОБРАБОТАНА В ПУТИ.

— Учитель, я не возвращусь на Эир! Мое место здесь, на Земле, я хочу жить среди подобных себе — неужели ты не понимаешь?..

— ЭТО НЕВОЗМОЖНО.

Нонна взглянула на Ура. Его лицо в слабом свете звездного неба хранило уже знакомое ей суровое выражение. Но было что-то еще, непривычное, щемящее, может быть, вот эти мучительные морщины на лбу, беспомощное выражение поднятых бровей...

— ЭТИ ДВОЕ МОГУТ ВЕРНУТЬСЯ НА СВОЮ ПЛАНЕТУ. ТЫ ВОЗВРАТИШЬСЯ НА СВОЮ. ТЫ ПРИОБЩЕН К ОБЩЕМУ РАЗУМУ И НЕ МОЖЕШЬ СПУСТИТЬСЯ К ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ.

— Могу! Могу и хочу... Отпустите меня, отпустите...

Нонне сделалось тоскливо, жалость и страх переполняли ее. Она не знала, о чем идет безмолвный разговор и как он поворачивается, но чувствовала, видела, что Ур побежден. Сломлен...

И вдруг из неведомых глубин сознания явилось иное чувство, мгновенно оттеснившее страх и жалость. И, безотчетно повинувшись ему, Нонна рванулась вперед...

Она ринулась в глубину помещения, туда, где притаились живые существа, она с ходу налетела на кого-то или что-то и заколотила кулаками по жесткому, жутко холодному, и она кричала надсадно, не своим голосом:

— Не отдам вам его! Он мой, а не ваш!.. Мой, мой!..

Что-то похожее на кривую палку подвернулось ей под руку, и она кинулась дальше, к смутным фигурам, и била палкой куда ни попадя.

— Умру, а не отдам его! Не отпущу ни на какие планеты, никуда, ни-ку-да!.. Убирайтесь отсюда!

Кто-то сзади схватил ее за плечи железными руками, она услышала над ухом голос Ура:

— С ума ты сошла!

Нонна вырывалась и царапалась, и кричала, срываая голос, ни до чего ей не было дела, только прогнать этих, не отдать им Ура...

Опомнившись, она увидела все в том же звездном голубоватом свете, что сидит на полу, а над ней, склонившись, стоит Ур, и лицо Валерия, небывало серьезное, увидела она. Ее волосы растрепались, распустились по плечам, и она машинально провела ладонью по полу в поисках выпавших заколок. Лицо было мокрое от слез, в горле першило, хотелось кашлять.

— Дай руку, — сказал Ур. — И вторую. Смотри, что ты наделала.

Руки у нее были в крови, на ребрах ладоней, на костяшках пальцев содрана кожа. Ей было все равно, она даже боли не чувствовала, только внутри, в груди нестерпимо болело. Тупо смотрела она, как Ур перевязывает ей руки своим и Валеркиным носовыми платками. Потом она подняла на него глаза, спросила почти беззвучно:

— Ты не бросишь меня?

— Никогда, — ответил он.

И, кончив перевязывать, выпрямился.

Разговор его с Учителем по каналу вневременной связи обервался в ту самую минуту, когда Нонна пошла в атаку. Корабельный связист, вероятно, выключил связь. Ур не знал, что происходило. Но что-то происходило — он видел это по одному ему заметным признакам. Наверняка корабельная машина анализировала поступок и слова Нонны, наверняка уже оповещен об этом Эир. Что ж, оставалось только ждать...

Но вот он ощущил сигнал вызова. Разговор возобновился.

— КТО ЭТО БЫЛ?

— Я уже сообщил: женщина, которую я люблю.

— ОНА ХОТЕЛА ПРИЧИНИТЬ ВРЕД ЭКИПАЖУ?

— Нет. Она никому не причинит вреда. Она добрая.

— ОНА СКАЗАЛА, ЧТО УМРЕТ, НО НЕ ОТДАСТ ТЕБЯ. ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

— Это значит, что она не захочет жить, если меня увезут на Эир. Она меня любит.

— А ТЫ?

— Что я? Лучше и мне умереть, чем расстаться с ней. Мы с ней не можем расстаться. Мы не можем жить порознь.

Связь опять прервалась. Но Ур продолжал стоять не шевелясь, не оборачиваясь к Нонне. Он чувствовал на себе ее тревожный взгляд. Слышал, как Валерий шептал ей что-то успокаительное...

Вызов!

— В КОРАБЛЕ РОЖДЕННЫЙ, СООБЩАЮ ТЕБЕ РЕШЕНИЕ ОБЩЕГО МНЕНИЯ, МЫ НЕ ХОТИМ ВАШЕЙ СМЕРТИ. И ХОТЯ ТВОЕ ЖЕЛАНИЕ ОСТАТЬСЯ НА МАЛОРАЗВИТОЙ ПЛАНЕТЕ НАМ НЕ ВПОЛНЕ ПОНЯТНО, ТЕБЕ РАЗРЕШЕНО НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ НА ЭИР.

— Спасибо, Учитель! Спасибо всем, всем...

— ТЫ БУДЕШЬ ВЫКЛЮЧЕН ИЗ ОБЩЕГО РАЗУМА. БУДЬ ОСТОРОЖЕН. СКАЖИ ЖИТЕЛЯМ ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ, ЧТО КРУПНЫЕ ВЫБРОСЫ ЭНЕРГИИ В КОРОТКОЕ ВРЕМЯ НЕ БЫВАЮТ ПОЛЕЗНЫМИ. ОНИ МОГУТ ВЫЗВАТЬ ТРЕВОГУ В ЦИВИЛИЗОВАННЫХ МИРАХ. ПУСТЬ ЖИТЕЛИ ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ БУДУТ ОСТОРОЖНЫ С ЭНЕРГИЕЙ.

Связь выключилась. На этот раз, как видно, навсегда...

Ур вдруг почувствовал, что ноги перестали его держать. Он сел и несколько секунд дышал, широко разевая рот.

— Ну что? — услышал он шепот Нонны. — Они не отпускают?..

Он повернулся к ней голову и медленно, трудно улыбнулся.

— Отпустили?! — ее глаза просияли.

Ур кивнул.

Потом он ушел во тьму кабины, его силуэт трижды пересек светлое пятно звездного неба. Слабо гудели странные голоса. Ур прощался с экипажем звездолета.

Потом они втроем вернулись по кольцевому коридору, через шлюз, в свою лодку. Он усадил Нонну и Валерия в кресла в соседнем отсеке — тут только Валерий вспомнил, что это были кресла Шама и его жены, Каа. Сам Ур уселся в пилотское кресло перед пультом. Снаружи зашипело, донесся короткий стук: звездолет разверз свое чрево, чтобы выпустить лодку.

Перегрузка нарастала, но теперь было легче ее переносить.

— Блокнот-то у Ура отобрали, — сказал Валерий. Он испытывал неудержимую потребность говорить. — И лодочку после посадки заберут обратно. И будет наш Ур как все люди...

Нонна молчала. Она лежала в кресле, закрыв глаза. Но Валерию почудилась слабая улыбка на ее измученном лице.

— Ну что ж, — сказал Валерий, — все хорошо, что хорошо кончается, как говорили в древнем Шумере.